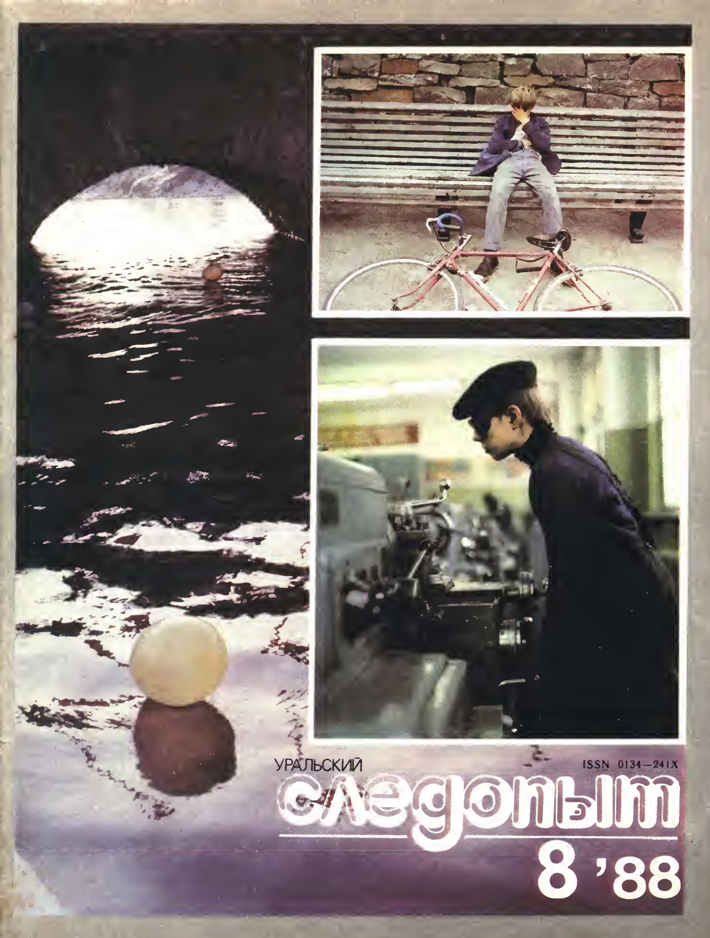

УРАЛЬСКИЙ
ISSN 0134—241X
следопыт
8 '88

В годы войны популярными были песенные строки: «Когда приходит почта полевая, солдат теплом далеким обогрет». Редакцию «Уральского следопыта» обогревают читательские письма. Число их за последние годы выросло почти в два раза, география резко расширилась — наглядное тому подтверждение дает карта подписки. Читатель радуется, негодует, советует, размышляет — яркую гамму эмоций и мыслей представляет редакционная почта. Диалог с читателем — один из магистральных путей развития журнала. Вот и этот номер во многом составлен из материалов, писем и заявок наших подписчиков. Ждем развития диалога!

Монета 1749 года, найденная в Красноуфимске (см. письмо на стр. 5).

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
8 '88

В НОМЕРЕ:

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22в
Телефоны отделов:
51-55-56 (писем, молодежных проблем),
51-22-40 (секретарнат),
51-09-71 (фантастнкн, прозы и поэзии),
51-53-20 (науки и технники, публицистнки),
51-09-69 (краеведения)

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице.

Подписка на журнал принимается без ограничений. Индекс 73413. Подписная цена на год — 4 руб. 80 коп.
По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечати».

Сдано в набор 06.05.88.
Подписано к печати 23.06.88.
НС 15119.
Формат бумаги 84×108 1/16.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 11,9.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 480 000.
(1-й завод: 1—250 000).
Заказ 463.
Цена 40 коп.
Типография издательства «Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки цветные фото И. Горячева, В. Борисова и В. Холостых.

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БУМЕРАНГ

Родиноведческая почта редакции... Она многолика и разновозрастна. В ней любопытство и тревога, дотошность и доверительность. Письма разные — у исторической памяти множество оттенков и уровней. Но совершенно однозначно то, что праздных, написанных от нечего делать писем в нашей почте нет. Ведь даже самый простой вопрос, обращенный к прошлому родной улицы или ее обитателей, и самая скромная попытка поделиться этим знанием с другими — это выражение сыновних чувств к родине и тревога о ней.

В отношениях журнала и читателя действует принцип бумеранга. Журнал имеет того читателя, какого выпестовал и пробудил к активной жизни. И наоборот: читатель получает такой журнал, в каком была его потребность, какой заслужил он своим вниманием и участием. Это — в идеале. На деле прямая и обратная связь не всегда бывает такой безупречной. Нам бы хотелось приблизиться к идеалу.

Почту отдела можно разделить вот по какому принципу: письма рассказывают, дополняют, поправляют и письма спрашивают. Но вот незадача: спрашивают чаще всего об одном, а рассказывают о другом. Противоречие естественное, но нельзя ли все-таки привести почту в некоторое согласие? ПУСТЬ НА ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛИ САМИ ЖЕ И ОТВЕТЯТ. А МЫ ЛУЧШИЕ ИЗ ЭТИХ ОТВЕТОВ НАПЕЧАТАЕМ.

Итак, в сегодняшней подборке краеведческих писем два раздела: «Читатель дополняет» и «Читатель спрашивает». Будем надеяться, что скоро появится третий — «Читатель отвечает».

ОТДЕЛ КРАЕВЕДЕНИЯ

ЧИТАТЕЛЬ ДОПОЛНЯЕТ

Сто смертей и одна жизнь солдата

Дорогая редакция! К вам обращается Коровин Евгений Сергеевич из Донбасса.

Прочитал статью Валерия Яковлева «Солдат экспедиционного корпуса» (№ 1, 1987). Она меня взволновала, потому что мой отец, Коровин Сергей Гурьевич, тоже был в экспедиционном корпусе.

Начну по порядку. Мой дед Коровин Гурий Семенович, уроженец Воронежской губернии, в 1898 году из-за голода уехал в Донбасс на строительство Екатерининской железной дороги. А потом остался на ней работать путевым обходчиком. Семья у него была большая — 9 душ детей. Их поселили в путевой казарме на 4-м километре от станции Поносная. Старшим был мой отец. Дед в это время был знаком с политическими. Они часто собирались в будке деда. Для охраны ставили моего отца, которому в ту пору было 7—8 лет. Давали ему керосиновый фонарь, и он в случае опасности подавал им сигналы.

Отец мой закончил 4-классное железнодорожное училище и пошел работать. В 1915 году отца призывают на военную службу и отправляют на фронт в Прикарпатье, где он принял первый бой. В одном из боев он был ранен. После выздоровления опять попал на фронт. Но немцы на этом участке пустили газ иприт, и он был отравлен этим газом. Очень многие погибли, а его отправили в госпиталь в Москву. После излечения отца послали в учебную команду, где он получил звание унтер-офицера, Георгиевский крест и Георгиевскую медаль. Из учебной команды их отправили в войсковую часть, где группировался экспедиционный корпус для отправки во Францию. Здесь отец был опять легко ранен, но из боя не вышел, за что был представлен к французской медали «Милитери».

В одном из боев на реке Сене был убит прапорщик, отец принял команду на себя. Форсировали реку и углубились в оборону немцев на несколько километров. За этот прорыв его представили к ордену Почетного легиона, который вручил сам Пуанкаре.

В 1917 году, когда в России произошла революция, в частях экспедиционного корпуса начались волнения, появились первые листовки, которые призывали солдат бросать оружие. Между немцами и русскими началось братание. Солдаты не хотели стрелять друг в друга. Тогда русских солдат отправили в лагерь Ля-Куртин, где произошли сильные столкновения между русскими и французами, в которых участвовал и мой отец. Полки и батальоны переформировали и отправили из Франции в Грецию для усмирения восставших русских и греческих солдат. Но и там часть, в которой служил отец, отказалась стрелять в восставших. Тогда весь батальон погрузили на английский корабль и отправили на каторжные работы в Алжир. В Средиземном море немецкая подводная лодка торпедировала корабль, и он начал тонуть. На борту было около трех тысяч русских солдат из экспедиционного корпуса. Многие утонули. Остальных, которые держались на воде, подобрал английский корабль. Чудом спасся и мой отец.

В Алжире их рассортировали: неблагонадежных, тех, что были замешаны в политике, отправили в Сахару на каторжные работы. Строили дорогу под охраной французов и арабов. Отец и на каторге вел агитацию, чтобы русских солдат вернули на родину.

Отношение к ним стало еще хуже, урезали пайку. Проснешься утром, вспоминает отец, смотришь — одни трупы лежат: от укусов скорпионов, змей, ядовитых пауков, от жары и от голода. Видя такое, он с группой соратников решил бежать. Раз в неделю туда приходил паровоз с несколькими вагонами — привозил материалы. Назад отправлялся ночью. Воспользовавшись темнотой, они залезли в вагоны и через двое суток доехали до Алжира. Разделились по одному-два человека, ушли в разные стороны. С отцом пошел один его товарищ из Саратова или из Самары. Они направились к марокканской границе. При переходе границы спутник отца был убит. Отец же, перебравшись через границу, попал в большой виноградник и в нем пробыл несколько дней, пока на него не наткнулась марокканская девушка, сестра хозяина виноградника. Она выходила больного отца, и он признался ей, что бежал с каторги.

Однажды ночью его переправили на лодке в Испанию, дали немного денег и продуктов на дорогу. Один испанский матрос достал ему старенькую одежду, чтобы он не бросался в глаза жандармам. Свои

награды отец менял на еду, чтобы не умереть с голоду. А орден Почетного легиона пообещал отдать матросу, если он поможет ему пробраться на корабль, идущий в Турцию. Матрос помог ему попасть на корабль, сделал его кочегаром. На палубу отец не выходил, пока не приплыли в Константинополь.

В то время шел 1919 год. В Константинополе было много русских эмигрантов и военнопленных. Отец больше месяца работал на черных работах, получая гроши. Однажды солдат из лагеря военнопленных сообщил отцу, что их собираются отправлять пароходом в Россию. Он вынес отцу солдатскую одежду и секретным ходом провел его в лагерь.

Пароход, куда их погрузили, взял курс на Одессу. Царские офицеры говорили, что плывем на помощь Врангелю, который в это время был зажат красноармейскими частями в Крыму. Одесса пароход не приняла, так как город был почти захвачен красными. Пошли на Новороссийск. На пароходе такие, как мой отец, начали агитировать, чтобы их распустили по домам. Офицеры шныряли, разыскивая агитаторов, и кого находили, расстреливали на месте.

В Новороссийске им выдали оружие, посадили в вагоны и отправили в Ейск, где в это время красные теснили белоказаков. Агитация свое дело сделала — почти вся часть за исключением некоторых перешла на сторону красноармейцев и приняла участие в освобождении Ейска.

Теперь путь лежал на Екатеринодар (г. Краснодар). Но случилось непредвиденное: отец заболел тифом. Его и других больных отправили в район Донбасса. После лечения, еще совсем слабым, отец вернулся домой в Горловку.

Он поступил работать на горловский паровозоремонтный завод слесарем. Активно участвовал в уничтожении банд Махно, марусь, «зеленых», рублевых. Каких только не было тогда банд!

В 1920 году он женился, завел семью, а в 1924-м, когда умер В. И. Ленин, по Ленинскому призыву вступил в партию большевиков. Работал машинистом водокачки.

Жили мы все время в Горловке, но тут пришла еще одна война. В октябре 1941 года нас бомбили немецкие самолеты, дом превратился в развалины. Меня, раненого, вместе с семьей первым эшелоном отправили на восток в эвакуацию. Отец в это время работал машинистом паровоза — подвозил военные грузы к фронту.

В 1942 году, когда Советское правительство организовало военные железнодорожные колонны особого резерва, отец вошел в состав 33-й колонны. Находясь все время на фронтовых линиях, он был в боях под Сталинградом, воевал в составе 3-го Белорусского, 1-го Прибалтийского фронтов. В Польше его наградили знаком Почетного железнодорожника. Награжден он также орденом Ленина.

В 1956 году отец ушел на заслуженный отдых, но не сидел сложа руки — был председателем совета пенсионеров. Сейчас ему 92 года.

Евгений КОРОВИН

Боец мартыновского отряда

С большим интересом прочитал очерк Ю. Немирова «Встреча в Альпах» (№ 11, 1987 г.). Речь в нем идет о бывшем бойце мартыновского партизанского отряда генерал-майоре М. Ф. Малееве. Я невольно вспомнил свою встречу с немецким коммунистом Вильгельмом Буком в Ростоке (ГДР). В то время я собирал материалы об интернационалистах-первоконниках. Будучи в Ростоке, поделился своими поисками с немецкими друзьями из окружного отделения Общества германо-советской дружбы, спросил, не знают ли они ветеранов, которым довелось служить в Первой Конной.

— Как же, есть один,— откликнулся сотрудник отделения.— Все в городе знают будьонни-райтера.

Так называют в ГДР тех, кто был в годы гражданской войны буденновцем.

С волнением ожидал встречи с Вильгельмом Буком. Вот и он. Высокий, седовласый, но еще довольно крепкий. На лацкане пиджака — советская медаль «За боевые заслуги». Заметив мое любопытство, сказал:

— Наградили к 50-летию Великого Октября.

Воспоминания о боевом прошлом осветили его лицо, глаза молодо заблестели.

— В 1916 году,— рассказал ветеран,— я попал в русский плен, который стал школой моего политического прозрения. Находился в лагере между Ставрополем и Ростовом. Работали в помещичьих имениях, на строительстве дорог и канала. В 1917 году узнали о февральской, а потом об Октябрьской революции, узнали о большевиках и о Ленине. Пленные понемногу начали разбегаться, стремились домой. Я и два мои товарища ушли в деревню Мартыновка, узнали, что здесь организуется партизанский отряд для защиты Октября. Вступили в него и мы, немцы. Со мной были Ганс Ионашек и Фриц Попезикер. Все трое горели желанием помочь русским братьям отстоять Советскую власть, разгромить контрреволюцию.

Вильгельм Бук рассказал, что вскоре мартыновский партизанский отряд попал в сложное положение. Мартыновку окружили красновцы. Несколько недель дрались в окружении. Кончились патроны, не было продовольствия и фуража для лошадей. Лишь после того как подоспела помощь коников Буденного, отряд вышел из окружения и влился в бригаду Буденного.

— Нашим командиром был калмык Ока Городовиков,— продолжал ветеран.— Очень смелый и справедливый командир. Все его любили. С боями мы дошли до Царицына и дрались здесь много дней и ночей. Мои товарищи погибли. Я остался один из тройки интернационалистов. Потом воевали с деникинцами. Теперь уже в конном корпусе Буденного, который затем стал Первой Конной армией. Лишь к концу 1920 года я вернулся в Германию.

— Как встретили вас на родине?

— Как красного и большевика,— ответил ветеран.— А когда узнали, что я воевал за Советы в составе конников Буденного, то нигде не давали работы. Конечно, стал членом КПГ. При фашистах несколько раз бросали в тюрьмы, концлагерь. Освободили меня из застенка советские братья.

Вильгельм Бук — «активист первого часа». Так называют тех, кто первым вышел на строительство новой демократической Германии. Работал в местном самоуправлении, в горкоме СЕПГ.

В то время, когда мы встретились, Вильгельм Бук уже был пенсионером. Но продолжал работать в обществе дружбы.

— Коммунисты не уходят в отставку,— говорил он.— Заниматься воспитанием молодежи, передавать ей эстафету революционных дел — наша пожизненная задача...

М. ОЗЕРАНЕР,
ветеран Великой Отечественной войны, член правления Ялтинского городского отделения Общества дружбы с ГДР

Театр у Кругляшева

В заметке «Рабочие театры» (№ 9, 1987 г.) А. Костерина пишет, что сведений о рабочем театре в екатеринбургской переплетной мастерской Д. А. Кругляшева не сохранилось. Это не так. Лет два-

дцать назад нам удалось спасти остатки архива некогда самого молодого актера этого театра из числа рабочих переплетной мастерской — Александра Ивановича Степанова. Прежде всего внимание привлекли две большие фотографии и дневниковые записи.

Тимофеевская набережная... В микрорайоне сегодняшнего «Космоса» в Свердловске располагалась усадьба Д. А. Кругляшева, при которой в начале века было построено здание для переплетной мастерской.

Общение с книгами облагораживало душу. Рабочие много читали, а потом тянулись и в самодеятельность. Особенно активно — в годы революции 1905—1907 годов. На подмостках этого небольшого театра ставились преимущественно пьесы А. Н. Островского.

Особенно восторженно встретила публика постановку пьесы «Не так живи, как хочется», сыгранную 9 октября 1906 года. Дашу играла Логиновская, Васю — Н. Н. Эмильский, купца Илью — В. А. Курамжин.

В труппу рабочего театра при мастерской Д. А. Кругляшева входили Е. С. Логинова, О. С. Борисова, Е. К. Пошехонова, М. С. Андреева и М. П. Чарина, Н. П. Шерстобитов (сын белоярского волостного писаря), Я. И. Михельсон, В. В. Кругляшев, К. В. Кругляшев (племянник хозяина), Л. Г. Андреев, И. П. Гаршин и другие.

Екатеринбургская жандармерия с 1903 года вела слежку за рабочими этой мастерской. Особым ее вниманием пользовался Вячеслав Викторович Кругляшев. Газета «Уральская жизнь» сообщала, что 8 октября 1907 года на улице ВИЗа задержан Кругляшев, который десять месяцев скрывался от полиции. Его подозревали в организации экспроприации больших сумм в конторе Добровых и Набгольц, в правлении общества «Кровля» и рязановской церкви. Вскоре уральская печать сообщила, что В. В. Кругляшев приговорен к смертной казни и приговор приведен в исполнение в тот же день, когда состоялся суд.

После этих событий театр Кругляшева был закрыт полицией.

Но вернемся к актеру А. И. Степанову. В 1936 году он в беседе с уральским журналистом А. И. Шубиным рассказывал: «Мало кто знает, что еще до революции 1905 года в Екатеринбурге было два рабочих театра. Один при мебельной фабрике Орлова, другой как раз при переплетной мастерской. У Кругляшева была устроена сцена, имелись декорации, занавес с намалеванным морским пейзажем и маской Пушкина. Кругляшев сам любил театр, а среди рабочих были не пустяковые любители искусства».

При последнем приезде на Урал несколько спектаклей посмотрел Д. Н. Мамин-Сибиряк, для которого рабочие, в том числе и А. И. Степанов, переплетали книги.

О самом Степанове известно следующее: когда в Екатеринбурге появилась украинская труппа хормейстера Дорошенко, то семилетний Саша Степанов «кочевал» с ней по Уралу, Сибири и Украине. Его научили петь украинские песни. Публика хохотала от удовольствия, тепло встречая маленького артиста. В 1904 году Саша шестнадцатилетним пареньком вернулся в родной Екатеринбург и поступил в мастерскую Кругляшева. Потом перешел в типографию Маклета, где сблизился с группой молодежи, связанной с большевиками. Стал выполнять задания.

24 ноября 1905 года жандармы выследили их за расклейкой листовок и арестовали. Решением Казанского выездного суда, рассмотревшего «дело шестерых», Александр Степанов, Сергей Сафонов, Василий Терентьев, Татьяна Тарханеева (умерла в 1916 году), Вера Стрижева и Вера Крутикова были сосланы в Архангельскую губернию.

После ссылки Степанов попал на фронт империалистической войны и был ранен. Вернулся в Екатеринбург. Воевал в красном полку под Вяткой, освобождал Екатеринбург. До 1932 года работал в типографии, потом уехал на село избачом, организуя художественную самодеятельность.

Найденные в архиве снимки сделаны, видимо, в один день: рабочие переплетной мастерской отмечают ее двадцатилетие. На стенах видны портреты А. А. Давыдовой, издательницы детского журнала «Мир божий», в котором были напечатаны лучшие детские рассказы Д. Н. Мамина-Сибиряка, известной артистки М. Савиной, а также фотопейзажи уральской природы.

Аркадий **КОРОВИН**, краевед, заслуженный работник культуры РСФСР

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Где родился командарм Чернавин?

Я иду по следам Всеволода Владимировича Чернавина. В 1877 году произведен в прапорщики, участник русско-турецкой войны, доброволец; в 1899-м — полковник, в 1907-м — генерал-майор. В то время офицерский состав русской армии был изрядно старым, капитаны, например, имели средний возраст 50 лет.

В сентябре 1914 года генерал-лейтенант Чернавин назначается начальником 3-й гвардейской дивизии. С этого времени имя Чернавина в штабных документах встречается часто. В 1917 году он — командир 2-го гвардейского корпуса. В Октябре этот корпус в полном составе безоговорочно признал Советскую власть.

В апреле 1918 года Чернавин выехал из Москвы в Воронеж с мандатом, подписанным членами Высшего Военного Совета Российской Республики М. Д. Бонч-Бруевичем и Н. И. Подвойским: «Высшим Военным Советом назначается военным руководителем Военного совета Воронежского района...»

События на Украине сделали той весной Воронеж приграничным городом. Южный фронт становился для республики главным: красновская конница вытаптывала донские степи, кубанские — Добровольческая армия Деникина.

Суровое время требовало решительности, крутых мер. Приказом РВС Республики от 11 сентября 1918 года образован Южный фронт. Двумя неделями позже решением РВС Республики создается 8-я армия из частей Воронежского, Курского, Брянского и других участков и направлений. В приказе № 1 по этой армии говорилось: «На основании предписания Революционного Военного Совета Российской Республики от 26 сентября 1918 года за № 185 и согласно лично данных мне Главнокомандующим всеми Вооруженными Силами Российской Республики Вацетисом указаний, я сего числа вступил в командование армией. Штаб армии — город Воронеж. В. Чернавин. 30 сентября».

Здесь решалась судьба революции: через Воронеж открывалась дорога на Москву.

В феврале 1919 года образуется Западный фронт. Среди поочередно сменяющихся командующих — В. М. Гиттис, М. Н. Тухачевский... Инспектором пехоты этого фронта, а затем помощником командующего становится Всеволод Владимирович Чернавин — человек уже солидного возраста, далеко не богатырского здоровья.

Перемещения по службе продолжались: в 1924—1926 годах В. В. Чернавин — в распоряжении Реввоенсовета СССР для выполнения особых поручений, с июля 1926 по 31 марта 1931 года — сотрудник научно-уставного отдела штаба РККА и одновременно преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе и Курсов усовершенствования высшего начсостава Красной Армии. Его слу-

шателями были многие наши прославленные полководцы.

Из жизни он ушел в тридцать восьмом году.

Но большая жизнь этого человека не должна вмещаться в короткие строки. Одна из ее загадок — место рождения Чернавина. Родился 29 января 1859 года в Тюмени — так значится в его формулярном списке. Иду в архив, листаю церковные книги и не нахожу нужной фамилии. Расспрашиваю старожилов — безрезультатно.

Он смотрит на меня сквозь очки из небытия, из забытости; спокойным напоминанием о его значимости выстроены вдоль петлицы четыре ромба командарма 2 ранга — воинского звания, полученного им в отставке. И мне так хочется найти фамилию Всеволода Владимировича в архивах Тюмени, может быть, потому, что хочется пройти его жизнь от начала до конца, пройти, как по улице его имени.

Анатолий ВАСИЛЬЕВ

Искор — столица и Искор — село

Прочитал статью А. Малышкина «Стольный град Сибири» (№ 10, 1987 г.), где упоминается Искор (ханская столица) — город, существовавший в 15 верстах от Тобольска. В Пермской области, Чердынском районе, тоже есть село Искор (я родом оттуда). Хотелось бы узнать, существовала ли между ними какая-то связь и откуда произошло название?

Г. ПЕШЕХОНОВ, г. Макеевка

Чья она, ода дневнику?

Вести дневник я начал очень давно, еще до войны, учеником третьего класса. А приучил меня к этому мой отец, который и сам всю жизнь вел дневник. Он же в первом моем дневнике — простой ученической тетради — написал свое напутствие и стихотворение, в конце которого сделал приписку: «Фамилии автора не знаю».

И вот много лет спустя я заинтересовался: кто же все-таки автор? На протяжении жизни оно мне ни разу не встретилось, нигде и ни от кого ничего о нем не слышал. Расспрашивал знакомых, рылся в библиотеках, говорил с библиофилами — нет, никто ничего не знает об авторе стихотворения.

Привожу его **в том виде**, в каком отец более полувека назад переписал мне в дневник:

СТАРОЙ ТЕТРАДИ-ДНЕВНИКУ

Ты вся исписана,
тетрадка дорогая,
Стара, запачкана, ты больше
не нужна.
И вот уж близок час, когда
тетрадь другая
Тебя, мой старый друг,
мне заменить должна.
Но ты не пропадешь: мне
дороги те звуки,
Которые тебе я поверял
порой —
В них мысль моя живет,
души влюбленной муки,
И сердца пылкого горит
огонь живой.
Я сохраню тебя! Когда-нибудь
придется
В тебя мне заглянуть,
забытых вспомнить лиц,
И сердце радостно
в груди моей забьется,
И счастием пахнет
с исписанных страниц.
Ты был мой лучший друг,
в минуты вдохновенья
Тебе одной вверял я пылкие
мечты,
И честной юности горячие
стремленья,
И образы меня пленившей
красоты.

Может быть, кому-то известен автор оды дневнику?

Б. КОЗУЛИН

Отзовитесь, однополчане-комбайнеры!

Постановлением Уральского областного исполнительного комитета от 2 июня 1933 года в Свердловске было проведено двухмесячное обучение трех тысяч комбайнеров (на комбайны «Коммунар») для зерновых МТС и совхозов. Это было одно из заметных мероприятий первой пятилетки.

Комбайнеров учили на бывшей Сенной площади (ныне парк имени Павлика Морозова) в здании ФЗС № 11.

Я шесть лет веду поиск учащихся и преподавателей, чьи трудовые биографии и судьбы прошли через то памятное лето 1933 года.

Павел ГОЛУБЧИКОВ, бывший преподаватель полка комбайнеров, г. Свердловск

Что за горы?

В районе слияния рек Белой и Камы есть земляные горы внушительной величины. На довольно ровных берегах такие горы, мне кажется, не случайны. Хотелось бы узнать о их происхождении. С постройкой Нижнекамской ГЭС уровень воды в месте слияния рек резко увеличился, и вода вплотную подошла к горам. Не приведет ли это к их разрушению? Я слышал, что на одну из гор, что находится вблизи пос. Дербешка, была экспедиция студентов из Перми...

Сергей **КОЛЗИН**, слесарь-ремонтник объединения «Удмуртнефть», **г. Сарапул**

Откуда монета?

См. фото на 2-й стр. обложки

Я пенсионер из города Красноуфимска. Работая на своем садовом участке, нашел старинную монету медную 1749 года. Монета меня заинтересовала — ведь ей 239 лет! Прошу, если можно, расскажите об этой монете все подробности. Какого она достоинства, где чеканилась и была в обращении и что означают буквы на ней?

ТОМИЛОВ

Не потомок ли декабриста?

Уважаемые товарищи! Я жила и работала в старинном таежном селе Всеволодо-Благодатском возле г. Североуральска. Долгое время собирала материалы по истории этого села. Удалось найти немало интересного. Столкнулась с таким фактом. После событий 1905 года в село была сослана группа студентов. Но откуда они, из какого учебного заведения, установить не смогла. Среди этих студентов был Николай Иванович Розен, которого почему-то все называли «декабристом». Не потомок ли декабриста А. Е. Розена?

Обратилась в архивы Ленинграда и Москвы. Ответы неутешительны: «Запрашиваемыми сведениями не располагаем».

Вот я и подумала: может быть, через «Уральский следопыт» я смогу что-то узнать о тех ссыльных студентах?

Ангелина СМИРНОВСКАЯ, Краснодарский край

«Рискуете попасть в «Прожектор перестройки»

«Уважаемый тов. редактор!

Журнал «Уральский следопыт» очень интересный, содержательный и, что главное, он интересен для читателя любого возраста. Но вот уже три месяца журнал мы не получаем. Обращались на почту неоднократно. Там ответили, что по неизвестным причинам Ваша редакция нужное количество не присылает. Как это понимать? Мы же заплатили деньги!

Просим Вас ответить и, если Ваша вина, неплохо бы извиниться и наладить регулярную доставку журнала. Если же Вы не найдете нужным ответить нам, для начала мы пошлем жалобу на Центральное телевидение, в «Прожектор перестройки», благо, что сейчас все доступно трудящемуся человеку.

С уважением, ваша подписчица В. А. Лукина.

г. Макеевка Донецкой обл.»

Вооружившись этим и другими аналогичными письмами, я отправился в Свердловское предприятие «Союзпечати». На вопросы отвечал зам. начальника С. А. Зобиев, ему помогали сотрудники Н. Н. Стрепунина и Н. Г. Новоселова.

— Сергей Александрович! Нынче, как никогда ранее, в редакционной почте много нареканий на плохую работу «Союзпечати» и почты. В чем причина: в резком увеличении нашего тиража или снижении качества работы служб «Союзпечати», включая вашу?

— Вряд ли здесь подходит «или — или». Тираж, естественно, сказался. Пять лет назад «Уральский следопыт» выходил в количестве 250 тысяч, ныне — 480 тысяч. Резко расширилась география — журнал рассылается в 166 областей и краев страны, значительно выросла документация, а число сотрудников, занятых ее обработкой, осталось неизменным.

Первая декада ноября для нас очень тяжелая. Посудите сами. Читатель может оформить годовую подписку на журнал вечером 31 октября, а уже 10 ноября мы обязаны отправить в центральные органы итоговые данные по всей подписке. Подчеркиваю, по всей. Кроме «Уральского следопыта» мы оформляем документацию на тысячи других изданий. Если учесть, что заказы из областей поступают с большим опозданием, что на эту декаду приходятся праздничные дни, то легко представить состояние работников «Союзпечати». Напряжение колоссальное, и в этой обстановке малейшая ошибка, вызванная поспешностью, физической утомленностью или, что таить, небрежностью, оборачивается нервотрепкой для подписчика.

Особенно много путаницы с трактовкой (трактовка — особый шифр на карточке, где указывается номер и место почтового вагона). Проставят наши коллеги на Украине, в Калуге или Кемерово не ту цифру,— и журнал покатит не в ту сторону.

Вопрос редакции журнала «Уральский следопыт» Министерству связи. Проблема эта не только свердловская. Не стоит ли подумать о поэтапном ходе подписной кампании? Допустим, к 25 октября завершается подписка на местные, к 20 октября — на республиканские и центральные издания. Подписчики, убежден, с пониманием встретят эту меру, если взамен незначительного сокращения сроков им будет гарантирована более высокая, чем ныне, степень доставки корреспонденции. Возможны, видимо, и другие варианты.

И второе. Я держал в руках «Список газетных узлов СССР». Более растрепанной книги трудно представить. Не спешите винить работников «Союзпечати» в неаккуратности. Справочник постоянно в ходу, без него как без рук. «Список» вышел в 1974 году, с тех пор не переиздавался и потому весь испещрен добавлениями и исправлениями. А от него, между прочим, всецело зависит та самая трактовка. Неужели нельзя срочно переиздать книгу, в которой нуждается, сама того не подозревая, вся многомиллионная читающая аудитория страны?

Вернемся, однако, к беседе.

— С вашей помощью, Сергей Александрович, мы заглянули на кухню «Союзпечати». Но давайте встанем на позицию читателя. Он заплатил кровные денежки за журнал, а номер ему не доставлен. Он шлет сигнал SOS к нам в редакцию, в Москву, в ваше агентство. Как лучше ему поступить?

— Все жалобы по недоставке, несвоевременному получению журналов анализируются работниками «Союзпечати» и почтовой связи. В одних случаях виноват сам абонент (неверно заполнена квитанция, не обеспечена сохранность в почтовом ящике), в других — почтальон, в третьих — районное или головное предприятие «Союзпечати». Доходит до курьезов. Как только в «Уральском следопыте» и других изданиях появляется интересная публикация — количество жалоб на неполучение изданий учащается.

РЕКОМЕНДАЦИЯ ОДНА: ВО ВСЕХ СЛУЧАЯХ НЕДОСТАВКИ ЖУРНАЛА ПОДПИСЧИК ДОЛЖЕН ОБРАТИТЬСЯ В МЕСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СВЯЗИ. Если там не в состоянии решить проблему, его работники обязаны сделать запрос в городское (районное) отделение «Союзпечати» или сразу в экспедиционное предприятие. Если же отделения связи направляют свои жалобы в редакцию, то это говорит об их некомпетентности. Журнальная экспедиция Свердловского почтамта высылает недостающие экземпляры только по актам о недовложении в стандартную пачку. На этот случай предусмотрено 60 экземпляров каждого номера журнала сверх тиража. Сразу же скажу, что цифра эта явно недостаточна, нужен больший резерв.

— Читатели сетуют на позднюю доставку «Уральского следопыта»...

— Они совершенно правы... Трудно объяснить, почему журнал, пользующийся союзной известностью, находится на положении Золушки, ютящейся на задворках местного издательства «Уральский рабочий». Журнал (второй завод — *т.* е. вторая партия) поступает в журнальную экспедицию в конце месяца, 28—30 числа, так что августовский номер, допустим, почтальон принесет подписчику только в сентябре.

Вопрос редакции руководству Свердловского обкома КПСС.

Издательство «Уральский рабочий» давно и прочно игнорирует интересы местных организаций, ссылаясь на директивные указания Управления делами ЦК КПСС. Производство «Уральского следопыта», скажем, прерывается на полмесяца, чтобы выпустить журнал «Человек и закон». Всерьез обсуждается предложение печатать часть тиража «Уральского следопыта» в Тюмени. Следуя этой блестящей логике, легко дойти до полного абсурда: «Человек и закон», издающийся в Москве, печатать в Свердловске, «Уральский следопыт», издающийся в Свердловске, печатать в Москве. Почему «Уральский рабочий» все более теряет статус самостоятельного предприятия, превращаясь в филиал центральных ведомств? Почему бы формирование портфеля заказов не начинать прежде всего и главным образом с заявок местных организаций? Это не местничество, это требование жизни и здравого смысла. В конце концов должен же кто-то убедительно и авторитетно разъяснить столичным инстанциям, что Свердловск — единственный областной центр в Российской Федерации, где выходят массовыми тиражами два популярных журнала — «Урал» и «Уральский следопыт», где, наконец, находится одно из крупнейших в стране книжных издательств.

Добавим: график выпуска журналов составлен так, что предпочтительное отношение к столичным изданиям не оставляет местному объединению «Союзпечати» никакого резерва времени для нормальной обработки тиражей и документов.

Впрочем, будем объективны, не поддаваясь искушению превратить издательство «Уральский рабочий» в козла отпущения. У него свои претензии и весьма серьезные. Как заявила начальник производственного отдела Т. М. Верейкина, нередки случаи, когда тираж «Уральского следопыта» не вывозится по 4—5 дней, загромождая и без того перегруженные производственные площади. Главный виновник этому — главпочтамт. Список виновников, как видите, растет, упомянем еще и Средне-Уральское книжное издательство. Честно признаемся, что и редакция недостаточно энергично защищает интересы своих читателей. И данная публикация ставит своей целью публично обнажить изъяны в цепи: редакция — типография — «Союзпечать». Надо чтобы каждый в этой цепи честно и ответственно выполнял свой долг перед читателями.

Повторим еще раз для лучшего усвоения: ВО ВСЕХ СЛУЧАЯХ НЕДОСТАВКИ ЖУРНАЛА ОБРАЩАТЬСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО В ОТДЕЛЕНИЯ СВЯЗИ. При обнаружении типографского брака бракованный экземпляр направлять в издательство «Уральский рабочий» (г. Свердловск, ул. Тургенева, 13).

Беседу вел и комментировал
Станислав МЕШАВКИН

Георгий
ГУРЕВИЧ

повесть

ОРДЕР НА МОЛОДОСТЬ

Рисунки
Дмитрия ЛИТВИНОВА

Романы отец не любил, но с упоением читал отчеты об экспедициях, не пропускал видеопередачи с планет и спутников. Как раз в те годы обследовали астероиды, один за другим, отец заказывал и просматривал все копии съемок. В раннем детстве и я пытался смотреть, сидя у него на коленях, но долго не выдерживал: камни и камни, камни и камни, сколько же можно глядеть на камни? А когда же звери?

Вот из-за камней этих и произошел разрыв у них с мамой. Но это уже не по моим воспоминаниям, по отцовским.

Отцу дали видеоотчет об экспедиции на Цербер, от Цербера тогда ожидали чего-то необыкновенного. Отец сидел у экрана, очень хотелось ему не торопясь рассмотреть все подробности. Вдруг разглядит что-то упущенное. И вот, когда как раз какие-то намеки начали вырисовываться, мама позвала отца к столу. Гости пришли, мамины подруги, три дамы, неудобно заставлять их ждать.

Помню этих подруг, я их называл тетями: тетя Цзи, тетя Роза и тетя Помпея. Тетю Цзи я любил больше других — она всегда приходила с подарками, приносила мне выразительные китайские игрушки, маленькие, но с множеством деталек, их рассматривать можно было подолгу, не «раз-раз», взглянул — и все понятно. Тетю Розу я любил гораздо меньше: она не забывала принести подарки, сладости чаще всего, но за это обнимала меня, притискивая к обширной мягкой груди, а я уже вступал в возраст, когда будущему мужчине претят сантименты. Это неопасная возрастная болезнь, со временем она проходит, даже превращается в противоположность. Тетя же Помпея для меня была никакой тетей, поскольку она на ребенка не обращала внимания, ничего не дарила и забывала поздороваться. И я не здоровался, за что получал выговор.

Окончание. Начало в № 6, 7 — 88 г.

Для папы тети эти выглядели иначе, я не без труда узнал их в его воспоминаниях. Три женщины, которых мама привела, чтобы похвалиться своим замечательным «серебряным» мужем, представителем героической профессии, не из самых знаменитых, но причастных; похвалиться и показать, как она этим героем командует, довоспитывает его, исправляя недочеты. Подруги же не могли удержаться, чтобы не постараться привлечь к себе внимание. И привлекали каждая по-своему. Цзи — подчеркнутой скромностью, потупленными глазками и особенной заботливостью, все подкладывала мужчине кусочки повкуснее. Роза — шумной болтовней и наивными расспросами, как бы в голос кричала: «Ах, я такая простушка, ах, я ничего не понимаю, ах, я так нуждаюсь в твердой мужской руке, скорее, скорее на помощь!» Помпея же держалась высокомерно, высказывалась коротко и резко, с апломбом, старалась показать свою независимость и даже превосходство над подругами.

Папа понимал, что они пришли на него посмотреть и себя показать, но неприлично же откровенно заявить: «Мы пришли себя демонстрировать». Разговор шел об искусстве, о модной видеоновинке «Непокорная прядь». Позже я и сам смотрел эту постановку, Сильва была от нее в восторге. Под непокорной прядью автор понимал некую своевольную девушку, она не хотела покориться ни одному мужчине. В нее влюблялись самые замечательные: могучие, героичные, талантливые, красивые, но она считала, что потеряет свое «я» рядом с выдающимся мужем, и всем отказывала. А в последнем акте собирались все действующие лица; отвергнутые поклонники требовали, чтобы она выбрала кого-нибудь, хотя бы даже и по жребию; и отвергнутые поклонниками женщины требовали, чтобы она выбрала, пугали ее одинокой старостью. Но она, встряхивая непокорной прядью, обращалась за советом

к публике. Тут завязывался спор, это бывало интересно, потому что мнения встречались неожиданные. И вот сегодня четыре женщины, считая и маму, с жаром спорили, было ли у этой Пряди сердце или только голое рацио и может ли любовь родиться от рацио, или же из жалости, или только от преклонения и восхищения? Роза умильно ахала: «Ах, какая девушка, какая сила характера!» Цзи одобряла Непокорную молча, со скромной улыбкой, мама — с некоторыми оговорками, ей не нравилось обращение к публике, всенародное обсуждение чувств; первую же скрипку играла тетя Помпея. Она была не только потребительницей, сама была причастна к волнующему искусству, ведала светотехникой на съемках, могла со знанием дела рассуждать о крупном и среднем плане, открытой, скрытой камере и рирпроекции, о теплой карминной световой гамме и холодной высокочастотной, сменяющихся, пока артистка оглядывает одного за другим своих поклонников, бесподобной мимикой выражая отношение к каждому, перед тем как произнести бесподобные слова: «Сограждане, мои дети — сограждане ваших детей. С какими вы хотите жить бок о бок? Видите достойный прообраз?»

Роза ахала, Цзи сочувствовала с опущенными ресницами, мама оценивала вдумчиво, Помпея декламировала, а папа слушал это все, потягивая холодный сок через соломинку, и думал про себя:

«В космос бы эту Прядь, кобылку холеную. Избаловалась на изнеженной Земле, воображает себя целью мироздания».

Посидев полчасика за столом, он встал, извинился, хотел было вернуться к видеоотчету о минералах Цербера.

Гостьи бурно запротестовали:

— Нет, нет, не уходите! Мы не пустим. Вы не высказали своего мнения. Что думают в космосе о «Непокорной пряди»?

— Да мы в космосе не смотрим новых видео. Нам же все доставляют с опозданием.

— Ну что вы, как можно? Посмотрите, посмотрите обязательно! Я принесу вам кассету сегодня же,— вызвалась Помпея.

— Знаете, я как-то равнодушен к искусству,— признался папа.

— Как можно? Как можно?

И тут мама вмешалась. Хотела исправить положение, но все испортила:

— Он прибедняется. Кокетничает своим космическим невежеством. На самом деле мы смотрели «Прядь» позавчера.

— Ах, вы смотрели? Ах, вы не хотите сказать свое мнение! Считаете, что мы недостойные собеседники, не поймем вас?

Тогда папа вскипел:

— Хорошо, я скажу... Скажу все, что думаю! Есть дело на свете и есть болтовня. Мы в космосе заняты делом: готовим новые земли для потомков. А вы на изнеженной тепличной Земле, прадедами благоустроенной, избаловались донельзя: четыре часочка отработали кое-как, не знаете, куда девать прочие. Вот и забавляетесь: любит — не любит, всерьез — не всерьез, из жалости — не из жалости. У какой-то девчонки капризы, претензии, так о капризах целая пьеса. Монолог о капризах, часовые дискуссии о капризах... А где-то в дальних мирах люди строят и строят, годами, сутками строят. И там женщины, если любят, помогают любимым, работают рядом... а не обсуждают фанаберии взбалмошной лентяйки!

Гостьи ушли с обиженными лицами. Мама была возмущена, мама требовала, чтобы отец извинился. Стояла перед ним, грозно глядела снизу вверх, вопрошала с гневной укоризной:

— И тебе не стыдно?

Моя жена — та, когда назревал конфликт, даже если я виноват был, ластилась, чтобы снять напряжение. Сначала успокаивала, потом уже делала выговор. Но прямолинейная моя мама презирала хитрые подходы. Если сердилась, значит, сердилась, если стыдила, значит, стыдила:

— Стыдно бравировать некультурностью! Конечно, вы там, на дальних планетах, упускаете новинки, пульс нашего искусства. Можно оправдать тебя, но надо наверстывать, а не кичиться невежеством. Ты был груб. Стыдно должно быть, стыдно!

Ох, сколько раз слышал я это уничтожающее «стыдно»! Проштрафился, рад бы сквозь землю провалиться, не поддается под ногами. Папе тоже захотелось провалиться.

— Больше не буду! — рявкнул он, схватившись за дверь.

Мама не уловила интонации. И ластиться не потянулась. Лицо ее осталось строгим, выражало моральное осуждение. В детском саду не полагалось прощать после готовенького «больше не буду». Надо было еще посмотреть, как на деле исправляется виноватый.

А папа был в ярости. Папа хлопнул дверью. В ближайшей же переговорной вызвал Космическое Управление, сказал, что устал отдыхать, просит направить его срочно куда угодно: на Титан, на Тритон, на Плутон, на любую заплутоновую комету.

Ему сказали, что пары составлены, подождать надо месяц-другой.

— Я согласен в одиночку.

— В одиночку не положено, сами знаете. Может быть, поедете с женой?

— С женой? Ни за что, ни в коем случае! Один хочу!

— С Гитарой — согласны?

В памяти отца всплыло круглое веснушчатое лицо, наклоненное над старинной гитарой, унылое треньканье, повторяется и повторяется простенькая фраза, неумело подбираемая по слуху. И ощущение тоскливой скуки: этакое слушать год или два!..

Месяц спустя отец улетел с тем Гитарой. В тот раз, кажется, на Рею — пятый спутник Сатурна.

С полнейшей откровенностью рассказали мне воспоминания отца о давнишнем его разрыве с мамой, а все же осталось у меня недоумение. Главного я не понимал.

Любил отец маму? Любил. Относился к ней с нежностью, на руках носил. Будучи мужчиной, считал, что слабой женщине надо уступать. И уступал, даже подчинялся. К сожалению, мама с ее неумолимой педагогичностью и твердой верой в однозначность истины нетактично нажимала на отца. И раздражение копилось у него, и в космос он категорически не захотел лететь с мамой. Это-то понятно. Но почему же обязательно — в космос? Так просто было бы позвонить в городской совет, заказать отдельный домик или квартиру по своему вкусу. Нет, отца тянуло в космос, хотя бы даже и с нудным напарником. Почему?

Мне это было важно понять. Ведь я же хотел быть похожим на отца, просил сделать меня достаточно сильным, чтобы пройти в космонавты беспрепятственно. Но если космос только убежище от женских наставлений, мне такое убежище ни к чему. Со своей женой я жил мирно и благополучно. Скорее, она от меня убежала в молодость. У меня нет оснований бежать «куда глаза глядят». И вот я хочу разобраться, бежал ли отец, куда глаза глядят или куда сердце тянуло. Чем привлек его космос? Ведь первый полет он совершил еще будучи холостым. Мама выходила замуж уже за серебряного.

Эгвар намекнул мне насчет славы героя. Верно, у нас с ним шла речь о «восхищенных глазах». Но папа был домоседом, от публичных выступлений отказывался, предпочитал возиться с «уродцами». И к восхищенным глазам маминых подруг отнесся неодобрительно. Нет, не ради аплодисментов стремился он в космос.

К удивлению, память отца, так обстоятельно изложившая мне историю ухода в космос, о самом космосе рассказывала скупо. Думается, таковы свойства памяти вообще. Ведь и глаз наш, рассматривая новый предмет, новое лицо, например, как бы обводит его границы, рисует очертания, выделяя яркие пятна — брови, нос, а по светлому лбу и щекам скользит, не задерживаясь. И мышлению нашему понятнее рисование, чем цвет. Недаром у многих людей даже и сны черно-белые. Да и живопись сама с трудом уходила от жестких контуров к воздушным переливам. Глазами-то мы видим цветовые пятна, но осмысливаем контуры...

Так вот, мыслим мы контурами — и память у нас контурная. Отмечает границы событий, повороты судьбы, перемены мест.

Переход от земной жизни к космической запомнился отцу, а невыразительные будни Реи ушли на задний план. Вообще для планетчиков самое яркое — отпуск на Земле. А что удивительного? Спроси меня, земного жителя, что я могу рассказать о сороковом или сорок пятом годах моей жизни? Поднатужусь и вспомню: в Мексику летал посмотреть на древности майя, на Таймыре на оленях катался, в кратере Попигай побывал, в метеоритном музее. Месяц отпуска! А остальные одиннадцать? Работал. Проектировал. Что именно? Начну вспоминать, спутаю.

Это я сравниваю свое восприятие и отцовское. Пока не вижу принципиального различия. Оба мыслим контурами, границами, промежуточные плоскости пропускаем.

Пришлось направлять отцовскую память: «Космос, космос, Рея! Житье на Рее припомни!»

И что же я увидел?

Комнату прежде всего. Стандартное космическое жилье. На одной стене табло управления. Под ним рабочий стол, точнее — секретер, с множеством ящичков. Другой стол и тоже с ящичками — хозяйственный, обеденный. Между ними вертящийся стул. Крутнулся — пишешь, крутнулся — закусываешь. У задней стенки за занавеской спальня вагонного типа — койки в два этажа. На нижней сидит веснушчатый круглолицый и, наклонив голову, прислушивается к струнам.

Взя-ал бы я ба-ндуру да сыграл, что знал,
Че-е-рез ту-у банду-уру бандуристом стал.

— Может быть, хватит,— говорит отец с раздражением.

— Сейчас. Вот подберу. Получается уже.

— Слушай, дружище, имею я право на отдых?

— Сейчас...

Отец закипает. Но закипать нельзя, когда год живешь вдвоем, с глазу на глаз. Дисциплина побеждает. Отец крепится, стискивает кулаки...

— Я пошел за Тулу. Слышишь? За Тулу...

А что такое Тула? Какая там Тула на Рее?

Кратер показывает мне отцовская память: обыкновенную метеоритную воронку с осыпавшимися краями. Оказывается, но это я

уже позже узнал, на далеких небесных телах, где нет ничего примечательного, кроме скал, уступов и метеоритных кратеров, дежурные планетчики ближайшие холмы именуют в честь земных гор, пропасти по земным рекам, а воронки по городам. Удобно и запоминается легко: к югу от станции южные города, после Тулы Орел, Курск, Белгород, к северу — Ярославль, Вологда и так далее. Привычно, голову загружать не надо.

При слове «Тула» в памяти отца возникло ощущение изнеможения. Тула первый кратер от станции, последний на обратном пути. Конец похода, но до дома еще семь километров унылой равнины, черной, с проседью инея. Острые осколки, обычный состав: метеоритное железо, оливин, пироксены... Нагибаться не стоит и не хочется. Проклятая добросовестность — все на ногах и на ногах, устал как собака, а впереди еще семь километров. И присесть нельзя. Солнце уже у горизонта, яркое, для глаз колючее, но холодное и карликовое, совсем несерьезное солнце, с вишню величиной. Но как зайдет, будешь спотыкаться в черной тьме, кое-как фонариком подсвечивать под ноги. Иди давай, иди! Семь километров — это десять тысяч шагов. Тысячу пройду, присяду. Считать лучше от конца к началу: 999, 998, 997... Так приятнее, нагляднее приближение к дому. 990, 989, 988... Неужели когда-нибудь будет ноль?

Вот такие воспоминания вызвала Тула — последняя остановка по возвращении из похода, когда силы исчерпаны.

О Курске воспоминание было приятнее: плитчатый камень, извлеченный из осыпи, черно-синие полосы с золотистыми прослойками. Неведомый минерал! Ольгинитом хотелось назвать в честь жены. Все же в справочник вошло другое имя: реехромит.

Часто всплывал в памяти Сатурн — без колец, спутники смотрят на кольца с ребра. Серо-зеленый громадный шар с завитками застывших циклонов, мохнатый какой-то... скорее, мхом обросший. А сквозь мох зловеще просвечивают красные глазки — один побольше, один поменьше, как бы подмигивают, прищурившись. Зловещая картина. Впрочем, это мне, постороннему, она кажется зловещей. А у отца удовлетворение: наконец-то! Значит, есть-таки раскаленные недра у планеты. Сомневались, спорили, и вот неопровержимый факт. Извержение! И какое! Сквозь атмосферу просвечивает. Не зря сидели на Рее, потратили три года жизни.

Так все время выплывали чрезвычайные события. Три года сидели, ждали, дождались! Важное отпечаталось, промежуточное стерлось. Обрывки воспоминаний выдавал мне отец. Из всех кратеров — курский, где нашелся ольгинит, из всех походов тот, где треснул скафандр, при слове «склад» — пожар, пламя в клубах пены огнетушителя.

И за столом в нашем доме было то же. О чем вели разговор? О приключениях: верхом на ракете отправился на Луну, задыхался из-за наростов в трубах. Но этакое приключение один раз в жизни. Не ради него же стал планетчиком.

Не с Земли бежал, не за славой и не ради редких приключений. Для чего же?

Из «Звездного архива» Эгвар выписал для меня дневник отца. Все планетчики обязаны вести журнал на манер корабельного. И отец вел, отмечая дневные задания и их выполнение, наблюдения астрономические, маршруты топографические, находки геологические, дела хозяйственные, ремонт аппаратуры и сооружений, а особенно скрупулезно работу в оранжерее: посадка, пересадка, прививка, подкормка. И восклицательными знаками приветствовал появление проклюнувшихся ростков: первый лук на Рее, рейская петрушка, рейские кабачки, рейская свекла.

Восклицательными знаками отмечал. Не чужд эмоциям был мой рациональный отец. Не сухарь!

Но такими же эмоциональными восклицательными знаками отмечались и неделовые заметки: «Треть срока прошла! Медлительно тянется время!», «Половина срока — вторая половина легче!» А к концу журнала уже шли ежедневные восклицания: «До смены двадцать три дня!.. До смены 22 дня!.. До смены 21 день — три недели!!!»

Что же получается? Выходит, живя в космосе, отец мечтал о Земле. Так зачем же он рвался в космос, зачем сбежал из дома в самом начале годичного отпуска?

Снова и снова я надевал на голову шлем, снова и снова вчитывался в дневниковые записи, обдумывал собственные воспоминания.

Вот что дошло до меня в конце концов.

Самостоятельность была главной чертой отца.

Он все хотел делать сам. Сам вел наблюдения, своими ногами мерил неисхоженные просторы, сам составлял коллекции, сам конструировал роботы и ремонтировал их, сам клеил скафандры и подошвы к ботинкам, сам кулинарил, комбинируя консервы, сам, сам, сам. И космос в высшей степени давал возможности для этой «самости». На планетах отец был лицом к лицу с природой: «Я и простор. Я и пустота. Я и мороз. Я и огонь. Я — я — я! И на мне ответственность, во мне сила, на меня надежда!»

На Земле же не было «самости». Люди вокруг, великое множество других «Я», и

каждому надо уступать понемножку. Есть мама с твердыми взглядами на «хорошо — плохо», «надо — не надо». Есть сынок — существо несамостоятельное, требующее диеты и режима, его режиму подчиняются самостоятельные родители. Есть дамы-гостьи, из вежливости надо считаться с их вкусами.

Люди вокруг на Земле: не Я, а Мы. Разделение труда, и в «самости» нет нужды. Не нужны выносливые ноги. Не нужно твое уменье чинить роботы. Не нужны путешествия: включаешь видео и, сидя в домашнем халате, отправляешься на полюс, в тропики, на дно океана, на вершины гор, на ту же Рею.

Земля обесценивала самостоятельность отца.

Он не рвался потреблять. Ему хотелось создавать, творить. Но что творил он на Земле? Двухголовых змеенышей, уродцев жалких, которые только пугали изнеженного сыночка. На планетах же он с увлечением создавал теплицы. У безжизненного бесплодного космоса он отвоевывал квадратные метры для зелени, для космического лука, петрушки, кабачков, свеклы и огурцов. Космическую яблоню мечтал вывести, космические ягодники и сады, и чтобы в тех космических садах были бы детские сады, чтобы паслись там на малине и крыжовнике стайки горластых космических уроженцев, похожих на его сынка, чтобы водили эти стайки космические воспитательницы, похожие на нашу маму.

Однако, надо полагать, сам отец не захотел бы остаться в тех рукотворных садах. С возделанных планет он ушел бы на бесплодные, незасеянные, чтобы снова и снова шагать по их скрипучей пыли и острым осколкам, именовать метеоритные воронки городами и думать о превращении их в города.

Мать говорила мне, теперь я припоминаю, что у отца в натуре что-то архаическое. Его тяга в космос — как бы бегство в прошлое, в XX век, в XIX, даже в XVII, когда, погрузив свои семьи и скарб на корабли, на плоты или в скрипучие фургоны с высокими колесами, люди уходили в дикость, убегая от гнета или культуры. Но ведь и те переселенцы, уходя от культуры, несли ту же культуру в дикие прерии и леса.

Может, в том и суть истории человечества?

И я спросил себя: сумею ли я продолжать отцовское дело, не будем напыщенно именовать его подвигом? Сумею уйти в космос, чтобы сажать на планетах сады?

И сказал себе: «Да, сумею!» Я терпеливый, исполнительный, дисциплинированный, чувство долга у меня есть. Я смогу вышагивать десятки километров, нагрузившись камнями, буду педантично вести дневники наблюдений, научусь ремонтировать скафандры, стулья и подметки, варить супы из консервов и жаркое из порошка. Сумею даже слушать треньканье гитары три года подряд и не злиться на напарника. Сумею! Я терпеливый, я уступчивый. Но вот чего я не обещаю: испытывать от всего этого наслаждение. Нет у меня отцовской тяги к безлюдному простору. Жизнь я прожил в окружении гомонящих ребятишек, плечистых спортсменов, хорошеньких девушек, нарядных женщин за столом. Люблю лица на экранчике браслета, даже те, что попали ко мне по ошибке, люблю людные улицы. Я вытерплю одиночество, если понадобится, если меня пошлют на Тритон и Плутон. Вытерплю! Но ведь меня никто не посылает туда. Сейчас я выбираю вторую молодость себе по вкусу. Намечаю свой будущий характер. И видимо, не стоит хвататься за противоположный, обрекая себя на противоречия между новыми стремлениями и старыми воспоминаниями.

Между прочим, отец не поменял характер. И в новой молодости остался космопроходцем.

Ну и пусть. Каждому свое. Ему небо, мне Земля.

Даже и не пошел я для личной встречи к куратору. По браслету сказал, что не хочу быть таким, как отец.

ГЛАВА 4

Итак, из-за Ченчи, из-за кошачьей своей натуры или просто из-за средних, говоря откровенно, возможностей отказался я от космической отрасли, заново должен был выбирать. И опять все дороги открыты, и опять нет единственной, самой заманчивой.

Выбрала за меня, в сущности, школа. Выпустили же меня мотористом, следовательно, полагалось мне работать мотористом, пока себя не найду. Не позориться же, бездельничая.

Выбрала школа, а Паго-Паго уточнил специальность. Я — моторист на малом кране, мое дело кантовать, укладывать мешки, ящики, контейнеры, блоки, строительные блоки в частности. И тут как раз радиоинформация: требуются строители в Западную Сибирь. Окончательно ликвидируются болота Васюганья, люди приедут поднимать новую целину, им нужно жилье. Ну что ж, я северянин, мне претит липкая жара тропиков, я соскучился по прохладному лету, по морозцу, лыжне. Пусть будет Васюганье!

И стал я строить дома. И понравилось мне это дело — ощутимое, зримое, в отличие от портовой работы. Там груз привезли, груз

увезли — бережешь пустоту на площадке, а здесь оставляешь сооружение — видимые результаты труда. Вот пришел ты на первозданный пустырь, взрезанный канавами. Перед тобой мокрые кочки, тощие пеньки вчерашнего осинника и противная липкая грязь непросохшего торфа. И ты, строитель, словно господь бог на второй день творения, должен отделить землю от воды, осушить, утрамбовать, уложить дорожные плиты и блоки фундамента, стены подвести под крышу, украсить, раскрасить, превратить топь в нарядный городок. Идет сотворение города на твоих глазах, не волшебное, а постепенное, что даже лучше волшебного. Ты выращиваешь дом, прорисовываешь его, кладешь штрих за штрихом. Ряд за рядом, этаж за этажом. Продвигается дело. Радость движения ощущаешь.

В общем, решил я учиться на строителя. И в самом деле, если не учиться, куда же время девать? Рабочая неделя двадцать часов. Выспался, выкупался, почитал, посидел у экрана, дальше что?

Учился я заочно, не бросая работу. Всем рекомендую заочное обучение. Развивает цепкую самостоятельность. Дана задача, ищи решение, сам ищи, шевели извилинами! Ведь педагога нет рядом, нет возможности при первом же затруднении руку поднять: «Извините, повторите, не понял, прослушал». Вызывать на браслет запрещено. Если разрешить, у педагога жизни не будет. Можно слетать в Омск на консультацию, но это часа полтора туда, часа полтора обратно. Не лучше ли поднатужиться, додуматься самому?

И додумывался я. И сдавал экзамены. И получил диплом. Даже досрочно: за четыре года кончил — не за пять.

Годик еще поработал я на болотах, потом перебрался к Аральскому морю. Зона сплошного орошения, у домов сады, при садах предпочтительнее домики односемейные. Стало быть, имеешь дело с персональными заказчиками, с их личными нуждами, вкусами, увлечениями, капризами даже. Этому нужен подвал, а тому бельведер, этому оранжерея, а тому обсерватория, он переменные звезды наблюдать хочет. На работе все одинаково хлеборобы, а в свободное время — индивидуальности. Скажи мне, как ты отдыхаешь, и я скажу тебе, кто ты. А как радовались эти индивидуальности, получая желанную квартиру-мечту с надстройками, пристройками, балкончиками и крылечками по личному вкусу. Я взял за правило не начинать проект, не познакомившись с семьей заказчика. И схемы придерживался подвижной, на случай, если семья прибавится или увлечения сменятся. И как же приятно было слышать:

— Спасибо, друг, хороший ты сделал дом!

А когда благодарят, когда ценят, и работа ладится. В своей нише оказался я на Арале, не то, что в Паго-Паго: нежелательный кандидат в космические монтажники.

Три года провел я на Арале и был доволен, и мной были довольны, повышали, стал я старшим архитектором, самым молодым среди старших. Но потом все же ушел с проектирования на планировку.

Для постороннего уха проект и план — нечто близкое, почти одно и то же. На самом деле планировка — совсем другая работа. В ней свой интерес. Планировщику надо все вместить в голову: рельеф, почву, климат и микроклимат, осадки, гидрографию (реки, ручьи и подземные воды), экономику будущего района, транспортные связи, внешние и внутрирайонные; подсчитать население, в нем градообразующий фактор — работники производства, а также и неградообразующий — жены, дети, повара, парикмахеры, школьные учителя, спортивные тренеры, ремонтные роботы и роботы, ремонтирующие роботов. Ничего не забыть, все расставить на местности так, чтобы всем было удобно — работникам, детям, поварам, учителям и роботам, удобно-удобно-удобно, а сверх того еще и красиво.

Масштабно! Увлекательно! Но без особенной охоты перешел я на планировку. Безлюдно! Владелец домика в саду — персона, личность, с которой имеешь дело. А десятки тысяч жителей района — это десять тысяч усредненных единиц. Они как пассажиры на самолете. Грузоподъемность такая-то, средний вес «единицы» — 60 кило. Безличный груз, подлежащий доставке... Для районного архитектора нет индивидуумов, есть десять тысяч, подлежащих расселению. Не имеет он возможности знакомиться с каждым.

Так что не рвался я в планировку. Но были причины для перехода. Две. И обе личные.

Первая: скромные мои способности. Рисовальщик я приличный, но не художник. Архитектор же должен быть не просто рисовальщиком, еще и броским художником-рекламистом. Да, я вижу дом мысленно, выстроил его в своей голове — со всеми наличниками, балясинами, пилястрами, фризами, карнизами. Вижу, понимаю, что аппетитное будет жилье, но нужно еще заказчика убедить... а краски не ложатся. Приходится помощникам поручать: «Марк, Юсуф, Закия, Ласа, изобразите позаманчивее, так, этак, как вы умеете!»

Они-то умеют, а я не умею. Нехорошо, если старший не может показать младшим.

И еще примешивались семейные обстоятельства.

Женился я. Среди младших оказалась в нашей мастерской милейшая девушка, пышечка-толстушечка, чернобровая, с черными усиками над уголками губ, говорливая такая, ручеек журчащий. И на меня все посматривала ласково. Недаром Ласой назвали: Ласочка, ласковая моя. На дню раз десять подходила консультироваться... Понял я, что нравлюсь ей, сделал предложение, говоря по-старинному, и было оно принято благосклонно.

Любил ли я ее? Любил, конечно, но не так, как Сильву: без юношеской растерянности, без головокружения, без отчаяния. Любил как жену, самого близкого на свете человека, как дочку любил бы, нежно и снисходительно, как товарища, соратника во всех делах житейских, как свою половину, даже больше — как половину слабую, требующую больше внимания.

У Ласы не все сложилось благополучно в жизни. Моложе меня года на два, она уже успела побывать замужем. Не сладилось там — не знаю что, не выпытывал подробности. Были роды неправильные... и Ласе запретили иметь детей. Большая травма! Хотя Ласа хорохорилась, но на всю жизнь осталось у нее ощущение ущербности. Женщина без ребенка, не выполнила предназначение!

Может, оттого отчасти она так торопилась во вторую молодость.

Темперамент и неизрасходованную материнскую энергию Ласа вкладывала во всяческие затеи. Ни дня без затей! Вдруг ей взбредало в голову слетать на денек в Париж, Пекин или на Северный полюс, завести розарий в саду, заменить розы плавательным бассейном, отпуск провести в подводном колоколе, научиться играть на арфе, переселиться на Памир. И я, хотя эти рывки не в моей натуре, почти всегда соглашался. Помнил: мужчина должен уступать слабой половинке. Даже, подавляя самолюбие, место уступить талантливой помощнице, уйти самому на районную планировку.

Ласа моя была самостоятельной личностью. Если первое время она шумно восхищалась мной («Ах, какие замечательные идеи у нашего старшего! Ах, как он все продумал!»), в дальнейшем проступило подспудное: «И я так могу, и даже превзойду, давно бы превзошла, если бы не хлопотливая

женская жизнь». Ласа действительно рисовала лучше меня и действительно соображала быстрее. А так как дома она привыкла командовать 148 часов в неделю, на оставшиеся 20 рабочих часов ей трудно было перестроиться: не возражать мужу, не спорить с ним, не поучать и не давать указаний. В результате у всех в мастерской и у меня лично сложилось впечатление, что я напрасно возглавляю группу жилья, не свое место занимаю, загораживаю дорогу талантливой женщине.

И я перешел на планировку.

К сожалению, у каждого из нас свои грехи: у меня недостаток способностей, у Ласы — избыток. Чересчур много идей, одна лучше другой! Но в проектировании, возможно, и в любом деле, идеальных решений не бывает. Проект — это компромисс между природой и людьми, мечтами и материалами, квартирой и улицей, зеленью и асфальтом. На какой-то пропорции надо остановиться и довести решенное до конца. Ласе это не удавалось. При первом же осложнении ее обуревало желание все порвать, выбросить и начать сначала.

Не удержалась она в старших... и даже в архитектуре не удержалась. Все-таки возни с детьми ей недоставало; она пошла в школу преподавать рисование, потом общую эстетику. Вот это оказалось ей по нраву: все виды искусства, живопись, зодчество, музыка, театр, кино, стерео, видео, поэзия, мебель, платье, одно, другое, третье, экскурсии, выставки, музеи, оценки, дискуссии...

Но все равно чужие дети не заменили своих. И как только объявили всеобщее омоложение, с заменой внешности и физиологии по желанию, Ласанька моя среди первых кинулась записываться. Ей еще и пятидесяти не было, но она с такой страстью доказывала, что она несчастный-разнесчастнейший человек, никто не смеет заставлять ее доживать срок в прежней оболочке... Добилась!

Так что нет сейчас на свете моей милой, вечно взволнованной толстушки. Существует под тем же именем смуглая горбоносая испанка с гребнем во взбитой прическе, вечно взволнованная мать двоих (уже двоих!) не моих ребятишек. Мы с ней встречаемся изредка. По старой памяти она мне дает указания, я даже выполняю их иногда. Горевал ли я, ставши как бы соломенным вдовцом? Да и нет! Да, потерял я свою половинку... но ведь, в сущности, я давно уже потерял ту румяную чернобровочку с черными усиками над уголками губ. Теряем мы любимых девушек, даже в брак вступая, взамен получаем матрон. Сами себя теряем постепенно — это закон природы. Где тот наивный малый, который носился над облаками, воображая, что открывает острова для любимой? Нет его, повзрослел, погрузнел, поседел, остыл. И где та любимая краснокрылая капризная девочка Сильва? Ходит по земле седая и неопрятная бабушка Силя, озабоченная расстроенным желудочком объевшегося внука. С Ласой же произошло обратное: исчезла крикливая и толстая эстетичка, учительница старших классов, превратилась в счастливую молодую маму. И прекрасно, приветствовать надо такие превращения! Правда, былой муж ее остался без спутницы жизни на старости лет, но что поделаешь: жизнь состоит из утрат. Попутно и молодость я утратил, вообще жизнь растратил по малости. Где тот орленок, рвавшийся за облака? Сидит с удочкой над прорубью неподвижный старик, домкратом от льдины не оторвешь.

А на что растратил жизнь? На упомянутую планировку.

И рассказать о ней можно одной фразой: продвигался вверх... и на восток.

Продвигался на восток потому, что двигалась на восток зона орошения — от Каспийского моря к пустыне Гоби. Вверх продвигался потому, что опыт набирал.

Так долго рассказывал я о трудном выборе профессии и так коротко о профессии... Впрочем, повсюду так. Любовь тоже выбор, и о любви разговор был долгий и волнующий, а о семейной жизни написалось гораздо проще: прожили четверть века, в общем удачно, главная беда — детей не было. Вот и все.

Психика у нас такая, что ли, к трудностям чувствительная? Впрочем, это естественно и даже рационально. Трудности устранять надо, они требуют повышенного внимания. А если все благополучно, все идет своим чередом, к чему слова тратить?

Итак, продвигался я на восток... и вверх вместе с тем. Мне поручали все более крупные и трудные районы, сначала на десять тысяч жителей, потом на пятьдесят, на сто тысяч жителей под конец, всю долину реки Керулен. Почему доверяли мне большую работу? Опыт набрал. И старался. Никогда не ограничивался двадцатью часами в неделю. Но не от усердия. Просто не устраивала меня безличность планировки — сто тысяч пассажиров планеты со средним весом 60 кило... Скучал я над бумажными листами — и свободное время посвящал разговорам с людьми, поддерживал знакомства, напрашивался на знакомства: дескать, я планирую ваш район, что же вы, папы и мамы, старожилы и переселенцы, хотите построить, устроить, переставить? Конечно, сто тысяч я обойти не могу,

но тысячу-другую опрашивал. Не работой — удовольствием считал я эти беседы.

И люди были довольны. И хвалили. И возомнил я о себе малость. И когда объявили конкурс на планировку Австралии, решился я на соревнование.

Поколебался, но решился. К тому же возраст подстегивал. Под шестьдесят уже, откладывать не приходится, некуда. А масштабные планировки когда еще будут? Сахару оросили, мексиканские пустыни оросили, Гоби завершаем. Где еще остались пустыни на планете? Самая большая в Австралии. Подзадержались с пятым материком. Но вот и до него дошла очередь. А если пропущу, чего ждать? Орошения Луны?

С Австралией задержались еще и потому, что никак не могли выбрать самый принцип орошения. На других материках рядом с сухой зоной располагается влажная: текут полноводные реки, можно заимствовать их воду. Так оно и делалось. Азию орошали индокитайскими реками. Мексику поили от Миссисипи, Сахару — за счет Нигера и Конго. Вокруг Австралии нет пресных вод, поэтому добрую сотню лет шел спор: какой вариант

выгоднее — опреснение соленой океанской воды или буксировка пресных льдов из Антарктиды? Спорили, потому что и то и другое сложно, когда масштабы континентальные. От полярных морей до Австралии тысячи три километров, буксировать долго, тают льдины по дороге. Для опреснения воду надо кипятить, тратить более 500 калорий на каждый литр. На кипячение тратить калории или на буксировку?

Изобретатели в конце концов усовершенствовали и то и другое. Сэкономили калории при опреснении, заменив кипячение принципом «жабры — почки». Ведь рыбьи жабры умеют отцеживать соли, соленую морскую воду превращать в пресную жидкость внутри тела. И наши почки тоже отцеживают лишние соли. Техника только мощью потрясает; живая природа все делает тоньше, экономнее. Ей негде взять сотни и тысячи градусов, вот и обходится десятками.

Для льдов же действительно найден был новый принцип: океанский ледопровод, этакий псевдоканал с невидимыми стенками — из воды же, но перенапряженной, водоотталкивающей воды. Напиленные в Антарктиде

льды скользили по водным лоткам, как по рельсам. Из космоса это выглядело эффектно: синева прочерчена узкими белыми линиями, прямыми-прямыми, как по линейке проведенными. Еще эффектнее выглядело вблизи: под жарким южным солнцем — ледоход в невидимых берегах, этакий конвейер голубоватых, прозрачно-зеленых и матово-сахарных глыб, звенящих, сталкивающихся, суетливых. Почему-то мне в голову пришли бычки, которых гонят на бойню. Бегут, встревоженные, торопятся, друг друга толкают... Хорошо, что вытесняется эта жестокость, вводится повсеместно генетическое, в кубах выращенное мясо.

По условиям проекта для Южной Австралии предусматривалось ледяное орошение, для Западной — опреснение.

Был и еще один проект, тоже для Западной Австралии. Орошение брызгами. Идея в принципе простейшая: вода испаряется с поверхности, чтобы получить больше влаги, надо поверхность увеличить. Как? Разбрызгивать океан, выбрасывать струи на большую высоту, там они рассыплются на мельчайшие капельки, сами превратятся в туман — в облака, и ветер те облака понесет в Центральную Австралию, в пустыню, куда и надлежит. Брызготехники уверяли, что их способ самый экономичный, требует в три раза меньше энергии, чем доставка льда. Я видел эти водяные вулканы, восхищался, поражался, но предпочел бы воздержаться. Жуткий рев, как бы искусственный шторм по всему побережью! Впечатляет, но выглядит страшно, слушать невыносимо. Впрочем, это не наше дело, не архитектурное. Нам даются исходные цифры: в район поступит столько-то воды, будет орошено столько-то гектаров, как распорядиться гектарами по-умному?

Опять я увлекся, уклонился в сторону. Об условиях конкурса я неотступно думал весь год. Помню наизусть, невольно пересказываю. Сейчас не о технике речь: надо разобраться в себе самом. Зачем ввязался я в тот конкурс на склоне лет? Стоило ли?

Но и тогда и сейчас думаю я, что любой человек несчастлив без движения, без продвижения. Человеку скучно повторять себя, он должен расти вверх, вширь, вглубь, куда-нибудь расти. Не обязательно обгонять других, но себя превзойти обязательно. Скучно и стыдно стоять на месте. Мне лично неприятно, когда хвалят мои аральские планировки. Чудится скрытый упрек: «Что же ты, голубчик, пятишься, в молодости мог, а сейчас ослаб?»

Конечно, решился я на рывок непомерный: на Керулене район на сто тысяч жителей, в Новой Австралии — будет до миллиарда. Разница в четыре порядка. Совершенно другой уровень, другие задачи.

Уровень другой, иной подход, выше головы надо прыгнуть в десять тысяч раз. Само собой не получится. Надо напрячься.

И напрягался, старался и напрягался,— содержание целого года жизни. Содержание года работы всего нашего бюро, всей проектной конторы, где я был мастером.

Но все же настал момент, когда в выставочном зале Канберры, в помещении, отведенном для нашего проекта, расставил я подрамники, расставил, развесил по стенам, кое-что повернул к свету, кое-что от света, чтобы выгоднее смотрелось, полюбовался, отошел и направился в соседние залы, поглядеть, что напридумали соперники.

Основных-то я знал давно. Все опытные планировщики, все работали в орошаемых пустынях — в Сахаре, в Мексике, на Ближнем Востоке, на Дальнем. Я их знал, и они меня знали, встречались мы на конференциях, приглашали друг друга для консультации, советовались, советов не слушали, гнули каждый свою линию. В общем, представлял я, что они предложат, и не ошибся в догадках.

Из Сахары прилетел Бебер, крутолобый, чернобородый, сердитый на вид, с насупленными бровями, немец родом или швейцарец, не помню точно, да и кто с этим считается в наше время, когда все доклады делаются на эсперанто. Знал он неимоверно много, подавлял нас всех цифрами, датами и цитатами, латинскими и греческими преимущественно. Говорил медлительно, внятно, частенько повторял фразы дважды. Как бы стыдил невнимательных и непонятливых, внушал, что в его речи каждое слово имеет вес. И весомые слова припечатывал решительным «Сик»! Так, дескать, а иначе никак! Только так, и прошу запомнить!

Говорил же он обычно о том, что архитектура прежде всего искусство, художество и сильна выразительностью, должна волновать, брать за живое, душу задевать, это и есть единственный критерий, главная проверка художественности. Говорил еще, что души тонких ценителей отзываются на высокое искусство, а самое высочайшее — вершина вершин — это искусство античное, древнегреческое и римское, тогда были выработаны каноны и найдены идеальные формы. Поэтому самонаиважнейшее для архитектора — знать наизусть и чувствовать ордера по Палладио, вжиться в золотое сечение, изучать пропорции храмов эпохи Перикла и не стесняться использовать увражи старых мастеров, потому что у красоты есть свои законы, они были найдены античными зодчими, а всякие новации — только отклонение от идеала.

«Не стыдно повторять хорошее,— твердил Бебер,— стыдно навязывать свое плохое... навязывать свое плохое. Сик!»

Само собой разумеется, в его проекте в типовых городках в центре был холм, своего рода Акрополь, на подходе Пропилеи, наверху городской совет или клуб с внешней колоннадой, очень похожий на афинский Парфенон, колонны ионические, на фризе триглифы, бычьи черепа на метопах. Все очень грамотно, проработано, прорисовано, классично. Я повздыхал с завистью — не смог бы так войти в дух классики. И подумал, по правде говоря, что не отказался бы пожить в этих австралийских Афинах. Рай для архитектурной школы. С детства впитываешь классическую красоту.

С Дэн Ши мы часто встречались в последние годы: работали поблизости, я во Внешней Монголии — в Гоби, а он в Ордосе — в Монголии Внутренней.

Дэн Ши был мал ростом, почти тщедушен: все в нем было невелико — глаза щелочками, редкие усики, редкая бородка, даже и голова небольшая, но сколько цифр, сведений, формул, фактов и теорий умещалось в этой небольшой голове! Память необыкновеннейшая! Дэн Ши знал все о новейшей технике, знал глубоко и прочно, цифры приводил наизусть, ни разу не заглядывал в справочники. Зная технику, уважал и науку, уважал установленные законы. Возмущался, уличая собеседника в невежестве, а невежеством считал всякое отклонение от правил — «самонадеянную самонадеянность, непозволительное дилетантское оригинальничанье».

Можно представить себе, как возмущал его Альба, который тоже участвовал в конкурсе.

Пожалуй, на архитектурных вкусах Дэн Ши лежала тень прошлого, воспоминания о скудных временах, когда надо было срочно дать крышу над головой всем поголовно. Разные страны в разное время проходили эту эпоху в архитектуре, многолюдная и бедная родина Дэн Ши позже тех, что в XX веке звались развитыми.

— Архитектор должен быть грамотным,— убеждал Дэн Ши. Подразумевал: должен считать и рассчитывать.— Архитектор должен быть архитектором.

Мы соглашались, мы сами это изрекали, но понимали каждый по-своему. Дэн Ши считал, что «быть архитектором» это значит быстро представить проект для быстрого и дешевого строительства. Старинное слово «дешевый» в наше безденежное время означает минимум материалов, энергии, рабочих рук, механизмов и рабочих часов. В конечном же итоге все пересчитывается на время.

И Дэн Ши сделал проект типового дешевого городка. Он был тесноват, но компактен, обходился без внутригородского транспорта, пешком можно было дойти в любое место за десять минут. Организация была продумана на зависть, хоть сейчас ставь кварталы на конвейер. Ансамбли же Дэн Ши не стал разрабатывать, только отвел для них место: вот городская площадь, здесь будет городской совет, здесь Дворец культуры. Позже на досуге, сидя под надежной крышей в теплой и сухой комнате, жители сами решат, какими сооружениями украсить свой городок.

Свой зал Дэн Ши завесил планами, схемами и таблицами. Перспектив совсем немного — две или три. «Смотреть нечего»,— шепнул мне Бебер. А я ответил: «Если австралийцы решили начинать стройку завтра с утра, предпочтут Дэн Ши, как ни обидно».

— Но это не по условиям конкурса,— возразил Бебер хмуро.— Конкурс был на архитектурный проект, не на организацию работ.

И с тем мы перешли в третий зал, смотреть проект Альбы.

Альба в противовес своему имени был жгучий брюнет с волнистыми кудрями до плеч, высокий, стройный, любимец женщин, наверное. Но больше всего на свете он любил спорить, даже больше, чем проектировать. Голова у него ломилась от идей, иной раз мне казалось, он нарочно придумывает что-нибудь несусветное, лишь бы поспорить досыта. Бебер, Дэн Ши и он схватывались на каждой конференции, ни в чем не могли согласиться, ибо, будучи современниками, жили тем не менее в разных веках. Бебер — в устоявшемся, отполированном временем прошлом. Дэн Ши — в настоящем, хлопотливо-торопливом, перегруженном неотложными заботами, сиюминутными затруднениями. Альба же — в радужном будущем, даже не в нашем веке и не в следующем, а в том, что придет после следующего.

— Мы строим для будущего,— любил повторять Альба.— В наших городах поселятся люди будущего с их невероятно дерзкими идеями. Мы вдохновлять их должны своей архитектурой.

Вдохновления ради он разукрасил свою северомексиканскую пустыню самыми фантастическими сооружениями — шарообразными, грибообразными, Т-образными, похожими на вешалку, на решетку, на спиральную пружину. Смотришь на его проекты, только головой качаешь: «Ну и ну! И это держится? И не рушится?»

Однажды рухнуло. Был у Альбы такой случай на Гваделупе. Но, кажется, там и вулкан был виноват, не только архитектура.

Конечно, и для Австралии Альба приду-

мывал особенное. Как и меня, его потрясло опреснение брызгами, фонтаны километровой высоты, рев, грохот, радуга в тумане. Фонтанам и подчинил Альба свой проект. На побережье рев, соленые дожди, но испарения ветер гонит в глубь материка. Как задержать их в нужных районах? Альба предложил надувные горы. Этакий брезентовый плащ на фермах. Когда нужен дождь, его надувают, влага оседает на склонах, стекает в канавы. Накопилось достаточно, воздух из горы выпускают.

— Бред! — шепнул Бебер.— Всерьез никто не примет. И зачем его пригласили? Опять затеет спор ради спора.

— Может быть, надеются истину выявить в споре,— ответил я.

Альба предложил не только горы, но и дома пневматические. Опять повздыхал я: мне в голову не пришло. Мы в Монголии не применяем архитектурную пневматику, для зимы она не годится, но в Австралии, в мягком климате, очень даже удобна. В городах надо только фундаменты наметить и подвести к ним трубы. А дальше фундаментовладельцы действуют сами. Выбрали квартиру по каталогу, привезли, накачали, и живи! Не понравилось, спусти, сложи, отвези ненужный дом, поставь на тот же фундамент другой. Тесно? Добавь еще один к задней стенке.

— Временное жилье. Полевой стан для сезонников,— ворчал Бебер.— Не город, перекати-поле. Ни намека на архитектуру.

От Альбы мы перешли в зал Гасана — аравийского планировщика. В свое время я познакомился с ним заочно по его книге «Архитектура — это природа». Прочел в предисловии рассуждение о том, что человек — часть природы, что связь его с природой неразрывна, вне природы человек расчеловечивается, губя природу, губит себя, что жилище должно не отгораживать человека от природы, а связывать с нею; главное в доме не стены, не спальные ниши, а окна, террасы, балконы, двор и сад — выход в пространство. Архитектура — это организация естественного пространства.

Еще в той книге очень много говорилось о двориках, садовых скамейках, беседках, гротах, клумбах, аллеях, а больше всего о тени, о проектировании и сравнительной целебности тени виноградников, орехов, бананов и пальм, так что у меня заочно сложилось представление о Гасане, как об очень

полном, маслянисто-смуглом восточном сибарите, дремлющем над кальяном. На деле Гасан оказался худым мускулистым спортсменом, любителем верховой езды. Лично для себя в природе он искал простор, безлюдье, первозданную пустыню. Чтобы мчаться во весь опор с арканом за антилопами, сохраненными ради охоты... Простор для настоящего мужчины, для ленивцев — ухоженные садики. Чем-то напоминал он моего отца. Тот же мотив: для вас благоустройство и уют, для меня — нехоженная дикость.

О сбережении дикости и беспокоился Гасан в своем проекте. Планировал парки, сады, заповедники, о пустыне думал больше, чем о городах. Но и лозунг нашел подходящий. Над своими подрамниками вывесил плакат: «Австралия была и будет Австралией».

— Если в жюри сидят кенгуру — победа будет за Гасаном,— съязвил Бебер.

Я же подумал, что он прав отчасти: все зависит от установки жюри. Если самое главное — сохранить австралийское в Австралии, жюри предпочтет Гасана. Если хотят соревноваться с музейной Европой, победит Бебер; если стремятся выиграть время, поскорей устроить переселенцев, тогда примут за основу план Дэн Ши. Если же, как полагается, пекутся об удобном жилье для работника, тогда все шансы у меня. Я-то больше всех думал об удобствах.

Ну вот, обошли мы впятером пять наших залов, вежливо отметили достоинства, про себя запомнили недостатки, поносить не стали, мы не участники обсуждения. И кто-то, Альба кажется, предложил:

— Давайте посмотрим молодых.

Молодых соперников мы не очень опасались. Знали: у молодых задор, идеи, талант... но опыта нет, глаз не наметан. Есть профессии, где опыт не играет решающей роли; бывали гениальные юные поэты, математики, музыканты. Гениальные молодые эмоционалы, сказал бы я. Не припомню гениальных молодых теоретиков — философов или психологов, или даже врачей. Обобщение требует опыта, опыт — времени.

Планировка — это обобщение.

Так что пошли к молодым, настроившись на снисходительность.

Что предполагали, то и увидели. Был блеск, был юмор, задор и напор, были идеи, краски яркие. Шли мы из зала в зал, улыбались добродушно: «Молодо-зелено».

Шли, шли и дошли до зала Нкрумы.

И замолчали. Раз обошли, другой.

— Мдаммм,— сказал я. Ничего выразительнее не придумал.

Альба пожал плечами:

— Банально! Старо!

— Безграмотно,— проворчал Бебер.

— Это не Австралия,— заметил Гасан.

— И не по условиям конкурса,— заключил Дэн Ши.

Я же ничего не добавил к нечленораздельному «мдамм». Потому что понял: премию дадут именно этому неведомому Нкруме, он один сделал все, что мы пятеро вместе взятые, но только гораздо интереснее, несмотря на неопытность, банальность, безграмотность, отклонение от условий. Дадут потому, что талант.

«Провалился! — сказал я себе.— Можно улетать». Но все равно надеялся. Надеялся!

Да, понимал я, что архитектура у Бебера проработана лучше, что у Дэн Ши продуманнее организация производства, Альба потрясает выдумкой, Гасан лучше сохраняет природу, но ведь природа для людей, а не люди для природы, в конце концов. А Нкрума, хотя и талант, но сырой, необработанный. И кто-то должен же заметить, что к людям всего внимательнее... Кто?

Юш Ольгин, проявивший...

Нарочно сел я в сторонке, чтобы не видели знакомые мое волнение.

И было сказано:

— ...принимая во внимание все упомянутое, жюри считает, что разработку проекта следует поручить...

Пауза. Екнуло сердце. У меня... и не у одного меня.

— ...поручить архитектурной мастерской Вадувау во главе с мастером Нкрумой.

Потом были еще отмечены особо архитектурные достоинства Бебера и организация строительства у Дэн Ши.

Юш Ольгин не был упомянут. Не удостоился.

Я тяжело воспринял поражение, воспринял как окончательный жизненный провал. И не утешили меня разумные доводы разумных друзей о том, что первый блин комом, на ошибках учатся и за битого двух небитых дают, что в следующий раз, учтя все промахи, недоделки и тому подобное...

Я-то понимал, что следующего раза не будет. Завершается шестой мой десяток, я доживаю, пошел под уклон. Через считанные годы заслуженный отдых, а в считанные годы не будет конкурсных проектов такого масштаба. Не так много континентов на Земле. Что еще осталось? Антарктида? Да не будут ее отеплять, сто лет пишут, что отепление Антарктиды — катастрофа для природы Земли. А я уж так настроился командовать материком, ну не командовать, это я

преувеличиваю, но мог бы сидеть рядом с величайшими умами планеты, обсуждать с ними изменение климата, изменение демографии, изменение экономики материков, судьбу человечества обсуждал бы. Вставал бы, прося слова: «С точки зрения интересов архитектурного облика...» И получилось бы, что я, Юш Ольгин, влияю на облик мира... ну, не всего мира, Центральной Австралии, но след оставляю на Земле. Заметный след и на много десятилетий.

Сорвалось!

И не в самолюбии суть. Личность мою оценили на конкурсе. Огненными буквами написали: «Мене. Текел. Фарес». Измерено, взвешено, определено. Это твой рост, товарищ Юш Ольгин, это твой потолок. Ты добросовестный планировщик районного ранга и не более того. Аймак в Гоби, еще один аймак, еще один... Аймак, но не материк. Архитектурный облик района, но не континента. Жизненная задача твоя — чьи-то наметки привязывать к конкретным холмам и долинам.

Именно так и понял мое жизненное назначение победоносный Нкрума. Он предложил мне принять участие в его проекте, написал, даже лично явился уговаривать. Познакомились мы. Красавец мужчина, двухметровый рост, скульптурные плечи, выпуклый лоб под курчавыми волосами, лицо черное, а профиль арабский, эфиопский. Но я отказался работать с ним. Не видел смысла. Мои схемы и методы — не секрет, их можно использовать, а добавлять мне нечего, весь я выложился за год. Его идеи разрабатывать? Не тянуло. Всю жизнь разрабатывал чужие идеи. Оригинальности мне захотелось, самостоятельности. Но не вышло. Возомнил, вознесся, и поставили меня на место. Поставили, там и буду стоять.

Позже узнал я, что, в отличие от меня, Бебер и Дэн Ши сами предложили сотрудничество Нкруме. Но тут отклонил он и правильно сделал. Бебер и Дэн Ши полагали, что успех победителя случаен, они же, люди опытные, будут наставлять молодого мэтра, талантливого, но неумелого. Станут внушать ему, что в архитектуре главное — архитектура (Бебер), а для строительства главное — строительство (Дэн Ши). Нкрума понял, что не сотрудничество будет, а перетягивание каната.

А я и не собирался перетягивать. Не считал нужным. Да и не видел, куда тянуть. В свою сторону? А где моя сторона? И лучше она, чем у Нкрумы?

О последующих годах мне рассказывать нечего, непримечательные были годы. Я продолжал работать на своем уровне, в пределах своего потолка, не пытался пробить его макушкой. Аймак, еще аймак, еще соседний аймак. Вдоль и поперек исходил, изъездил, излетал я Гоби. Меня ценили, со мной считались, мое мнение спрашивали. Но я частенько отмалчивался, потому что потерял уверенность в себе, не мог забыть, что рост мой вымерен и потолок оказался у самой макушки. А это очень грустно — упираться головой в потолок. Чтобы быть счастливым, человек должен расти: вверх, вширь, вглубь, но расти непременно, делать больше, делать лучше, делать иначе, делать по-новому, только не повторять. Понимаю я теперь Тернова, почему ему хотелось сыграть Эйнштейна. Да потому, что знатоки сцены уверяли, будто это не его роль.

Жизнь — движение, остановка — начало тления. Остановившийся начинает тут же пятиться. И зная, что я остановился (или остановлен), я невольно прислушивался к себе: что именно я уже утратил? Забыл цифру — память теряю, плохо объяснил — соображаю хуже. Пришли советоваться, да полно, нужны ли им мои советы? Почтение к возрасту демонстрируют, обижать не хотят старика. Вот и комплименты говорят по поводу опыта. Искренние? Или подчеркнутые штампы уважения? А выйдут за дверь, рукой махнут.

Да, самолюбие у меня. Но не только самолюбие, еще и добросовестность. Помню я, что склонен возомнить, к материковому масштабу возносился. Так, может быть, и в районном масштабе возомнил, кичусь опытом, стою на месте? Стою, место занимаю, освобождать пора. Снова и снова тщился я подражать Нкруме. Не получалось. Вижу сам: потею, высиживаю, высчитываю варианты, а он их набрасывает походя.

Потому что талант!

А я не талант.

Так вот, дорогой мой Эгвар, для вас все это пишется, для вас я рассуждаю. Я хочу быть талантом, таким, как Нкрума, хочу схватывать на лету, не высиживать идеи, а ловить их и разбрасывать щедро, хочу потрясать работоспособностью, успевать в сто раз больше нормальных людей, хочу восхищать бывалых опытных Юшей Ольгиных: вызывать зависть (хорошую) Дэн Ши и не очень хорошую Беберов, хочу возвращать Гасанов из прошлого, а всяких Альба ставить на твердую землю сегодняшнего дня, хочу создавать облик материков, а не районов. Хочу быть талантом, и признанным.

Считаю, что каждый имеет право на талант.

Пусть это впишут в основной закон нашей планеты.

И прошу приступить.

ГЛАВА 4-А

Добродушное лицо моего куратора появилось на браслете через неделю.

— Наберитесь терпения,— сказал он.— Некоторая задержка получается. Ваш теперешний образец молод, у него природная первая молодость еще не прошла, не обновлялся ни разу и не проходил мыслезапись, как ваш отец или артист Тернов. Мы попросили его записаться, объяснили, что это нужно для вашей будущей жизни. Он дал согласие, но не сейчас, хочет отложить месяца на два. Какое-то срочное обсуждение у него предстоит. Я пытался поторопить, ссылался на то, что мы не имеем права задерживать ваше омоложение. Тогда он обещал специально для вас наговорить ленту — изложить собственное мнение о себе. Итак, что он сам о себе думает, вы сможете узнать в ближайшее время, а что на самом деле чувствует — месяца через два. Лента прибыла. Помоему, там есть материал для размышления. Если не возражаете, я запакую ее и пошлю пневмо.

И вот, удобно расположившись в домашнем кресле для легкого чтения, я слушаю монолог Нкрумы. Голос молодой, звонкий, уверенный, привычка распоряжаться ощущается в этом голосе. Нкрума не очень, видимо, тверд в эсперанто, поэтому строит самые простые фразы, слова произносит старательно и с паузами, возможно, подыскивает точный термин. Впрочем, это общее впечатление. К тексту отношения не имеет.

Уважаемый мастер Ольгин!

Я рад, что могу быть полезным для вас. Если смогу. Куратор центра омоложения сказал, что вы считаете меня очень талантливым человеком. За высокую оценку спасибо. Я чрезвычайно ценю ваше мнение. Всегда внимательно изучал ваши проекты, считаю вас одним из своих учителей.

У меня действительно хорошие способности. Заслуга не моя, такие гены я получил от родителей. Учение давалось мне легко: я схватывал на лету и запоминал с первого раза. Учителя гордились мной, хотя гордиться не было оснований; им легкий материал достался во мне. И я сам гордился, совершенно неоправданно, свысока посматривая на одноклассников, вбивавших в память то, что я вдыхал, перелистывая. Боюсь, что бывал нетактичен, даже недобр, кичился своей сообразительностью, колол глаза тугодумам. Но ведь и педагоги непедагогично расхваливали меня, ставили в пример не только ленивым, но и малоспособным. И напрасно! Неспособные не могли мне подражать, а прилежным я и сам не был... хватал знания походя.

Как полагается, меня прикрепляли для помощи к отстающим. Боюсь, это приносило им мало пользы. Помню напряженные глаза милых моих соучениц, наморщенные лобики под косичками-шнурочками. Милые девочки, начисто лишенные пространственного воображения, ну ничего-ничегошеньки не понимали они в плоскостях, координатах и проекциях на плоскости. Я же со своей стороны не понимал, как можно не видеть то, что бросается в глаза, злился на бедняжек, презирал их и высмеивал. Возможно, они были бездарными ученицами... но и я был бездарным наставником.

Дошло до меня это уже в старшем классе.

У нас в Африке традиционно уважение к диспутам ученых, ораторов, поэтов. Школьников тоже готовят к диспутам, два раза в год устраивают встречи команд. Команду выставила и наша школа, меня — первого из первых — назначили капитаном. И... короче, провалились мы. Имел удовольствие я услышать, что последнее место заняла школа номер... капитан команды Нкрума.

— Ну не виноват же я, что у нас школа такая бездарная,— плакался я в кабинете директора.— Почему меня позорят, называют последним? Почему вы способных ребят не нашли, не подобрали?

И услышал:

— Правильно позорили. Никчемный капитан. Знал, что команда слабая, не готовил, свое уменье не передал.

— Как я могу передать? У меня само собой получается.

— А если и у тебя само собой не получится? Как будешь выходить из трудного положения? Значит, нет настоящего уменья. И чужих слабостей не знаешь, и своих собственных. Ты в себе разберись, что у тебя получается и как. Разберешься, тогда и других учить сможешь.

Спасибо директору, заставил он меня заняться самоанализом. В самом деле, что у меня получается и как?

Много я думал об этом в школе, и в студенческие годы, и в архитектурной мастерской тоже. Отлилось в короткое: два у меня достоинства — я сразу вижу все сразу и сразу же вижу главное.

Другие, кто послабее, видят мир плоско, как бы с одной стороны и нередко на этой первой стороне застревают, направо-налево не заглядывают, о тылах и изнанке не помнят вообще. Видят только фасад и выносят оцен-

ку по простейшему плоскому принципу «хорошо — плохо». Если «хорошо», дальше не идут, вцепились и отстаивают, прославляют, продвигают «хорошее», лучшего не ищут. Древний подход, биологический. Унаследован от звериных наших предков. Им надо было мгновенно ориентироваться: враг перед глазами или лакомство? Хватать или спасаться?

Если стоит дилемма хватать или спасаться, черно-белый подход достаточен. Но для созидания такой примитив непригоден. Созидание не укладывается в «крошить» или «лепить». Крошить-то можно все одинаково вдребезги, но лепится каждое тело по-своему.

О лепке говорю потому, что всегда меня тянуло к скульптуре. Живопись мне представляется плоской, искусственной, а рисунок — неполноценной, предварительной работой. Но это дело вкуса. Я не виды искусства оцениваю, себя анализирую, свои склонности. Лично я склонен к объемному видению. Для зодчества же основное объем и взаимосвязь. Все влияет на все, ни убавить, ни прибавить. Мало того: убавляя, прибавляешь. Если стесал правое плечо, левое вырастает само собой. Человеку с объемным видением такое понимание дается подсознательно, а плосковидящему надо помнить об объеме, думать о нем. Так ребенок о каждой букве думает, прежде чем сложить слово, мы же, взрослые, скользим по строкам, слизывая смысл на ходу.

Вот мне, видящему объемно, и поручили обучать объемному видению сначала соучеников, так называемых отстающих, потом сотоварищей, потом помощников в мастерской.

Впрочем, я забегаю. В школе я сформулировал только основу: «я вижу объемно, другие плоско». И пуще возгордился: такой уж я особенный!

Объемное видение привело меня в архитектуру, а оттуда в планировку, где объемы надо еще увязывать со всем на свете — с природой и экономикой. Но планировка — коллективный труд. Тут ты не в мастерской, не наедине с полотном. И как же я был ошарашен, когда из всех вновь принятых я один не получил самостоятельную группу. Я дулся, обижался, злился, я ничего не понимал и считал, что меня не поняли. Я же видел, что другие работают проще, плоско. Хотел все бросить, бежать прочь...

И тут меня вызвал шеф, мастер Нкаму, вы знаете его, конечно. Уже тогда был стариком, с седым ежиком над бледно-коричневым лбом, сморщенный, сутулый. Не знаю, почему не омолаживался. Кажется, срок пропустил, промедлил. И повторил он, как мой школьный директор:

— Нкрума, вам надо задуматься над собой всерьез. У вас от рождения особенный дар: видите мир объемно. Вам дано чутье, и вы позволяете себе не думать. Вы видите чужие ошибки, но не привыкли их выражать словами, поэтому никого не умеете поправить. Это еще полбеды, можно бы оставить вас младшим в мастерской, но вы и младшим будете прескверным, потому что у вас чутье, вы не привыкли себя проверять и упустили то-то, то-то и то-то...— Он перечислил мои грехи, у меня глаза на лоб полезли от их обилия.— И позвольте мне, чутья не имеющему, рассказать вам, как мы, простые люди, решаем задачи, планировочные в частности. Мы рассуждаем... как в самой-самой первоначальной математике. Дана задача, даны условия задачи, как будете решать? И не торопитесь хвататься за калькулятор — знаю, что вы умеете умножать и делить. Считать будете позже, считать придется достаточно много и даже не вам и не только то, что бросилось в глаза в первую секунду. Но сначала прочтите раз и два и три, пока не запомнили ВСЕ условия и не усвоили ВСЮ задачу. Определите главную цель. И не воображайте себя первым и единственным зодчим на планете. Такие цели, такие задачи ставились и решались. Как? Информацию накопили? Знаете метод первый, второй, третий, двадцать третий? Какой из них самый подходящий? Применили, результат получили? Попробуем другой метод... и еще один. Какие решения лучше? А наоборот нельзя ли? И что там видно на обратной стороне, что прорастает на изнанке? Сравнили? Выбрали? Устранили помехи? А теперь проверка!

Тот урок Нкаму я затвердил на всю жизнь. Повторяю себе, повторяю помощникам: задача — условия — метод-методы — выбор-изнанка.

И обязательно проверка. Сейчас тоже проверяю себя. Прослушал текст. Чувствую: декларативно, без примеров неубедительно. Но пример нам искать недолго. Расскажу, как я приступил к проекту «Зеленая Австралия». Условия вы знаете, можете сравнить свои рассуждения с моими. Если найдете различие, вероятно, где-то рядом причина моего успеха. Если же не найдете, тогда вся моя заслуга в том, что я моложе, выносливее, успел больше. Кроме того, я у вас же учился, у вашего поколения, я знал, что вы придумали в своей жизни, а вы обо мне не знали.

Условия задачи. Дана Австралия, точнее — будет дана зеленая, озелененная Австралия, искусственно орошенная степь, где надо расселить до миллиарда жителей, преимущественно в небольших городках. Требуется спроектировать типовой город... Не пере-

сказываю раздел первый брошюры о конкурсе, вы ее знаете.

Типовой город — рациональный, удобный, здоровый и красивый. К четырем этим определениям сводится раздел второй — сорок восемь страниц убористого текста.

Какое из четырех главное?

К счастью, я не первый человек на Земле, не первый архитектор, ни во времени, ни по качеству. Есть опытные мастера, некоторые из них — мои соперники. Кто именно? Я постарался разузнать; узнав имена, угадал, что вы предложите. Не так уж трудно было. Не первый год вы работаете, свой стиль у вас, свой подход.

Итак, какое из прилагательных главным сочтете вы — мастера?

Я знал проекты Дэн Ши и знал, что главное для него — рациональность. У Дэна неистребим дух скудного XX века. Была бы крыша над головой, много-много прочных крыш для миллиарда сухих и теплых комнат без всяких излишеств, без украшательства, но построенных быстро, без проволочки — так, чтобы не мучить новоселов палатками. «Встретим переселенца с ключом от квартиры!» — вот лозунг Дэна. Всех нас он потрясает строительным конвейером. Жюри будет ясно: это надежные руки. Если строительство поручить Дэну, переселенцев можно приглашать хоть сегодня.

Я знал ваши проекты, мастер Ольгин, и догадался, что вы сочтете наиглавнейшим удобство. Вы очень точно уловили дух XXI века — тенденцию слияния квартиры с мастерской. Слияние органичное, поскольку свободного времени у нас больше, чем служебного, а современные селекторы позволяют проводить совещания, не созывая участников. И не только совещания. Если управляешь машинами по радио, простенькими тракторами и комбайнами, важно ли, где находится пульт: в специальной мастерской или у тебя на чердаке? Нетрудно было сообразить, что если в проекте Дэн Ши будет множество стандартных домиков, этаких полевых вагончиков, переставленных с колес на фундамент, то у вас — просторные нестандартные квартиры для землеробов-астрономов, землеробов-музыкантов, землеробов-художников, химиков, философов.

Угадал я? Сами знаете, что угадал.

И угадал я, что мастер Бебер, проповедник архитектуры для архитектуры, предложит великолепнейшие ансамбли в высоком классическом стиле. И угадал также, не вижу в том никакой заслуги, что Альба придумает что-нибудь потрясающее. Что именно, предвидеть я не мог, не склонен к сенсационности, но Альба, в увлечении собственными

идеями, кричит о них на всех перекрестках. Возможно, не очень надеется на воплощение, хочет хотя бы идею заронить. Надувные горы меня не вдохновили, по-моему, это из области научной фантастики, но кое-что Альба мне подсказал...

И конечно же, угадал я направление проекта Гасана. Всю жизнь во всех изданиях он твердит: «Природа! Природа! Природа!» Человек не расстается с природой, природа входит в двери и окна, ценность жилья в тесной связи с природой! Не сомневался я, что в проекте Гасана больше всего будет природы, дома на заднем плане. Даже угадал девиз его проекта: «Австралия была и будет Австралией».

Но разве пустыня останется пустыней, если ее оросят?

Ну вот, сформулировал я ваши точки зрения, сложил их мысленно в своей голове, задумался о ваших достоинствах. И спросил себя: чем смогу превзойти вас я — жалкий начинающий? Есть ли у вас слабости? Хоть одна?

И нашел. Обычную. Стандартную. Самую распространенную.

Однобокость!

Не называю ее плоскостным мышлением, не того ранга вы люди. Но у каждого своя сильная сторона, вы на нее надеетесь, нажимаете, развиваете, выпячиваете, делаете главной в проекте.

И в результате вы, мастер Ольгин, проектируете удобный город, Дэн Ши — рациональный, Бебер — красивый, Гасан — здоровый, а мастер Альба — новый. Тогда как нужен новый, здоровый, красивый, рациональный и удобный.

Чем же я могу взять? Всесторонностью!

Сейчас припоминаю, что первым мастер Бебер навел меня на идею универсальности. Ибо из всех вас он самый односторонний.

Я знаю, что мой соперник — великий знаток античной архитектуры, высочайшей вершины зодчества. Высший знаток высшей вершины! Как превзойти такого?

Но полно, в самом ли деле высшей вершиной был храм, построенный Фидием на холме над Афинами? А если был, почему же потомки не повторяли его во всех городах всех стран и материков? Чего ради сооружали они готические стрелы и нарядные русские луковки, витые мавританские колонны, загнутые крыши пагод? Зачем творили несовершенное после самого совершенного? От глупости, тупости, невежества, от заблуждения, падения мастерства и вкусов?

Кельнский собор, Нотр-Дам де Пари, собор Василия Блаженного, Тадж Махал в Агре, Альгамбра! Это — падение вкуса?

Да нет же, нет, не падение! Новые времена, новые вкусы, новые взгляды. В каждой стране, в каждую эпоху — свои.

Но если так, с какой же стати навязывать всем переселенцам из всех стран вкус мастера Бебера?

Пусть греки порадуются в каком-то городе Акрополю, немцы — готике, турки — минаретам, а китайцы — пагоде. Для каждого народа город с родной архитектурой.

Не навязчивый эталон красоты. Разнообразие. Многообразие!

Отсюда пошло все прочее. Пикам вашего мастерства, одиноким пикам на плоской равнине решил я противопоставить живописное разнообразие. Типовая разностильность. Связь с природой, но не обязательно австралийской. За городом Австралия, в городе ботаническая родина. Центральный ансабль — архитектурное прошлое переселенцев: Акрополь, Ситэ, Ангкор, пирамида, а для новизны, для будущего — не резиновые горы, но центр завтрашней техники, музей следующего века. Главная улица — от городского центра к музею, от сегодняшнего дня — в послезавтрашний. Молодежь тянется к будущему. Там и спорт, там клубы, танцы... там и наука.

Все это сложилось сразу, не мгновенно, но в один вечер, за несколько часов. Главное, стержень нашелся — единство разнообразия. В каждом городке архитектурный центр, ботанический сад, везде полигон XXII века, но стили разные, растения разные, на каждом полигоне свои чудеса. Все это мелькало в голове, хороводилось: башни, купола, шпили, маковки. Хотелось схватить перо, тут же наброски делать. Лицо горит, кровь стучит в висках, грудь ширится. Кажется, будто на гору взошел, вершину попираешь!

Не разрешил я себе схватиться за перо, хотя спать совсем не хотелось — заставил лечь в постель. Потому что не доверял вдохновению. Когда несет по течению, не очень разбираешь, что там мелькает в кустах на берегу.

Но и на свежую голову проверил я свой подход. Решил: стоит положить в основу.

Однако!

На основе той предстоит работа. А многообразие многотрудно. Емко. Трудоемко. Вы, мастера, представляете на конкурс один типовой ансамбль, а я — много. Сколько? Штук шесть, по меньшей мере. Например: античный, готический, мавританский, русский, индийский, китайский. Вы проектируете один типовой домик, я — шесть. У Альбы одна резиновая гора, у меня шесть полигонов будущего. Ну, не шесть, но три-четыре нужно.

Итак, шестикратная работа. Ну, с шестью замыслами я справлюсь. Главное, мыслю быстро. Сразу вижу изъяны. Но ведь все нужно просчитать и вычертить. Нужны дельные помощники. Подсказать-то я подскажу, важно, чтобы понимали и выполняли образцово.

Еще важно, чтобы не мешал никто.

Мешать могут, из практики знаю, и подчиненные. Тут неразрешимое противоречие. Желательно, чтобы помощники были самостоятельны. Поручил, сделал, принесли. И желательно, чтобы они были не чересчур самостоятельны, не своевольничали, чтобы не приходилось мне тратить часы, спорить до пены на губах, доказывая, что мой проект надо делать по-моему. Нашел я выход из положения. У нас разрешается брать младших с повышенным испытательным сроком — четырехмесячным. Тут тройная выгода: во-первых, есть возможность из многих отобрать самых полезных, самых старательных и самостоятельных; во-вторых, кроме старательных и самостоятельных, работает на тебя двойной комплект — постоянные и стажеры. Есть еще и третья выгода: отвергнутые не зря сидели свои четыре месяца, тоже старались, что-то предлагали, вложили, все это в мастерской остается.

Но больше опасался я, что мешать будут сверху и в особенности самые благожелательные.

Начальнику своему и учителю мастеру Нкаму понес я идею с самого же начала. Ждал оценки, как школьник в глаза заглядывал, что же скажет мой мудрый наставник?

Вижу, улыбается, кивает одобрительно. И соглашается на просьбы — избавить от текущих заказов и насчет стажеров. Как же иначе? Победа на конкурсе — честь для мастерской, для всей нашей страны. Столько веков унижали нашу расу, хочется же преодолеть комплекс неполноценности. Вот мы какие — и на всемирном конкурсе побеждаем!

Но насторожился я. Слышу: в советах Нкаму проскальзывает «мы». И даже «я»! «Я взял бы на себя... Я смог бы... Мне интересно...»

Казалось бы, естественно, Нкаму — мастер, Нкаму — учитель, Нкаму — глава мастерской. Его мастерская работает на конкурс, как обойтись без его участия? И что же получится? Идея моя, но при его участии, проект мой и уже не мой, под его руководством, его подпись первая. К тому же не такой человек Нкаму, чтобы ограничиться подписью. Он будет активно вмешиваться, работать, руководить. Могу я уступить ему руководство? Я знаю, что Нкаму тугодум, осторожный, холодный и, как все пожилые холоднокровные тугодумы, склонен к проверенным решениям. Новшества воспринимает с подоз-

рением, непривычное будет долго взвешивать, выверять, откладывать. Но как победить на конкурсе без новинок? На конкурсе выделиться надо, заставить себя заметить. Увы, с дорогим моим Нкаму придется спорить о каждой запятой. Младшему можно указывать и приказывать, старшему же придется доказывать, тратя время на вежливый спор и уступая время от времени из вежливости. Нельзя же не согласиться ни с одним замечанием умудренного опытом мастера. А уступать — это значит отступать, если не в главном, то в деталях. Но Нкаму умный же человек, он поймет, что я отвергаю его советы, детальками жертвую для утешения. И будут у него копиться обида, раздражение и недовольство. Стараясь быть объективным, он заставит себя согласиться со мной раз, два, а потом подсознательно проявит упрямство, не суть отстаивая, а свой авторитет.

И решил я рубить с плеча.

— Мастер,— сказал я,— конкурсы — это извечная надежда молодых. Только на конкурсе могут заметить новичка. Я прошу разрешения выделить из мастерской независимую молодежную группу.

Бедняга, он даже посерел. Как-то съежился, постарел сразу. Губу прикусил, голову опустил, помолчал, беря себя в руки, выговорил наконец:

— Вероятно, вы правы, Нкрума. Составляйте список.

И голос сел у него. Так мне жалко было старика, захотелось извиниться, взять свои слова назад. Но подумал я тут же: «Придем мы, придем к тому же разрыву, только со временем, в течение года накапливая недовольство...»

— Железный ты человек,— сказала мне в тот вечер жена.— Так-таки и не пожалел старика? Ничего не шевельнулось в груди?

Никогда не мог понять до конца женщин. Жена меня очень любит, очень! Любит и уважает. Не раз слышал от друзей, что за глаза она меня превозносит. Но в глаза говорит только о недостатках. Даже выискивает их, придирается к мелочам. То ли ей нужно, чтобы я был безупречным, как солнце, то ли, наоборот, давлю я ее своим превосходством, хочется найти пятна на этом семейном светиле, что-то свое независимое противопоставить.

Что я ответил? То же, что и думал. Предпочитаю рубить с плеча, не тянуть резину.

Ну а потом была работа, работа и работа. Младшие считали и чертили, а я направлял, подправлял, перечеркивал. Все использовал: и вдохновение первой минуты, и дотошную последовательную проверку, и выверенные решения старых мастеров, и незрелые попытки стажеров, и накатанные приемы опытных помощников.

Как вы знаете, мы успели. Привезли в Канберру листы и подрамники.

Расставил я свои, посмотрел ваши. И сказал себе: «Не обольщайся, Нкрума, и не успокаивайся!» Есть у тебя козыри, но есть и недостатки, не может быть. Первый: оборотная сторона козыря. У тебя шире всех, но шире не значит глубже. Хуже того, твоя широта наведет на подозрение, что глубины у тебя нет. Значит, надо бы обратить внимание жюри, что и соперники твои не без греха: взяли узко, плоско, мелко, упустили одно, другое, третье... пятое... десятое...

Возможно, мастер Ольгин, вы придерживаетесь других убеждений, считаете, что жюри виднее: там собраны самые мудрые, самые опытные, принципиальные и беспристрастные. Совершенно верно — собраны лучшие люди, но все же люди, со своими личными вкусами, пристрастиями, взглядами на главное и сверхглавное. Ведь и вы все, уважаемые соперники, лучшие планировщики полупустыни, имеете свое мнение о сверхглавном. Для Альбы — новизна, для Гасана — сохранение природы, для Бебера — почтенная классика... не буду повторяться. Так вот, мне и надо было подсказать жюри, что ваше мнение, мягко говоря, неполное...

Как же мог я подсказывать? Ведь общаться-то мне с ними не полагалось. Однако в пояснительной записке, излагая задачи, поставленные в проекте, я мог написать, что мы — африканские архитекторы — противники голого рационализма, лишающего архитектуру эстетической ценности (намек на прежние проекты Дэн Ши); что мы в такой же степени противники тоскливого однообразия, скучной приверженности одному-единственному стилю (имелся в виду Бебер); что мы строим города для современного человека и, отдавая дань традициям, не имеет права оставлять его наедине с природой, игнорируя все достижения цивилизации (камень в огород Гасана); и что мы, с другой стороны, строя города для современного человека, не считаем возможным гадать, что понадобится его детям и внукам, а отцов и дедов всю жизнь держать во временном, кое-как оборудованном жилье, тоже наедине с природой, в сущности. Это — против Альбы с его резиновым жильем у подножья резиновых гор. И так далее.

(Могу только догадываться, какие шпильки были заготовлены против меня. Нкрума не решился все-таки обижать меня в глаза, спрятался за этим невнятным «и так далее»).

С жюри мне не полагалось общаться, не

полагалось критиковать соперников публично, но мог же я говорить о планировке вообще. Австралийские архитекторы попросили меня прочесть им доклад об опыте работы в Африке: в сахеле и Калахари. Кое-что я мог подсказать и тут. Например, я уже знал лозунг, брошенный Гасаном: «Австралия была и будет Австралией». И знал, что это красивые слова, не более. Орошенная пустыня не останется пустыней. Что же касается архитектуры, у Австралии не было своего собственного традиционного архитектурного стиля, был импортный, англо-американский. Но девизу Гасана надо было противопоставить другой, не менее броский. Я придумал: «Пятый материк — любимец и баловень пяти материков». Девиз понравился, его подхватили, я увидел мои слова в газете. Говорят, их повторяли и в жюри при обсуждении.

Вот такие маленькие гирьки подбрасывал я на весы архитектурного правосудия.

Жена моя — домашний судья — хмурилась по поводу всех этих усилий. Ее послушать, и пояснительную записку не пиши. Выставил проект — отойди в сторону, скрестив руки, жди, какой тебе вынесут приговор. Но если так рассуждать, тогда и перспективы рисовать не надо. Сделай план, дай колонки цифр, умные люди разберутся. Нет, тут я не согласен категорически. Себя надо подавать в наивыгоднейшем свете, недостатки тушевать, подчеркивать достоинства — пальцем на них указывать! Между прочим, и женщины все, моя жена тоже, два часа в день посвящают своей внешности: кожу лица разглаживают, платья примеривают, парики, прически, шляпки, туфельки...

Думается мне, что в этом нашем домашнем споре проявилось устаревшее отношение к конкурсу. Раньше, в XX веке, победитель конкурса награждался деньгами. Некрасиво было добиваться денег окольными путями. Но у нас же не о деньгах речь. Мы хотим получить увлекательную работу. Словно школьники, мы тянем руки: «Можно, я отвечу?» Заметьте наши руки, услышьте наши предложения, позвольте нам потрудиться, мы считаем, что лучше всех ответим. И сравниваются тут проекты, а не проектанты, поэтому спортивный подход неуместен, ни возраст, ни вес не играют роли. Мы не борцы, мы артели. Лично я уверен, что наша африканская артель — самая работоспособная, и не намерен молчать, потупив глазки, как деревенская невеста на смотринах. Конкурс — это витрина. Витрина будущего жилья в данном случае. Выставлены на выбор квартиры, скверы, городские площадки, развязки, стоянки, озера и музеи. Потребителю безразлично, сколько времени вы потратили на изготовление крыльев. Ему нужно, чтобы крылья были самые лучшие.

И, как вы знаете, мои крылья признали лучшими.

Да, я был счастлив, я был горд, не ходил, а парил. На улицах нашего Вадувау на меня показывали, за спиной шептались: «Это он, он самый». Земляки ликовали, моя победа радовала их еще больше, чем меня. Меня наперебой приглашали в гости, в клубы, в школы, на телевидение. Вдруг все заинтересовались архитектурной планировкой. Слушали, не очень понимая и совсем не понимая, но с почтительным вниманием. Я говорил уже, что здесь проявлялось вековое наше угнетение. Вы знаете, как называлась моя родина прежде? Невольничий берег! Веками нас ущемляли, притесняли, обращали в рабство, за людей не считали. И вот мы показали, мы — бывшие невольники! Нкрума показал — один из наших.

День-два наслаждался я фимиамом, потом всеобщее внимание надоело мне, потом начало раздражать. Скучна была роль музейного экземпляра на посмотрение. Да, я всегда был высокого мнения о себе, знал, что могу, м о г у, МОГУ! Но не о славе же я старался. Слава — это форма признания, а признание — всего лишь ступенька к большим делам. Жюри признало, что я МОГУ, что мне можно поручить архитектуру материка. И теперь, дорогие земляки, отойдите вы с вашими рукоплесканиями, я надел нарукавники, не мешайте мне оправдывать надежды!

На том, мастер Юш, разрешите мне окончить отчет о самом себе. Сейчас я весь в работе. Я коплю идеи, я сижу у пульта и наигрываю силуэты. Я строю... не здания пока что. Я строю организацию проектирования, как шахматист, на пять ходов вперед проигрываю комбинацию обсуждений: я предложу — меня спросят — я отвечу — мне напомнят — но это я уже продумал — мне выскажут сомнения — я сниму их — что возразят еще? Нечего! Моя взяла — еще два хода, и мат! Я хочу заранее предвидеть, кто мне будет мешать снизу, упрямо протаскивая свои поправки, и кто будет мешать сверху, препятствовать, откладывать, отказывать...

Но если мне откажут, тогда у меня приготовлено...

Так что простите мне, дорогой учитель, что я откладываю приезд в ваш центр омоложения. Для вас я обязательно найду время через месяц-другой, открою все свои извилины и буду рад, если это поможет вам победить в следующей молодости. Вы заслужили победу, надеюсь, что вы ее получите.

ЭПИЛОГ

И вот снова, в который раз, сижу я в центре омоложения.

— Продолжайте,— говорит мой куратор.— Спешить нам некуда, вы человек здоровый, нет острой необходимости немедленно класть вас на омоложение. Мне кажется, в письме этого молодого архитектора есть материал для размышлений. Подумайте!

Подумайте! А чем я занимался все эти дни? Думал!

Думал я больше о чувствах победителя. Очень вкусно описал Нкрума, как он идет по родному городу, как на него показывают детям, гордятся, что этот, свой, утвердил в мире наше достоинство. У меня такого не было в жизни. Были успехи, были похвалы и награды, но профессиональные, местного значения. И даже жене моей не всегда удавалось объяснить, за что же похвалили, какие у меня находки в планировочном решении. Даже она — архитектор — не слишком разбиралась в планировке.

И очень понимал я трехступенчатое «могу, м о г у, МОГУ!» Эх, не довелось мне дойти до сплошных заглавных букв. Застрял между могу и м о г у.

Но не понравилось мне, решительно не понравилось поведение Нкрумы на конкурсе, суетливое, сказал бы я, поведение. Откуда такое недоверие, высокомерное, другого слова не найду? Почему он считал, что ученые эксперты не поймут его без подсказки? Я же понял. Как вошел в зал, сразу подумал: «Этот победит».

Да, вспоминаю, в какой-то из книг прошлого века вычитал я, что «каждый должен быть коммивояжером своего таланта». Считаю, что это выдохшаяся мудрость, пережиток прошлого. Коммивояжер продавал затхлый, лежалый, посредственный товар, всучить — была его работа. Посредственный талант нуждается в рекламе, подлинный всем бросается в глаза. Нет, такое я заимствовать не буду. Совсем необязательное качество. Думаю, и у Нкрумы оно от сложного сочетания самомнения и неуверенности. От самомнения сомневается, что его способны понять, от неуверенности сомневается, что сумел показать. Нет уж, я не стану суетиться. Проект на выставке, смотрите сами!

Не о том размышления. Эта слабость устраняется просто.

Резануло меня объяснение Нкрумы со своим учителем-руководителем Нкаму. Старый мастер, думающий мастер, и Нкрума обязан ему, у него учился видеть объемно, мыслить последовательно, методично отсекать лишнее. Все, что сверх природного, у Нкрумы от учителя. И этому доброму учителю Нкрума в лицо кидает: «Хочу обойтись без вас». Так и стоит у меня перед глазами опавшая фигура с седым ежиком над коричневым лбом, постаревшее, поседевшее сморщенное лицо. Такой удар! Пускай старый мастер медлителен, неповоротлив, консервативен отчасти (так ли консервативен? Нкруму направлял же, идею оценил сразу), пускай мешал бы иногда, даже часто мешал бы, но разве нельзя было обойтись как-то мягче, осторожнее, из благодарности и уважения к старому учителю не жалеть часдругой на споры, терпеливо убеждать, переубеждать, даже уступать время от времени?

По мнению Нкрумы, вежливая проволочка ни к чему не привела бы. Даже если бы старик не сопротивлялся, все равно ворчал бы: «Меня не ценят, со мной не считаются, отстраняют, пренебрегают». И копил бы обиду. Что хуже: крепко обидеть один раз или обижать порционно целый год?

Нкрума предпочел не растягивать. Для пользы дела.

Но стоит перед глазами жалкое, сморщенное, побледневшее, посеревшее лицо с седым ежиком над коричневым лбом.

Стоит потому, что помню я, как мы все выглядели, когда председатель жюри огласил решение. Помню сжатые губы и прищуренные глаза Бебера. Они выражали презрительное недоумение: «Что за люди подобрались здесь в жюри? Никакого понимания высокого искусства, профанам угождают». У Дэн Ши лицо было злое, почти злое, ему чудился заговор против него лично. Дескать, «знаем мы этих экспертов, все они сговорились, разыграли комедию, конкурс объявили для видимости, заставили нас, дураков, трудиться целый год». Альба ерошил пышные волосы, напустив на себя бесшабашный вид. Явно петушился: «Я еще покажу себя, не в Австралии, так в Америке, не в Америке, так на Луне. Идеи не занимать, голова пухнет от идей. Найдется, чем удивить, еще удивлю мир». Гасан же демонстрировал восточную выдержку. «Этот конкурс для меня был игрой,— говорило его лицо.— Хотел сделать вам подарок, не приняли, вам же хуже. А теперь докука свалена с плеч, уеду в свои края охотиться. Охота — вот настоящее дело для мужчины».

Как выглядел я, не знаю, в зеркало не смотрел, но помню, что ощущал усталость. Бессилен, выжат, выброшен на свалку. А в голове крутилось: «Так и думал, так и думал, так и думал с самого начала. Стар и бездарен. Возомнил, получил по носу. Теперь досиживай в своей конторе до заслуженного отдыха».

Так что же получается? Талант плодит горе. Несчастные вокруг него.

Не только соперники несчастны, но и старый учитель — мастер предыдущего поколения. И средние помощники, стажеры, старательные, не совсем бездарные, которые что-то вложили в проект, а потом получили отказ после многомесячных усилий. «Не потянули, ребята!» Может быть, и правильно отодвинули их, а все равно горько.

Горечь сеял вокруг себя Нкрума.

Горечь сеял, но завоевал славу, для себя и для своих земляков. Что же такое слава? Слава это признание,— правильно говорит Нкрума. Признание редкостного уменья делать нужное дело. Если писатель знаменит, это означает, что книги его очень нужны. Артист знаменит — его игра радует зрителей во всех странах. И если знаменит футболист, многие осудили бы меня за такое сопоставление, значит, его мастерство радует и волнует зрителей. Оказывается, слава — это уменье радовать, это разрешение радовать, поручение радовать.

Радовать потребителей, огорчать соперников.

Радость тысячам и миллионам, горе десяткам и сотням.

Такая арифметика у таланта.

Выдающиеся радуют человечество, но обижают человеков, теснят, отодвигают, отстраняют за непригодность.

Разве хорошо?

И главное, радость сеется далеким, а горе-то рядом.

Нехорошо!

Но тысячам и миллионам необходима та радость от талантов.

Может быть, может быть и так, но я лично люблю вручать подарки. Не волнуют меня невидимые зрители, восторженно хлопающие на дальних трибунах. Я Дед Мороз по призванию. Мне нравится вручать подарки, видеть загоревшиеся глаза и благодарную улыбку, своими ушами слышать: «Спасибо, вы угадали мое сокровенное желание». Нравится угадывать сокровенные желания этой девушки, этой бабушки, даже этого могучего мужчины, хотя он и сам в состоянии себя одаривать. За свои старания я хочу получать натуральную оплату радостными улыбками... а не заочным признанием где-то когда-нибудь в обмен за кислые мины окружающих.

Кислые мины меня почему-то тревожат больше.

Так что, дорогой мой Эгвар, простите меня за напрасные хлопоты, но я обдумал и принял решение. Я не хочу быть талантливым на уровне Нкрумы. Понимаю, нужны и такие люди, но мне не по душе их непримиримый напор. Я не люблю обижать. Таким родился, таким и останусь. Не хочу быть выдающимся. Был средним и буду средним во второй своей молодости.

— Ничего не будем менять? — спросил Эгвар. И голову на плечо склонил с видом сомневающимся.

— Не могу зарекаться на целую жизнь. Может быть, что-нибудь новое встречу, пойму, передумаю. Пока менять не буду.

— Совсем ничего?

Мне показалось, что нужно извиниться.

— Вы не считайте, что время зря потрачено,— сказал я.— Для меня очень полезно было продумать прошлое. Я даже жалею, что ждал шестидесяти. Отныне каждые десять лет буду писать самому себе отчет. Напишу, оглянусь, огляжусь, так ли жил, так ли живу? Может быть, и обстановку сменю. Нужно время от времени жизнь начинать заново.

Эгвар переместил голову с правого плеча на левое:

— Тогда у меня есть предложение... или совет, если хотите. Вы вспоминали и описывали прошлое, я изучал вас очень внимательно. Наверное, сейчас мог бы написать реферат по юшведению, ольгиноведению, как прикажете назвать такую науку? И я согласен с вами, что архитектура вовсе не ваша стихия. Выбрали вы ее случайно, судя по вашему отчету. Рисовали не слишком хорошо, перешли на планировку, не проявили себя особенно, сейчас согласны отказаться, перейти на сцену, в космос, еще куда-нибудь.

— Таланта не было,— вздохнул я.

— А на самом деле есть у вас талант,— неожиданно объявил Эгвар.— Есть, но вы его не поняли. Вы умеет сопереживать, умеете входить в чужую душу. И представьте себе, есть профессия, где это очень нужно. Моя! Наша! Короче, я советую вам после омоложения поступить на работу в наш центр... переучившись, конечно, грамотность требуется тоже. К вам будут приходить люди, много людей, мужчины и женщины, пожилые, усталые, нередко разочарованные, чаще недовольные... ибо человеку не свойственно тупое довольство, всегда хочется неиспробованного. Вы будете выслушивать их сочувственно, копаться в их сердцах и мозгах, терпеливо выискивать лучшее даже там, где хорошего мало, давать разумные советы, добрые советы и, под конец, вручать ценнейший подарок. Молодость! Новую жизнь! Вот такая перспектива у вас на ближайшие сорок лет. Если я ошибаюсь, через сорок лет можно будет переиграть.

И знаете ли, меня это устраивает.

ПОПРОБУЕМ — САМИ?

Встречая изредка у друзей и с интересом перелистывая разнообразные НФ справочники и энциклопедии, изданные за рубежом, всякий раз с завистью вздыхаю: и нам бы — такое!

Увы... Хотя и увеличивается количество изданий, в сражении за читателя начинающих публиковать фантастику, информированные ею любители без особого оптимизма вглядываются в ближайшее будущее отечественной НФ. Новые журналы — если и появятся — скорее всего, реализуют собою музыкальные либо иные общекультурные запросы нашего общества. Новые издательства — возникни они — отразят в своей деятельности опять-таки какие-то очень общие наши с вами духовные потребности. Надеяться же, что вот-вот появится наконец специализированный НФ журнал (а нам, в гигантской-то нашей стране, нужен даже не один такой, поскольку слишком явно не выполнит он главной своей функции — консолидации авторских сил,— нужны как минимум два-три самостоятельных журнала!), надеяться, что вдруг чьей-то высокой волей будет создано и многопрофильное специализированное издательство НФ... Увы, наивно.

Стало быть, в ближние пять (а то и десять) лет едва ли увидим мы какое-никакое, пусть самое слабое — смирились бы и с этим! — подобие НФЭ или ЭНФ.

Энциклопедию научной фантастики.

Что ж, спасение утопающих, как известно, дело рук самих утопающих... Исходя из этого и искренне стремясь максимально содействовать развитию советской фантастики (которое без всестороннего осмысления пройденного пути едва ли ныне возможно), предлагаем следующую долговременную акцию.

Давайте создадим — сами, общими усилиями — отечественную энциклопедию НФ!

Ту самую, отсутствие которой все более ощутимо не только для рядовых читателей фантастики, но и для ее авторов, издателей, редакторов, критиков, иллюстраторов, словом — для того разноликого корпуса неформалов-профессионалов, чьими силами реализуется дальнейшее ее развитие.

Как осуществить эту заманчивую, бесспорно, но и несомненно сложную идею?

Предлагаем следующее.

Мы опубликуем в журнале — частями — словник нашей энциклопедии: те фамилии, корневые слова и термины, что должны найти отражение в ней. Вы — наши читатели и, в данном случае, соавторы — дополняете эти сугубо черновые списки всем тем, что — на ваш взгляд — категорически не может быть упущено даже в первом, журнальном (а последует ли за ним и отдельное книжное? — вот вопрос!) издании КЭФ.

Условимся «на берегу»: именно так — «Краткая Энциклопедия Фантастики» — называть предпринимаемый нами труд? Сокращенно — «КЭФ».

Приемлемые дополнения к словнику мы тоже опубликуем. (Приемлемость их, заметим, будет определяться тем, не сиюминутны ли они, не преходящи ли, не носят ли излишне частный — либо, напротив, чересчур нереализуемо-глобальный характер?).

Одновременно же начнется и та гигантская работа, выполнить которую без вас, наши читатели и помощники, попросту невозможно.

Дело в том, что собственную свою роль мы постараемся максимально свести к отбору и редактированию. А от вас — ждем словарные статьи. Так именуются те конкретные, очень сжатые, четкие, предельно информативные и одновременно общепонятные тексты, что в любой энциклопедии следуют за фамилией или термином.

Предлагаем при этом конкурсный принцип: в журнале всякий раз будет помещен тот вариант словарной статьи, что менее других потребует дополнений и редакторской правки.

Публикацию КЭФ мы начнем, очевидно, во второй половине следующего года. Будем отводить для этого либо две журнальные страницы в каждом номере, либо, скажем, шесть — но раз в квартал. Нумерацию этих страниц мы, используя опыт нынешнего года, сделаем отдельной — чтобы желающие смогли со временем объединить нашу КЭФ в полновесный, будем надеяться, том. В конце каждой публикации мы намерены указывать фамилии читателей, чьи материалы использованы; под крупными статьями будем ставить авторские подписи.

О содержании КЭФ.

В нее, мы полагаем (после того, как посоветовались с рядом несомненных знатоков НФ), должны войти:

персоналии, т. е. справки о конкретных авторах отечественной и зарубежной НФ, литературоведах и критиках, переводчиках, художниках, режиссерах и т. д.;

обзорные статьи — о фантастике отдельных стран и регионов (в том числе — республик и регионов нашего Союза); о видах и жанрах НФ; о фантастике в иных видах искусства; об отдельных проблемах, темах, сюжетах, ситуациях НФ;

сведения об организациях и объединениях, о совещаниях и встречах, фестивалях и выставках, о премиях в мире НФ, о клубном движении в нашей стране и за рубежом, о фантастике в издательском преломлении (журналы и альманахи, антологии, книжные серии и т. д.);

термины — бытующие в фантастике (но — не у единичных авторов!) специфические названия предметов, свойств, явлений и т. д.;

и — что еще!

Что мы упустили в этом своем перечне?

Кое-что — вполне сознательно. Ибо, не будем обольщаться, при всем желании нам не «вбить» в нашу Краткую ЭФ ни необычайно привлекательный, но слишком мощный пласт авторских неологизмов, ни бесчисленную — даже если учитывать лишь самых популярных! — армию героев и персонажей НФ, ни, наконец, чарующе звучащую, но тоже необозримую топонимику Страны Фантастики. Эти три категории в самом лучшем случае можно рассматривать лишь как следующий этап затеянной нами работы.

Поскольку КЭФ мыслится нам, естественно, в виде книги, материалы для нее (в том числе и словник) мы будем печатать в алфавитном порядке.

В этом номере мы помещаем словник на букву «А» (в его основу положена разработка давнего друга «Уральского следопыта» — А. П. Лукашина, председателя пермского КЛФ «Рифей»).

Желающих помочь нам в работе просим не затягивать с высылкой дополнений к словнику, даем на раздумья и поиски всего лишь один-два месяца. Время и впрямь не ждет: к январю нам крайне желательно иметь уже и готовые словарные статьи — хотя бы к первой половине публикуемого списка.

Тем, кто хочет участвовать и в написании этих статей, советуем не разбрасываться — выбрать из наше-

го перечня (либо — придумать сами!), скажем, две-три позиции и опять-таки не затягивать ни с проработкой их, ни с отсылкой.

Несколько непременных условий.

Помните о справочном характере КЭФ и о том, что посвящена она именно Фантастике. Ничего лишнего: только — по существу, только — для справки! Лишь самый необходимый сверхминимум сведений, к фантастике не относящихся! Обязательно датируйте упоминаемые вами произведения, но не аннотируйте, не пересказывайте их содержание; говоря о чем-либо творчестве, определяйте общий его характер, тематику, своеобразие.

Каждую статью начинайте на новом листе. В конце ее укажите (для редакции) источники, которыми пользовались, свои Ф.И.О. и адрес.

Объем статей для КЭФ — от 0,3 до 3-х стандартных машинописных страниц (отпечатанных через два интервала, по 60 знаков в строке, 30 строк на странице). Оптимальный объем каждой конкретной статьи стремитесь определять сами — в зависимости от ее содержания.

Не забывайте: вы и сами, очевидно, будете заглядывать в КЭФ. Закончив свою статью, оцените ее посторонним взглядом, отредактируйте, перепишите, оставляя лишь то, что сами хотели бы найти по данному вопросу именно здесь, в Краткой Энциклопедии Фантастики.

...Так что же? Приступим к делу?

Тогда — последнее: к адресу на своих письмах добавляйте, пожалуйста, пометку: отдел фантастики, КЭФ.

В. БУГРОВ

КРАТКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ФАНТАСТИКИ (примерный словник)

ААЯ (аномальные атмосферные явления)
Абашели А. В.
Аборигены
Абрамов А. И.
Абрамов С. А.
Абсурдистская НФ
Абэ К.
Авантюрная фантастика
Аварии
Австралийская НФ
Австрийская НФ
Автоматы
Авторы НФ
Агасфер
Ад и Рай
Адам и Ева
Адамов Г. Б.
Адамович А. М.
Адаптация
Адресат НФ
Азербайджанская НФ
Азимов А.
Айтматов Ч. Т.
Акванавты
Алексеев В. А.
Алимбаев Ш. К.
Аллегория
Алхимия
Альдани Л.
Альманахи
«Альманах НФ»
Альтернативные миры
Альтов Г. С.
«Альфа Эридана»
Амазонки
Аматуни П. Г.
Американская НФ
Амирхан Ф. З.
Амнезия
Амнуэль П. Р.
Амосов Н. М.
Амфибионты
Анабиоз
Ангелы
Ангелов Д.
Английская НФ
Англоязычная НФ
Андерсон П.
Андреев К. К.
Андреев Л. Н.
Андроиды
Анкетирование
Аннигиляция
Аномалия
Анстей Ф.
Антарктида
Антивещество
Антивоенная НФ
Антигравитация
Антиинтеллектуализм
Антимир
Антирелигиозная НФ
Антиутопия
Антифашистская НФ
Античная фантастика
Антологии
Антропоиды
Антропология
Антропоцентризм
Анчаров М. Л.
Апокрифы
Аполлинер Г.
Арабская НФ
Аранго А.
Арбес Я.
Аргентинская НФ
Аргументированность
Арельский Г.
Арканов А. М.
Арктика
Армянская НФ
Архаизация
Архитектура
Асеев Н. Н.
Ассоциации
Астероиды
Астральный роман
Астрология
Астронавтика
Астрономия
Астрофизика
Атлантида
Атмосфера
Атомная энергия
Африка
Ахметов С. Ф.
Ахшарумов Н. Д.
«Аэлита» (премия; книжная серия)
Аэронавтика

Спрашивайте — отвечает...

В четвертом номере на вопросы читателей «Уральского следопыта» ответил известный писатель-фантаст Кир Булычев. Сегодня в нашей гостиной — Ольга Ларионова. Полагаем, ее тоже едва ли нужно представлять, особенно — аудитории нашего журнала. Ведь в том же четвертом номере закончилась публикация новой ее повести «Звездочка-Во-Лбу (Чакра Кентавра)»; прекрасно знают постоянные наши читатели и о том, что в прошлом году Ольге Николаевне была присуждена премия-приз «Аэлита».

О чем вы хотели бы спросить писательницу? И что — высказать ей на этой заочной встрече? Если с чем-либо в ее творчестве, в ее публичных выступлениях не согласны — поспорьте: ваше право! Постарайтесь при этом излагать собственное мнение аргументированно, четко, лаконично.

Ваши письма должны быть отосланы на адрес редакции (с пометкой: отдел фантастики, О. Ларионовой) до 1 ноября 1988 года; в середине ноября мы передадим их адресату.

С желаньем далей многоверстных...

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ

Рис. Анны Субботиной

* * *

До конца изжил свое старик,
То на войнах,
То в делах мытарясь.
Словно плугом испахало лик,
Руки-ноги иссушила старость.
До немоги полной изможден;
Теменью земли глаза налиты.
— Для чего живу?...— вздыхает он.
— Зря теперь и хлеб-то ем...
— твердит он.
Никнет старый.
Лишь печаль —
Травой
Лезет вверх,
Травой невытравимой.
А подумать:
Для души мирской
Пуще чем когда необходим он.
Ведь из отношенья к старику
Можно о себе понять такое:
Кто мы есть,
Кем стали на веку,
Что мы значим и чего мы стоим.

ГРАНЬ

В слепом кураже раззадорясь
И выплеснув хлестко свое,
Как просто еще раз (еще раз!)
Обидел ты нынче ее.
Смолчав, понесет свою горесть.
Как прежде, тиха и ровна...
Но вряд ли еще раз (еще раз!)
Забудет обиду она.

* * *

Какое подлость ни присвоит имя,
Какою маской ни прикроет лик,
Ее нам видеть все невыносимей,
Она — как грязь, пролитая в родник.

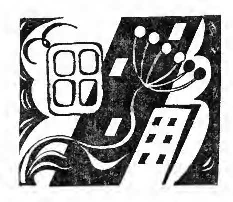
И то всего тревожней и больнее,
Когда она ползет из-за угла,
Что мы — казалось —
совладали с нею,
Ан, смотришь, лезет... прет...
не истекла...

* * *

Давно примечено людьми,
Но я хочу напомнить все ж:
Имея две полулюбви,
В итоге холод обретешь.

Пусть много дел свершить хотел,
Туда-сюда крутил свой руль,
Но в сумме многих полудел
Всегда бывает круглый нуль.

И можно даже не считать —
Подскажет жизнь и сам поймешь:
Две полуправды вместе взять —
Выходит в результате ложь.

* * *

Телом напряженный, как пружина,
Загорелый, как сосновый ствол,
За красивой женщиной мужчина,
Издали следя, счастливо шел.
Шел он следом. Шел и любовался,
Ясным соколом себя неся.
И она, как под звучанье вальса,
Каждой складкой платья пелась вся.
Словно пава, плавно выступала,
Даже и не глядючи назад,
Но, как солнце чувствует купава,
Ощущала устремленный взгляд.
И хотя уж полон властной силы
Был ее призывный женский свет,
Ей хотелось быть еще красивей,
Словно красоте предела нет.

* * *

Глазам терпеть невмоготу,
Когда они без света долго.
...Ночуя в шалаше,
Хоть в щелку
Все норовишь поймать звезду.

А если зимний путь пролег
Каким-нибудь простором дальним —
В окне автобусном
Дыханьем
Всегда проделаешь «глазок».

И точно так же
Всякий раз —
С желаньем далей многоверстных,
С тоскою о высоких звездах —
Глядишь в прозрачность встречных
глаз.

* * *

Разнежась в комнатном тепле
Да пообедав плотно,
Мы разглядим ли на земле
Холодных и голодных?

Среди веселья и утех,
Беспечные надолго,
Поймем ли, что в душе у тех,
Кто плачет втихомолку?

Держась все время на коне,
Удач своих не пряча,
Услышим ли, как в тишине
Вздыхает неудачник?

Когда от прочих-остальных,
Мы скрыты в неге-холе,
Какое там понять других —
Самих себя поймем ли?!

ЛЮДИ

Из реки — в океан,
Из огня — в полымя,
На стальной ураган —
Хоть с руками голыми!

Приходилось тонуть
И гореть заживо;
В черном дегте по грудь
Довелось хаживать.

Луг лежит, золотясь,
Млеет сад, сиреневясь...
Лишь бы снова не впасть
Из любви в ненависть.

Лишь бы нам не сойти
С правды — в словоблудье,
В безысходность — с пути,
Из людей — в безлюдье.

НА СЫЛВЕ, А МОЖЕТ БЫТЬ, И ДАЛЬШЕ...

Майя МАРЬИНА

Негромко переговариваются травы на берегу Сылвы. Слушают, задумавшись, камни и песчинки, слушают, вспоминают. Все прозрачнее пелена времени, все ближе, ближе, ближе прошлое...

Летит во Вселенной комочек, слепившийся из камней и глины, окруженный голубоватой дымкой. Зеленые бока свои, то один, то другой, поворачивает к Солнцу. Падает солнечный луч на склоны гор, падает сквозь ветки на звериную тропу. Тихо ступая по этой еле заметной тропе, пробираются два человека. На них грубые меховые одежды, на ногах подобие башмаков. Они шли всю ночь, и еще день, и снова ночь, и вышли теперь на берег небольшой реки.

Осенний день в разгаре. Теплое спокойное солнце греет щеку, ласково касается рукава одежды. Люди остановились и положили на землю тушу оленя. Чуть шелестят листья, покачиваются в траве белые и сиреневые цветы. Старый охотник медленно вдохнул воздух и прислушался: дух Большого камня дал ему знать, что здесь им не грозит опасность. Да, старик понимает таинственный язык всего, что его окружает. Уроки отца и долгие годы суровой жизни здесь, на Большом камне, научили его. Впрочем, ему кажется, что это само собой разумеется, что это он знал всегда. Он снимает с шеи костяной нож и выкапывает несколько корешков. Тепло солнца, тихий шелест трав, суетливая возня муравьев и подрагивающие крылья бабочки, севшей на плечо,— все обволакивает людей ощущением безопасности и растворенности в тишине и доброте, ощущением, которому они позволили себе поддаться всего на несколько минут. Куда-то отошло «надо», что гнало «на полночь» за добычей, что заставляло вступать за нее в борьбу с могучим Хозяином Леса,— его мокрая оскаленная морда, изрыгающая дикий рев, все еще стоит у них перед глазами. Это «надо» не давало им на обратном пути лишней минуты отдыха. Вот оно снова повисло над ними, огромное и непреодолимое. Они поднялись и пошли...

Сотни и сотни кругов совершил голубоватый шарик вокруг Солнца. И вот однажды на той же лесной тропе загорелся на золотисто-рыжем солнечный зайчик: всадник в лохматой лисьей шапке, разгоряченный погоней за косулей, выскочил на берег небольшой светлой реки. Косуля исчезла. Он понял, что не найдет, не догонит, и потому остановился.

Теплый осенний день. Мягкое и доброе тепло пропитало травы и полевые цветы. На повод коня села и распластала крылышки яркая бабочка. И река (он знал, люди, живущие здесь, называют ее Сылвой), и эти берега, и тишина, и это спокойствие — породили вдруг радость в его душе. Исчезла обида, что ушла добыча, что держать ему обратный путь. Вспоминалась сказка, в которой за победу над злым Шайтаном получил батыр прекрасного золотого коня.

Золото солнца плавилось в реке, слепило глаза. Человек засмеялся, крикнул что-то звонкое и радостное, рванул коня на дыбы и повернул к родному стойбищу...

И еще круги и круги — бесконечный танец, и — снова...

Шумит ветер, клонит лохматую траву. По пыльной дороге, поскрипывая, движутся подводы. Лошади, утомленные долгой и тяжелой дорогой, с трудом переставляют ноги. Возницы тоже устали. Не близок путь с Шайтанского железоделательного завода, не легок и груз — болванки-заготовки, которые на Сылвенском заводе прокатают в железные листы.

Дорога вскарабкалась на теплый и массивный склон горы Сокольной. Еще немного и... Уже видно и Сылву-село и завод. Возчики, не сговариваясь, останавливают обоз.

Легкие тени осиновых листьев-ладошек качаются на стволах, на выгоревших пестрядных рубахах. Попискивает небольшая птаха, прыгает с ветки на ветку; мерцают — синим, оранжевым, белым огнем — крошечные бабочки, неожиданно взлетая из самой гущи луговых трав; внизу, зеркалами, лежат пруды, и ветер чуть морщит голубую воду.

«Благодать!..» — скорее вздыхает, чем произносит один из крестьян. Улыбается и не слышит, как уже принялись кричать конвойные: «Пошли! Пошли!..»

Летит Земля в бесконечности. Устала ли? Не знает никто. И снова приходит день, и опять шумят березы, шуршит трава, и ветер сбивает воло-

Фото ВЛАДИМИРА ХОЛОСТЫХ

Фотоснимки бабочек на вкладке сделаны **ПАВЛОМ ГОРБУНОВЫМ**

сы на глаза. В шуме этом, а он то громче, то тише, что-то таится. Может, удивление перед голубовато-зеленой далью с золотыми пестринами осин, перед голубой высотой и голубой глубиной. А может, воспоминание о том, как шли здесь когда-то древние охотники, как столетия спустя бил копытом резвый конь, унося на себе лихого батыра, или как тяжело упирались, скользя на кореньях, крестьянские лапти, и скрипели, скрипели, бесконечно скрипели колеса...

Падают и возрождаются травы, падают и возрождаются деревья, но хранится в них память о том, что было.

Сегодня на берегах Сылвы — колхоз. Торопливо бегут тропинки, пересекают наезженные тракторами дороги. Теснятся к дорогам колосья. Им, молодым да зеленым, тоже хочется куда-то бежать, куда-то торопиться. А Сылва не спешит. Разлеглась двумя большими прудами, словно бы задумалась, а не остаться ли ей здесь совсем. И кажется, что проста речка, прозрачна она и ясна, насквозь видна до последнего камушка. Да видна-то она насквозь только с краю, у самого берега. Там, где поглубже, где прикрывается глубина отражением того, что на берегу, что наверху. Наклонишься — качается в воде твое лицо, качается, изменяется. То узнаешь себя, а то вдруг глядит на тебя кто-то незнакомый и странный. Не те ли загадочные силы, не те ли смутные тайны, что ходят в глубине и, поднимаясь к поверхности, пытаются вести с нами беседу...

Мы торопимся к электричке, мы впихиваем себя в автобус. Мы едем по важному делу: за грибами, за малиной, за клюквой. Да мало ли еще зачем? Это — на поверхности, а в глубине нашего сознания, в темных и таинственных омутинах, ходит, поднимается к поверхности и колышет ее память предков...

Пройдет время, а оно пройдет, и прекрасные люди, говорящие на языке не совсем понятном нам с вами, опустятся на берегу лесной речки, приземлят незнакомые машины. И притихнут вдруг, прислушиваясь к еле различимым шорохам, вдыхая запах полевых трав и цветов. И может быть, сядет одному из них на плечо бабочка. Вздрогнут ее крылышки, засветятся на них синие глазки, оконтуренные желтым и коричневым, прочерченные стройной системой жилок-каркасиков, разбежавшихся по тонкому теплому бархату. Склонившись над этой красотою, как будто бы совсем бесполезной, подумает, может быть, человек из будущего о том, сколько поколений прошло по этой земле, не только напрягая силы в борьбе за существование, но и восхищаясь прекрасным. Как бесценный подарок неведомых жизней, протянутый неведомыми руками из прошлого, предстанет перед ним и сама возможность существования человека, и его способность восхищаться красотой и природой. Будет в этом наслаждении и растворенность в окружающем древнего человека, и острый восторг вольного всадника, и близкое к умилению восприятие крепостного крестьянина, и довольно рациональное нашего современника. Им, завтрашним людям, будет уже, наверное, известно, что же такое п р е к р а с н о е, в чем его суть. Но это им нисколько не помешает. Настоящее знание снимает ограниченность, рождает истинную свободу.

Все тот же прекрасный шар Земли будет продолжать свой путь во Вселенной. Теперь от нас зависит, не выцветут ли, не поблекнут ли его ГОЛУБОЙ и ЗЕЛЕНЫЙ, не почернеют ли, обуглившись, его материки и выйдет ли на берега то ли Сылвы, то ли Касаи, Рио-Негро или Кавери прекрасный человек, чтобы насладиться прекрасным миром...

Петр АФАНАСЬЕВ

Записки политзаключенного

Я познакомился с П. М. Афанасьевым в 1965 году на встрече с участниками революционных событий в Екатеринбурге.

В первые дни революции Петр Михайлович находился в боевом молодежном отряде, который посылали на такие важные задания, как, например, ликвидация саботажа на телефонной станции. Еще не став коммунистом, он выполнял поручения партии. Именно ему, выпускнику горного училища, доверили переплавку доставленных в Екатеринбург запасов царских орденов и медалей из золота и серебра. Финансовый фонд страны пополнили десятки пудов драгоценных металлов.

В июле 1919 года П. М. Афанасьев стал большевиком. По поручению партии работал судьей, прокурором, возглавлял волостную парторганизацию, был инструктором уездного комитета РКП(б). Только в 1928 году стал трудиться по специальности — горняком. Затем учеба в вузе, звание горного инженера и работа в «Севгипроцветмете», тресте «Уралмедьруда» на ответственных должностях.

Я довольно часто встречался с Афанасьевым, но почти никогда не затрагивали мы период после 1937 года, ставший тяжелейшим для многих преданных социалистической родине людей. Не принято было тогда говорить об этом.

Петру Михайловичу напомнила о горьких годах Почетная грамота, которая пришла в Свердловск из Норильска в 1960 году. Пришла как трудовая награда.

«За безупречную долголетнюю работу, в связи с 25-летием Норильского горно-металлургического комбината имени Завенягина»,— говорилось в грамоте, а подписал ее директор комбината В. И. Долгих, ныне секретарь ЦК КПСС.

О его подвиге не забыли. Большое добро сделали человеку. Сейчас это можно. И в те мрачные годы добро нередко помогало политзаключенным, об этом вы узнаете из записок, только слабым было оно, повергнутое злом. Быть может, грамота и подтолкнула Петра Михайловича быстрей, как он говорил, «отчитаться перед детьми, внуками, молодежью о прожитом и о той мрачной поре, которая кроется под именем сталинизма».

Годы, о которых пойдет речь, были сложными, неоднозначными. Газеты сообщают об успехах промышленности и сельского хозяйства, сверхдальних полетах советских летчиков, о полярной дрейфующей станции, о популярности советского павильона на международной выставке в Париже, о возвращении из эмиграции писателя А. И. Куприна, об окончании строительства канала Москва — Волга, о том, что впервые в стране на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права, при тайном голосовании народ выбрал Верховный Совет СССР.

А рядом — материалы о процессе над троцкистско-зиновьевскими группировками, о переводе в запас генерального комиссара госбезопасности Г. Г. Ягоды, о смерти народного комиссара тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, выступления на пленуме ЦК ВКП(б) о «шпионах» и «изменниках родины»: Тухачевском, Якире, Уборевиче... о награждении М. И. Ежова орденом Ленина за успехи в деле руководства НКВД.

Люди радовались успехам во всех областях жизни, гневно клеймили врагов... Мало кто знал, что к числу врагов отнесено множество патриотов, преданных делу ленинской партии Страны Советов.

П. М. Афанасьев рассказывает о таких, как он, невинных, которых «правосудие» лишило или жизни, или свободы на многие годы. Вера в то, что свобода, справедливость восторжествуют, что ошибки поправит партия, прибавляла им сил и воли в застенках.

Он сел за тетрадь более чем через 12 лет после освобождения. Не мог раньше. Нелегко было писать. В этом вы убедитесь сами.

Аскольд ШЕМЕТИЛО

10 мая 1968 года.

Медная промышленность долго была в прорыве. Нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе всерьез взялся за ее подъем. Были увеличены кредиты, снабжение оборудованием и материалами. Трест «Уралмедьруда», где я работал, возглавил Д. П. Федораев, бывший работник угольной промышленности. Человек с большими организаторскими способностями. Руководить Кировградским медным заводом Орджоникидзе назначил лучшего директора с ленинградского завода «Севкабель» А. А. Литвинова, который получил права уполномоченного Наркомтяжпрома по Уралу. Он мог непосредственно обращаться в наркомат для решения заводских проблем. В 1935 году цветная металлургия Урала впервые за многие годы выполнила план.

...В ноябре 1936 года мы с женой отдыхали в Крыму. При возвращении через Москву в Главмеди узнали неприятную новость: в Свердловске арестована группа работников треста «Уралмедьруда» во главе с главным инженером треста А. И. Аристовым. Аристов — специалист дореволюционной формации, в Ленинграде профессорствовал, в Ленгипроцветмете руководил проектированием рудников Красноуральского комбината. Считался неплохим специалистом, и Орджоникидзе направил его для усиления работы на Урал.

Обстановка в тресте в конце 1936 и начале 1937 года создалась тяжелая. Обсуждались «последствия вредительства», а в чем они заключались никто не знал. Еще до моего возвращения в Свердловск на трестовском партийном собрании Федораев был исключен из партии. Обкомом это решение не было отменено, но и не было утверждено. В это время через Свердловск из Сибири проезжал заместитель наркома тяжелой промышленности А. П. Серебровский. Федораеву удалось встретиться с ним в гостинице. Серебровский доложил Орджоникидзе. В Свердловский обком ВКП(б) поступила телеграмма Сталина: «Не мешайте Федораеву работать». Обстановка несколько разрядилась, но не надолго. Главным инженером треста по предложению Серебровского был назначен А. А. Грибин, работник золотопромышленности Западной Сибири. За большие трудовые заслуги он был награжден орденом Ленина, персональной легковой машиной. Перевод, очевидно, спас Грибина от репрессии. В Сибири о нем забыли, а на медных предприятиях он только что появился.

21 мая 1968 г.

На пленуме ЦК ВКП(б) в феврале — марте 1937 года в выступлении об уроках вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецких и троцкистских агентов говорилось и о вредительской деятельности в тресте «Уралмедьруда». Приводились «показания» арестованных инженеров А. И. Аристова и В. И. Пучкова. Они носили буквально фантастический характер, в них приводились события, которых вообще в природе не существовало.

Положение на местах после пленума ЦК осложнилось еще больше. Подозрительность стала нормой поведения. В каждом подозревался враг. Производительность труда во всех отраслях резко снизилась. Руководители боялись ответственности и страховали себя от возможных обвинений.

В марте — апреле 1937 года был арестован Р. М. Кац, коммерческий директор треста, толковый в хозяйственных вопросах специалист. В ночь на Первое мая арестовали управляющего трестом Д. П. Федораева. Обязанности управляющего и главного инженера были возложены на А. А. Грибина.

Как из рога изобилия посыпались аресты руководящих работников промышленности, обкомов ВКП(б) и ВЛКСМ, районных руководителей партийных и советских органов, профсоюзных организаций, командного состава армии.

Как депутат Свердловского горсовета я работал в промышленной секции. Собиралась секция один раз в месяц и всегда исключала из своих рядов депутатов, арестованных как «врагов народа». Был арестован и возглавляющий секцию руководитель объединения лесной промышленности.

На горнорудных предприятиях треста один за другим исчезали директора, главные инженеры, начальники ОКСов... Судьба начальника «Лёвихостроя» инженера Руздана своеобразна. Он был в научной командировке в США. По возвращении докладывал о результатах поездки и мимоходом весьма лестно отозвался об американских полисменах. Его обвинили в пропаганде буржуазного образа жизни и исключили из партии. Он апеллировал в ЦКК. В Москве беседовал с членом Президиума ЦКК А. А. Сольцем. В партии Руздана восстановили, но затем снова арестовали. В заключении он погиб.

Директор Пышминского рудоуправления Терехин, рабочий-самородок, скромный человек, знающий руководитель, был арестован только потому, что в партийной анкете самокритично приводил факт своего голосования за позицию Троцкого в двадцатых годах. Этого было достаточно для зачисления его в активные троцкисты.

В мае 1937 года поехал в служебную командировку на Лёвиху, где директором предприятия был Пономаренко, член ВКП(б) с 1917 года, участник гражданской войны. Он считался одним из лучших директоров горных предприятий треста. Несмотря на гнетущую обстановку, Пономаренко держался уверенно и не давал работникам впадать в панику

Мы с ним договорились встретиться утром для решения ряда вопросов по производству. Однако накануне ночью Пономаренко был арестован. Вскоре арестовали и его жену. Так погиб талантливый директор из рабочих.

Кривая роста промышленности резко снизилась. В Свердловск приехали А. А. Андреев и А. П. Серебровский. В обкоме ВКП(б) собрали техническое совещание коммунистов — руководителей предприятий, трестов и других объединений. В обкоме уже не было первого секретаря И. Д. Кабакова. Покончил самоубийством второй секретарь К. Пшеницин, герой гражданской войны на Дальнем Востоке. Собрались коммунисты, уцелевшие от репрессий. А. А. Андреев свое выступление построил на утверждении, что на Урале враги народа поработали основательно и что следует начать ликвидацию последствия вредительства. А. П. Серебровский бросил реплику, что вредителям не открутиться от ответственности. Впоследствии сам Серебровский был арестован и погиб.

В июле 1937 года в трест поступило распоряжение Наркомтяжпрома за подписью Серебровского: послать в Карабаш комиссию по ликвидации последствий вредительства. В ее состав вошли Л. В. Ходов (главный маркшейдер треста), В. К. Бучнев (доцент горного института), я был назначен председателем комиссии.

Начали мы свою деятельность с Северо-Карабашского рудоуправления. С его директором П. М. Трухиным я был знаком по учебе в институте. Настроение у него было отвратительное. Рассказал, что партийный комитет ему не доверяет, что он сам каждый день ждет ареста. Главный инженер Горцев и начальник ОКСа уже арестованы. Персонал рудоуправления и шахт занимался не работой, а тем, чтобы обезопасить себя от возможного обвинения.

Директором Южно-Карабашского рудоуправления был горный инженер Кузякин. Главный инженер пропал неизвестно куда. Не исключено, что был арестован. С Кузякиным повторилась история, которая случилась на Лёвихе с Пономаренко. Рудоуправление осталось безхозным. Я предложил Л. В. Ходову возглавить его с исполнением обязанностей директора и главного инженера. Леонид Васильевич был в ужасе, но ему пришлось согласиться. Забегая вперед скажу: Ходов остался не репрессированным и жив-здоров до сих пор. Быть может, длительная командировка в Карабаш сохранила ему жизнь.

С В. К. Бучневым мы возвратились в Свердловск. П. М. Трухин прощался с нами, и будто готовился к аресту. Предчувствие не обмануло. Его арестовали, но через полгода освободили. В дальнейшем он работал в угольной промышленности в Кизиле, а потом заместителем министра угольной промышленности. В настоящее время руководит совнархозом в Казахстане, Герой Социалистического Труда.

В августе 1937 года по графику мне полагался очередной отпуск. Жена уехала в Воронеж. У нее был девятый месяц беременности. После отпуска мы должны были возвратиться в Свердловск, уже с двумя детьми. В ночь с 13 на 14 августа 1937 года приехал в командировку брат и остановился в нашей квартире. Часа через два после его приезда явились сотрудники областного управления НКВД с ордером на обыск и арест. (Ордер датирован 4 августа, когда я был в Карабаше.) Всю ночь просматривали мою библиотеку. Изъяли документы служебные, общественные, табеля и похвальные листы учебных заведений. Верх-Нейвинское высшее начальное училище я закончил в 1913 году с наградой первой степени — с похвальным листом и книгою. Книга — избранные произведения Марко Вовчка — была надписана педагогическим советом на бланке с портретами лиц цар-

ствовавшего дома (в честь 300-летия дома Романовых). Бланк был вырезан и приобщен к изъятым документам.

Тяжелым было прощание с братом. Но его приезд прояснял для родных мое положение. Иначе я бы бесследно исчез. Солнце уже взошло, когда меня везли в пикапе от квартиры на проспекте Ленина, 52 к управлению НКВД на Ленина, 17. Состояние было тупое. Никак не укладывалось в голове случившееся. В комендатуре внутренней тюрьмы изъяли партийный билет и паспорт. Никакой предварительной «проработки» не было. Вплоть до ареста я руководил кружком в системе партпросвещения.

Поместили на первом этаже в небольшом отгороженном пространстве в тупике коридора, который служил парикмахерской. Я вслушивался в звуки тюрьмы. Налево находилась камера-«брехаловка», в которую привозили на допросы арестованных из общей тюрьмы. В ней было шумно. Зато из других отсеков не доносилось признаков жизни. К вечеру меня перевели в такую же парикмахерскую на втором этаже, где я провел ночь.

10 июня 1968 г.

15 августа 1937 г.— второй день моего пребывания в тюрьме. Утром я стал тщательно обследовать свое временное обиталище. В нем нельзя было сделать и двух шагов. На косяке двери нашел запись директора «Уралэльмашстроя» Проня, который, как и я, провел первую ночь после ареста здесь. В полотне двери обнаружил отверстие, через которое был виден коридор, в конце его стол и сидящий за ним надзиратель. Услышав стук, я прильнул к отверстию и увидел главного геолога треста «Уралмедьруда» А. В. Ефремова. Впоследствии я узнал, что его арестовали в ту же самую ночь. В полдень меня водворили в камеру № 28 на этом же этаже с правой стороны. В ней помещалось пять человек. Шестая кровать была пустой. Раньше, как выяснилось, на ней спал бывший ректор Свердловского горного института Петр Яковлевич Ярутин. С ним я учился в вузе. Он был парттысячником после рабфака, окончил институт по специальности обогатителя.

Камера освещалась окном с решеткой между рамами. С наружной стороны окно на всю высоту было закрыто металлическим «намордником». Свет проникал через верхний раструб.

Состав сокамерников был пестрый. У окна — мастер Баранчинского электрозавода «Вольта». В чем его обвиняли, он и сам не знал. Рядом с ним — рабочий из Нижнего Тагила, с вагоностроительного завода, перебежчик из панской Польши. Бежал он из армии с товарищем, который работал где-то в Сибири. Был он полуграмотный деревенский парень. Его обвинили в шпионаже без всяких оснований. Третий сокамерник — бывший ленинградский летчик. Переехал работать на Урал. Его каждую ночь вызывали на допрос. После одного вызова он не возвратился. Четвертым оказался немецкий рабочий с Уралмаша. Он был спокоен за свою судьбу: гитлеровское правительство его вызволит. О порядках в СССР говорил с издевкой. Пятый — ветеринарный врач управления Свердловской железной дороги. Его арестовали в день рождения, на домашнем торжестве. Обвиняли в том, что якобы умышленно травил скот, транспортируемый через Свердловскую железную дорогу. Его форсированно допрашивали, сутками держали у следователей. Скоро он исчез.

Меня недели три не вызывали к следователю. Понемногу начал понимать, что аресты, проводимые органами НКВД, не в ладах с принципами революционной законности. Прокурорский надзор отсутствовал. Сидевшие в тюрьме длительное время не помнили, чтоб ее посещал прокурор.

Отбой ко сну во внутренней тюрьме в 22 часа. Подъем в шесть утра. С 6 до 22 часов пользоваться постелью запрещалось. На допросы вызывали, как правило, с 23 часов. Возвращались с них в 3—5 утра. Только улягутся заключенные после отбоя, как начинался грохот открываемых и закрываемых металлических дверей. Все напряжены: не за нами ли? Пришедший с допроса не успевал заснуть, как объявлялся подъем и, значит, пользоваться постелью уже нельзя. Надзиратель через глазок в двери следил, чтобы кто-нибудь не заснул сидя. Передачи запрещены. Заключенный мог получить свидание или передачу только по разрешению следователя, если тот был «доволен» своим подопечным.

После окончания арестантского обеда слышно было, как в некоторые камеры разносят дополнительное питание. Как мне сказали, это кормили «котлетников». Так называли заключенных, которые безропотно подписывали протоколы допроса, сфабрикованные следователями.

Происходила смена обитателей камеры. В нее водворили 73-летнего Мейера, работавшего в объединении «Уралцветмет». Интересный человек. Охотник-медвежатник. Работал когда-то на строительстве КВЖД, где пристрастился к охоте на тигров. Ходил один на один. Старик еще крепкий. Следователь Мизрах предъявлял Мейеру обвинение в шпионаже. Доказательством служил проспект русско-немецкого спортивного общества, изданный в прошлом столетии. В числе основателей общества значилась фамилия Мейер. Мизрах добивался признания от Мейера, что он был организатором общества, занимавшегося шпионажем. По хронологии получалось, что общество прекратило свое существование еще до рождения Мейера. Мизраха это не смущало.

Очередной сокамерник — директор бактериологического института профессор Кутейщиков. Он явился с вещами, приспособленными для тюремного обихода. Вещевой мешок не имел пуговиц, крючков и кожаных ремешков. Завязывался дозволенными способами. Оказывается, Кутейщиков уже бывал в подобной ситуации и с тех пор хранил под кроватью приготовленный мешок с бельем и сухарями.

Бактериологический институт помещался под одной крышей с областным управлением НКВД. После ареста едва ли не всех научных работников институт был закрыт, а здание полностью заняло управление НКВД. Профессор Кутейщиков впоследствии в тюрьме покончил самоубийством.

Загремел замок и в дверях появился новый сокамерник, на вид лет 18—20. Выражение лица беспомощно-детское. На новичке летний легкий пиджак, надетый на нижнюю рубашку, домашние туфли на босых ногах. Из одного кармана пиджака выглядывало полотенце, из другого — зубная щетка. От Володи Тарика (так он назвался) мы узнали, что он член Свердловского областного комитета ВЛКСМ, ведал пионерской работой.

Всего несколько дней я находился с Володей, но он покорил меня своей любовью к детям. Его рассказы о пионерской работе дышали такой страстью, что иногда забывалась обстановка, в которой мы находились. Как был рад Володя, что для Дворца пионеров удалось отвоевать особняк Харитонова. Перед открытием Дворца Тарика уже отстранили от работы, но он не мог не участвовать в торжестве, тем более что ему и жене прислали пригласительные билеты. Во время торжественного заседания из президиума Володе переслали записку с предложением покинуть зал...

Дела репрессированных комсомольцев вел следователь Парушкин. После первого допроса Тарик вернулся в таком состоянии, что уткнулся в подушку и зарыдал. Парушкин сразу оглушил его грязной, площадной бранью, угрозами, называл врагом народа, принуждал подписать уже заготовленный протокол «допроса» с гнусными обвинениями.

За семнадцать лет в тюрьмах, лагерях и местах ссылки я встречался с тысячами невинно репрессированных, но арест Володи Тарика особенно поразил меня своей бессмысленностью и жестокостью. Прошло уже более тридцати лет, но образ Тарика стоит перед глазами, как будто мы с ним расстались только вчера.

Когда появилась возможность (после реабилитации в 1954 году), я решил подробно ознакомиться с биографией и дальнейшей судьбой Володи. К сожалению, молодой коммунист Тарик погиб.

Я разыскал Дору Петровну Леонтьеву и Марию Александровну Красовскую, которые работали в обкоме ВЛКСМ вместе с Тариком. Их восторженные отзывы о нем подтвердили мои тюремные впечатления. Они вспоминали, как Володя горел на работе. Лично для себя никогда ничего не требовал. Напротив, товарищам приходилось следить, чтобы его добротой не злоупотребляли.

Тяжелые злоключения достались и жене Володи, Вере Алексеевне Тарик-Зыковой. Ее репрессировали как члена семьи арестованного. От нее я узнал многое о Володе. Его отец — коммунист, переехал на Урал, когда Володя был еще мальчиком. С 1926 года Владимир начал свою работу председателем райбюро пионеров в Каменском райкоме ВЛКСМ. И с тех пор работа среди пионеров стала его призванием. Тарик — участник X съезда ВЛКСМ.

5 сентября 1937 года было ужасным днем для семьи Тарик. Владимира уже уволили с работы. Вера была на последнем месяце беременности. Дети — дочь Эмма семи лет и сын Владик двух лет — не подозревали трагического положения в семье и резвились. Владик неудачно прыгнул и сломал ногу. Врач «Скорой помощи» загипсовал перелом. Не успели заснуть, как стук в дверь — и появились люди, предъявившие ордер на обыск и арест. Владимир отклонил попытку жены собрать его в последний путь и со словами «ничего не нужно» вышел из квартиры в том виде, в каком явился в тюремную камеру. Следователь Парушкин так и не разрешил жене передать арестованному одежду.

23 ноября 1968 года.

Снова прервал жизнеописание на длительное время. Приезжала дочь Ира со своей затянувшейся кандидатской диссертацией. Она работала три месяца с большой нагрузкой. Нам с женой пришлось ей много помогать. Позднее навестил сын Боря с женой и внуком Мишкой. Боря получил решение ВАКа о присвоении ему звания кандидата физико-математических наук. Очень доволен. А в ноябре Миша снова пожаловал. Правда, он гостил у бабушки в Арамили. В сентябре — октябре отмечалось 50-летие ВЛКСМ. Много выступал перед молодежью. Участвовал 26—28 сентября в областной научно-практической конференции ветеранов.

После вывода из 28-й камеры внутренней тюрьмы Володи Тарика его место занял работник Верх-Исетского райкома ВЛКСМ Александр Ардашев. Дело Ардашева вел тут же «специалист» по комсомолу Парушкин. Он сам был комсомольцем и все активисты города и области были ему знакомы. Ардашев с Парушкиным до ареста находились в приятельских отношениях, бывали с женами один у другого в гостях. Парушкин использовал и это. Убедил Ардашева довериться ему и подписывать все, что он предлагает. В кабинет Парушкина приглашалась жена Ардашева, и они втроем «в непринужденной беседе» обсуждали будущее. Ардашеву гарантировалась работа в Сибири. Там и погиб этот юноша.

После 1956 года я встретился с работавшей до 1937 года в Свердловском обкоме ВЛКСМ Феоктистой Михайловной Коркодиновой. Она по материалам Парушкина была осуждена, но из колымских лагерей перед Великой Отечественной войной вывезена на переследствие. Ее реабилитировали. Устроили ей очную ставку с Парушкиным, который привлекался к суду за истребление партийно-комсомольских кадров. По-видимому, его расстреляли.

В сентябре — октябре 1937 года однажды днем меня вызвали к начальнику отделения лейтенанту М. Б. Ерману. Он встретил меня пояснением, что сознательно длительное время не вызывал: надо-де разоружиться и написать все-все о своей деятельности. Убедившись, что я ничего писать не собираюсь, лейтенант прочитал выдержки из показаний управляющего трестом «Уралмедьруда» Федораева, Федораев якобы признал, что был главой контрреволюционной организации в тресте и лично завербовал в нее Афанасьева, то есть меня. Ерман взял другую бумажку — выдержки из показаний управляющего Ново-Левинским рудником Макарова. Зачитал, что ему, Макарову, Федораев говорил, что им завербован в контрреволюционную организацию Афанасьев, но что он, Макаров, ничего про мою контрреволюционную деятельность не знает.

Ерман приказал мне написать собственноручные признания на основе «показаний» Федораева и Макарова. Я отказался и требовал очной ставки с Федораевым. «Очная ставка будет, а пока пишите»,— заявил Ерман. Дал мне бумагу и посадил в комнату перед входом в его кабинет. Началось «представление»: я сидел над листом бумаги, а мимо меня проходили солидные должностные лица НКВД и по приятельски обращались ко мне: «Здравствуйте, Петр Михайлович! Вы все еще не пишете? Не тяните время!». Некоторые хлопали меня по плечу, хотя я никого из них не знал. Этот прием, оказывается, входил в метод следствия. Мне надоело сидеть. Я беспокоился о здоровье жены. Как у нее прошли роды? Где она? Что с ней? С детьми? Взял лист и начал

писать ей письмо. Проходивший Ерман обрадовался, что я «осознал». Но когда понял, что именно я пишу, разозлился. Вырвал письмо и разорвал его.

Через несколько дней меня вывезли из внутренней тюрьмы в городскую. Водворили в спецкорпус — одного в большую камеру. На стене обнаружил надпись, из которой явствовало, что накануне в камере находились 27 женщин — жен ранее арестованных. Среди них была Е. Владимирова, жена директора Уралмаша. Вечером в камеру втолкнули молодого парня, который был в одном нижнем белье. Он назвался Богдановым и рассказал, что приехал в Советский Союз из Китая, с КВЖД. Музыкант. Арестовали в Ростове. Пока везли в Свердловск, уголовники проиграли в карты его заграничную одежду и он сейчас щеголяет в нижнем белье. По его поведению стало ясно, что он подсажен ко мне как осведомитель. Музыкант уговаривал не противиться следователю: все равно сломают. Я пошел на хитрость: надо, мол, написать заявление, да бумаги нет. Богданов забарабанил в дверь. Часа два стучал, пока не вывели. Вечером возвратился и сказал, что у заключенных достал бумаги и огрызок карандаша. В ученической тетради я написал заявление о необоснованности моего ареста. Всю тетрадь исписал. Позже Ерман заявил с издевкой, что он выбросил ее в корзину.

На другой день меня снова повезли во внутреннюю тюрьму и водворили в камеру на третьем этаже, где уже содержались Л. С. Владимиров, директор Уралмаша, и С. Высочиненко, секретарь Пермского горкома партии.

Высочиненко в юношеские годы был генеральным секретарем ЦК комсомола Украины, а в начале 30-х годов первым секретарем Ленинского райкома партии в Свердловске.

Владимиров имел большой авторитет в области. Я считал, что из общения с ними мне станет яснее, что делается. Но... ошибся. Оба они подписали протоколы «допроса», признались в шпионских, вредительских и других преступлениях. Когда они узнали, что от меня требует Ерман, то дуэтом уговаривали согласиться, так как это сущая ерунда по сравнению с тем, что они подписали.

Я знал, что Владимирова ценили Орджоникидзе и Сталин. В начале 1937 года Владимиров был на заседании Политбюро по делам Уралмаша. По окончании заседания к нему подошел Сталин и осведомился, почему он, Владимиров, мрачный. Владимиров заявил: «Тяжело стало работать. Многих начальников цехов и инженеров арестовали. Оставшиеся работают без энтузиазма...» Сталин пообещал помочь, и действительно в адрес обкома ВКП(б) поступила телеграмма за подписью Сталина: «Не мешайте Владимирову работать». Пару месяцев дела шли хорошо, а потом последовал арест Владимирова.

Настоящая фамилия Владимирова — Островский. В 1917—1918 годах он партизанил на Украине под вымышленной фамилией Владимиров. Впоследствии так и оставил эту фамилию себе. При фабрикации его дела Ерман сочинил версию, что он выкрал документы убитого красноармейца Владимирова и присвоил его фамилию, чтобы скрыть свое преступное прошлое. Насколько мне известно, Владимиров подписал и это обвинение.

Когда я сказал Владимирову, что видел на стене камеры фамилию его жены, он был поражен. Ерман уверял его, что жена на свободе. Ерман вынужден был подтвердить, что жена арестована, и устроил им свидание. На свидании жена вела себя мужественно, а сам Владимиров находился в состоянии истерии. Е. Ф. Владимирова в 1935 году участвовала во Всесоюзном женском совещании в Москве. Г. К. Орджоникидзе лично вручил ей орден Трудового Красного Знамени за организацию движения жен хозяйственников и ИТР.

В январе 1938 года Владимиров и Высочиненко были судимы выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Когда их вывели из камеры, минут через 20 меня из этой камеры перевели в смежную, где находились трое заключенных. Среди них директор Молотовского завода в Перми. Имя Молотова, по его словам, положительно сказывалось и на кредитах заводу, и во всяких льготах. Директор, выезжая в Москву, даже останавливался в квартире Молотова, а в последнюю командировку катался с ним на лыжах. Молотов подзадорил его скатиться с крутой горки — и директор при спуске сломал ногу. Лежал в кремлевской больнице, где его и арестовали.

Через пару дней в эту камеру поместили бывшего командира Тюменской дивизии. Он поведал свои злоключения. Примерно за год до переживаемых событий комдив был демобилизован и уехал в Свердловск, где устроился преподавателем по военным дисциплинам. Получил жилплощадь и поехал в Тюмень за семьей. Ему пришла в голову шальная мысль на прощание посетить в Тюмени театральное представление в военном клубе. Жена его отговаривала, предлагала уехать немедленно. Он настоял. Когда возвратились из клуба, следом явились сотрудники Особого отдела, арестовали и отправили в Свердловское областное управление НКВД. Там на него никаких материалов не было даже по нормам 1937 года, и сотрудники первое время не знали, что с ним делать, кормили его провизией из буфета, а на ночь оставляли тут же, в служебном помещении.

Комдив по национальности был башкир, и начальник Особого отдела попросил его прочитать для сотрудников лекцию на тему «Национализм в Башкирии». На другой день «лектору» дали подписать протокол допроса, в котором он признавал себя одним из идеологов контрреволюционного национализма в Башкирии. Предполагалось, дескать, создание национального правительства, в котором ему намечалось занять пост военного министра. Дня два увещевали его подписать «протокол допроса». Он отказывался и говорил, что это чушь и что если бы он подписал протокол, то Особому отделу пришлось бы за это отвечать. «Ну вот и подпишите для курьеза»,— подзадоривали его. «Давайте подпишу! Но пеняйте на себя!» — заявил комдив и... подписал. На него завели дело, и он появился в нашей камере. Рассказывал он с юмором и издевкой над сотрудниками Особого отдела. Когда же в камере ему разъяснили трагизм его положения, пелена с его рассудка упала. Он бросился к дверям, застучал, требовал вызова в Особый отдел. Ночью его увели...

Меня передали другому следователю — Монзину. Монзин вел следствие своеобразно. Несколько раз поговорил со мной, причем проглядывало что-то вроде сочувствия. С вечера вызывал меня. Я сидел в его кабинете и молчал. Он занимался своим делом,

не обращая на меня ни малейшего внимания. Под утро справлялся по телефону — ушел ли начальник. Если ушел, то Монзин сейчас же вызывал из караульного помещения выводного и отправлял меня в камеру. И так много-много раз. Накапливал количество вызовов на «допросы».

Через некоторое время мной опять занялся Ерман, который применил «конвейер». Совсем не пускали в камеру. Днем со мной сидел молодой следователь Годенко, а ночами — практиканты. В их задачу входило не давать мне спать. Время от времени справлялись, не надумал ли я писать показания. Закончился «конвейер» гнусной провокацией. 12 декабря 1937 года, в день выборов в советские органы власти, Ерман был дежурным по областному управлению НКВД и с ним следователь Годенко. Жена, еще не оправившаяся после перенесенных ею родов в Воронеже, приехала с новорожденным сыном в Свердловск. Ерман и Годенко вызвали ее в управление, посадили в коридор и приказали не подходить, когда меня поведут мимо. Когда я увидел бледное лицо сидящей на табуретке жены, то бросился к ней, обнял ее. Конвоир и появившийся Годенко оторвали меня от жены и увели в кабинет. Годенко дал мне прочитать заготовленный протокол «допроса», где значилось, что я признаю себя виновным и в последующих протоколах допроса сделаю дополнительные показания. Годенко повелительно сказал мне: «Если не подпишете, жена не выйдет отсюда и будет арестована; новорожденного сына, как оставшегося без присмотра, сдадим в детское учреждение». Я был в отчаянии. Я подписал протокол. Жену ввели в кабинет, и мы с ней пробыли вместе несколько минут. Встретились мы с Ниной после этого свидания через 10 лет в Норильске.

Мои требования через тюремный надзор вызвать на действительный допрос успеха не имели. Ерман считал, что достаточно той фальшивки, которую они получили от меня 12 декабря 1937 года. Началось мое скитание по двум тюрьмам — внутренней и городской.

Обычно камеры, особенно общие, были переполнены. Каждый новый обитатель начинал продвижение от параши. С выводом из камеры старожилов новичок продвигался сначала под нары, а потом становился счастливым обладателем нар. Никаких постелей не полагалось. Меня же перевели в одиночную камеру спецкорпуса. Помещение мрачное, маленькое зарешеченное окно под потолком. На стене зловещие надписи. Несколько ветеринарных врачей из Красноуфимска ждали приведения в исполнение смертного приговора. Последняя дата на стене — вчерашний день. В углу у двери печь, отапливаемая дровами. Печь на две камеры. Топка в коридоре. По «азбуке декабристов» из соседней камеры посоветовали найти у печки на полу отверстие, через которое можно разговаривать. Сотрудник железнодорожной газеты «Путевка» Евсеев поведал о трагедии ветеринарных врачей. Их дело вел начальник отдела НКВД Варшавский. Он устроил врачам в отделе роскошный обед с фруктами. Договорились, что в Красноуфимске они выступят обвиняемыми на судебном процессе, признаются во вредительских действиях (травле скота и пр.). Их для виду осудят на разные сроки, а потом освободят. Обман удался. После оглашения смертного приговора они закричали, что их обманули. Но было уже поздно.

Через пару дней ко мне подселили австрийского коммуниста Лябуна, который работал в Москве, в органах Коминтерна. Привезен в Свердловск для оформления дела. Подписал материалы обвинения не читая. Не захотел знать, какие страшные обвинения предъявляются ему.

Из городской меня вскоре опять перевезли во внутреннюю тюрьму. В камере на первом этаже находился инженер Державин из города Березовского. В Свердловске, в тресте «Уралзолото», работал его родной брат, о его аресте инженер узнал необычно. Его вызвали к парикмахеру, аккуратно выбрили, а затем — к следователю. Вскоре в кабинет следователя вошла жена брата. Она бросилась к нему, обняла со словами: «Разве ты тоже арестован?» Следователь понял, что привели не того Державина.

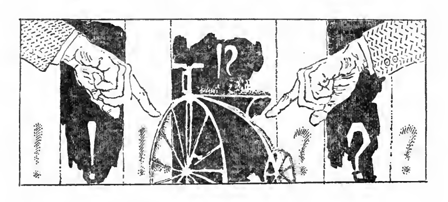
Недолго я пробыл в этой камере, перевели в другую, где сидели два работника цветной металлургии. Один из них — инженер-обогатитель Красноуральского медного завода Симонов.

В цветной металлургии Урала были два крупных специалиста-обогатителя — Симонов и Попов. Обогащение в то время было молодой отраслью промышленности. Появилось оно, когда перешли к отработке бедных руд. Оба обогатителя в 1937 году были арестованы и погибли. Симонов рассказывал, что в обвинении ему записали потери золота, неизбежные при обработке золотосодержащих руд. Подсчитали за 10 лет, получилась внушительная цифра.

Мною следователи не интересовались и лишь время от времени перебрасывали из камеры в камеру. Так я оказался вместе с директором Алапаевского завода. Больной человек с ослабленным зрением. Плохо передвигался. На прогулки ходить не мог. Вши буквально кишели на его одежде. Он уже был арестован в 1936 году, но по каким-то причинам освобожден. Чувствовал, что новый арест неизбежен, и решил покончить самоубийством. Через железнодорожные пути станции Алапаевск перекинут мост для пешеходов и транспорта. Он на автомашине остановился над линией, по которой шел поезд, и сверху бросился на пути под паровоз. Машинист успел остановить состав. Изувеченного самоубийцу отвезли домой, а вскоре арестовали. Он мне понравился: рассуждал как настоящий большевик-ленинец. Попытку самоубийства осуждал.

Рядом с нашей была женская камера. Содержались в ней две коммунистки — Горина и Умнова. Надежда Степановна Горина трудилась в профсоюзе работников связи. Ее муж Вениамин Алексеевич Усталов, член ВКП(б), был инженером строительства Дегтярского рудника. Его арестовали как члена семьи «врага народа». Как второстепенное лицо он находился в общей камере городской тюрьмы. Был старостой камеры, где содержалось более 100 заключенных. Надежда Степановна получала от него письма. Она была осуждена Военной Коллегией Верховного Суда СССР и реабилитирована после 1954 года. В. А. Усталова как члена семьи в 1938 году освободили (в то время осуждали к срочному заключению только членов семей, приговоренных к высшей мере). С ним я встретился в 1956 году по приезде в Свердловск. Он работал главным инженером проектного института «Унипромедь».

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ВАШЕ МНЕНИЕ, ЧИТАТЕЛЬ!

О ТОМ, КТО ИЗОБРЕЛ ВЕЛОСИПЕД

Виталий ДОВГОПОЛ,
доктор экономических наук, профессор,
дважды лауреат Государственной премии СССР,
заслуженный металлург РСФСР

Рис. Владимира Ганзина

В последнее время в печати появилось несколько публикаций, в которых делается попытка поставить под сомнение то, что велосипед изобрел уральский мастеровой Артамонов. Иные авторы считают, что и самого Артамонова вообще не было...

Первые сведения о велосипеде Артамонова содержатся в книге В. Д. Белова «Исторический очерк уральских горных заводов», изданной в Петербурге в 1896 году. На стр. 62 читаем: «Во время коронования императора Павла (*ошибка, нужно: Александра I.*— В. Д.), следовательно, в 1801 году, мастеровой уральских заводов Артамонов бегал на изобретенном им велосипеде, за что, по повелению императора, получил свободу со всем своим потомством».

Данные Белова не подвергал сомнению уральский краевед И. Я. Кривощеков, автор «Словаря Верхотурского уезда Пермской губернии», вышедшего в Перми в 1910 году. Он же исправил ошибку Белова: в 1801 году короновался не Павел, а Александр I.

Каковы же доводы авторов, которые оспаривают В. Д. Белова? Так, например, московские исследователи Л. Майстров и П. Вилинова в статье «О велосипеде Артамонова» («Вопросы истории естествознания и техники», 1983 г., № 1) пишут: «Само сообщение до сих пор не нашло никакого подтверждения ни в архивных документах, ни в печати тех лет, ни в мемуарной литературе». И далее: «Нельзя считать доказательством сообщения В. Д. Белова и И. Я. Кривощекова, сделанные через 100 лет после предполагаемых событий». А чтобы безапелляционные утверждения не выглядели слишком одиозными, авторы прибегают к такому рассуждению: «В настоящее время нельзя дать однозначный ответ на вопрос об изобретении велосипеда в России в начале XIX в. Теоретически нет невероятного в том, что создание или усовершенствование самоката, а затем и велосипеда могло происходить в России раньше, чем на Западе, и что в этом деле могли принимать участие уральские мастера. Однако подобные утверждения должны подтверждаться архивными документами, свидетельствами печати того времени, воспоминаниями современников».

Научные сотрудники Нижнетагильского историко-революционного музея Т. Комшилова и С. Клат в статье «Велосипед Артамонова: легенды и документы», опубликованной в газете «Тагильский рабочий» 14 и 18 марта 1987 года, говоря о заслуживающих внимания данных о велосипеде Артамонова, в заключение пишут: «Не может считаться выясненным и вопрос об источнике, на который ссылается В. Д. Белов. Если допустить, что факт, приведенный им, имеет под собой реальное основание, встает вопрос о конструкции упомянутого им велосипеда».

И здесь делается попытка поставить изобретение велосипеда уральским мастеровым Артамоновым под сомнение лишь на том основании, что данных, более ранних, чем сообщение В. Д. Белова, не найдено.

Еще дальше пошел московский профессор В. С. Виргинский. В статье «Истории не нужны приписки», опубликованной в газете «Тагильский рабочий» 8 ноября 1987 года, он пишет: «В итоге авторитетных и многолетних проверок историческое существование Артамонова оказалось ничем не доказанным. По-видимому, это просто выдумка Белова».

Таким-то вот образом профессор В. С. Виргинский, не прибегая к сколько-нибудь убедительным доводам, «опровергает» сообщения В. Белова и И. Кривощекова.

Кто же такие В. Белов и И. Кривощеков и можно ли полагаться на их авторитет?

Белов рос в семье служащих нижнетагильских заводов Демидова, где его отец длительное время, в середине XIX века, работал управляющим заводской конторой. В сентябре 1871 года Белов был принят в действительные члены Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), систематически изучал и хорошо знал экономику и историю горнозаводского Урала. Работал он и управляющим Главной С.-Петербургской конторы заводчиков Демидовых. Имел степень кандидата прав.

Позднее Белов стал уполномоченным Лысьвенских заводов графа Шувалова. В томе IV Большой Энциклопедии издательства «Просвещение» (1896 г.) сообщается: «Белов В. Д., экономист, действительный член общества содействия русской промышленности и торговли». Здесь же дается список ряда его работ.

Известны следующие работы Белова: «Наши пути сообщений» (вместе с Д. Рыбаковым), «Записка о мерах для развития горнозаводского дела», «Петр Великий как основатель русской промышленности», «Чердынская горнозаводская промышленность», «Записка о казенных горных заводах», «Исторический очерк Уральских горных заводов».

Умер В. Д. Белов 17 апреля 1910 года в Петербурге. «Пермская земская неделя» 6 мая 1910 года писала: «Покойный в течение многих лет весьма близко стоял к горнозаводской жизни Урала, он был участник первых съездов горнопромышленников, известен был на Урале литературными работами, посвященными выявлению экономического положения населения Урала. В последнее время В. Д. Белов напечатал ряд статей о кризисе, постигшем Уральские горные заводы». В «Трудах комиссии по исследованию кустарной промышленности»

(вып. XVI, СПБ, 1887) помещена статья Белова «Кустарная промышленность Урала в связи с горнозаводским делом», материалы этой статьи использовал в своих трудах В. И. Ленин.

Белов был крупнейшим исследователем и знатоком экономики и истории горнозаводского дела на Урале, и нет оснований не доверять его публикациям о велосипеде Артамонова. Возможно, он воспользовался устными, но достоверными преданиями по этому вопросу, которые являются своего рода исторической летописью.

В своей книге, сообщая об Артамонове, Белов пишет: «Без сомнения, приведенными указаниями не исчерпывается ряд изобретений горнозаводских мастеровых; этим весьма важным и интересным вопросом никто никогда не занимался; многое, что было придумано и проделано этими тружениками, подобно интересным опытам Макарова (*по получению литого железа.— В. Д.*) погибло для нас навсегда. Но тем важнее было бы собрать то, что еще уцелело в заводских архивах и народных преданиях; время сотрет и эти последние следы того интеллектуального и притом народного труда второй половины XVIII и первой половины XIX века».

В монографии Академии наук СССР «Коми-Пермяцкий национальный округ» (1948 г.) И. Я. Кривощеков назван «выдающимся знатоком истории, географии и этнографии пермского края», родился он в селе Кудымкар Соликамского уезда Пермской губернии, всю жизнь работал в пермском крае. Невозможно представить, чтобы крупный исследователь без анализа, необдуманно мог сообщить данные об Артамонове.

В публикациях В. Д. Белова и И. Я. Кривощекова нет данных о конструкции велосипеда Артамонова. Но известный исследователь истории техники на Урале профессор А. Г. Козлов считает, что велосипед был двухколесный, металлический (БСЭ, изд. 3, т. 2, с. 258).

По данным пермского краеведа А. К. Шарца, И. Я. Кривощеков в 1914 году в поселке Суксунский завод (основан в 1729 г. Акинфием Демидовым) обнаружил могилу Артамонова, на которой стоял деревянный крест с изображением человека на самокате и вырезаны даты: 1776—1800—1841. По данным А. К. Шарца, последние годы жизни Артамонов работал на Суксунском заводе, где и умер в 1841 году.

Следует отметить, что по инициативе научных сотрудников Нижнетагильского историко-революционного музея Т. В. Комшиловой и С. А. Клат центральной лабораторией Нижнетагильского металлургического комбината и лабораторией аналитического контроля Уральского научно-исследовательского института черных металлов сделан химический анализ металла от макета велосипеда, хранящегося в Нижнетагильском музее, и образца сварочного железа начала XIX века с клеймом «ССАД». Установлено, что металл макета велосипеда уже мартеновский. Кроме того, оба образца имеют повышенное содержание меди. До начала XX века природную медь в повышенных количествах содержало уральское железо из руд Высокогорского и Ауэрбаховского месторождений. Последнее начали разрабатывать в конце XIX века для Надеждинского металлургического завода.

Это подтверждает, что макет велосипеда, поступившего в 1923 году в Нижнетагильский музей из Верхотурского музея, сделан из уральского мартеновского железа не ранее 1870 года. Так как он был изготовлен в память артамоновского велосипеда, то и должен храниться и дальше в Нижнетагильском музее как народный памятник изобретателю велосипеда — Артамонову.

На основании данных В. Д. Белова и И. Я. Кривощекова, А. Г. Козлова и А. К. Шарца следует считать: Артамонов (1776—1841 гг.), крепостной мастеровой уральских заводов, в 1800 году построил двухколесный металлический велосипед. Разумеется, данные об Артамонове нужно уточнять и дополнять, но совершенно недопустимо стремление устранять имя Артамонова голым скептицизмом из истории отечественной техники.

САМОЛЕТ, РОЖДЕННЫЙ КНИГОЙ

Спартак АХМЕТОВ

Отдаляются легендарные двадцатые годы, размываются в дымке времени исторические реалии. Некоторые из них ныне кажутся странными и непонятными. Вот на экранах телевизоров возобновили старый фильм Л. Гайдая «Двенадцать стульев». Помните, как Остап Бендер появился на улицах Старгорода? Грязный тротуар, одноэтажные дома, многочисленные вывески частных лавок и магазинов, афишная тумба как опознавательный знак тех лет. С афиши прямо на зрителя несется аэроплан-этажерка, у которого на носу вместо пропеллера — огромный ядреный кукиш. Зрители смеются, но лишь немногие могут объяснить, что означает плакат.

Или откройте знаменитую книгу В. Каверина «Два капитана». Во второй части описано собрание в детском доме. Пришли воспитанники, педагоги. Над президиумом висит большой плакат, нарисованный Саней Григорьевым. Все ораторы говорят о каком-то ультиматуме. Требуют создать в школе ячейку Общества друзей воздушного флота. Затем был устроен сбор в пользу советской авиации. Саня Григорьев отдал серебряный полтинник, предназначенный для покупки спиннинга.

Оба эпизода относятся к одному и тому же времени. По-видимому, кукиш вместо пропеллера и есть ответ на чей-то ультиматум. Давайте выясним, что это за ультиматум и кто его предъявил молодой Советской республике.

12 мая 1927 года в Лондоне в дом на Мургет-стрит, 49, где находились торгпредство и советское акционерное общество, созданное для торговли с Англией (АРКОС), ворвались полицейские. Они взломали сейфы, изъяли переписку и коды. В шифровальном отделе полицейские избили советских служащих, успевших уничтожить некоторые секретные документы.

Через пять дней советское правительство заявило решительный протест. Тем не менее министр иностранных дел Великобритании Остин Чемберлен сообщил прессе, что обыск в АРКОСе окончательно доказал шпионскую сущность этого общества. В английских газетах появилась фальшивка, которая выдавалась за письмо члена Исполкома Коминтерна Н. И. Бухарина.

Известно, что В. Маяковский держал руку на пульсе истории. Вот как поэт трактует действия лондонской полиции:

Гляди, товарищ, в оба!
Вовсю раскрой глаза!
Британцы твердолобые
республике грозят.
Стучат в бюро Аркосовы,
со всех сторон насев:
как ломом,
лбом кокосовым
ломают мирный сейф.
Знакомы эти хари нам,
не нов для них подлог:
подпишут
под Бухарина
любой бумаги клок.

Взрыв возмущения прокатился по советской стране. Повсюду проходили многолюдные митинги. Лозунг был один: «Руки прочь от Советского Союза!». Стихийно возникла инициатива по сбору средств на постройку боевых самолетов. Все это было ответом Чемберлену на антисоветские акции.

Читателям «Уральского следопыта» напомню (см. № 4 за этот год), что его предтеча — журнал «Всемирный следопыт» — стал инициатором уникального эксперимента. В августовской книжке за 1927 год редакция журнала обратилась к подписчикам с призывом:

«Издательство «Земля и Фабрика» поставило себе целью собрать необходимые средства на постройку военно-спортивной авиэтки или разведочного аэроплана своего имени. Редакция «Всемирного следопыта» считает долгом каждого внести свою лепту в общее большое дело. Поэтому личный состав редакции «Следопыта» отчисляет в фонд постройки аэроплана «Земля и Фабрика» («ЗиФ») свой однодневный заработок и привлекает к пожертвованиям всех своих авторов и художников. Редакция «Следопыта» надеется, что многочисленные постоянные подписчики и читатели нашего журнала примкнут к нам и, по мере возможности каждого, помогут увеличить наш редакционный сбор своими пожертвованиями... Каждый гривенник и полтинник, присланный на это дело, ускорит взлет самолета «ЗиФ» в общем строю «Нашего ответа Чемберлену».

В следующем номере журнала был помещен первый список пожертвователей — вся редакция, вплоть до машинистки Л. А. Занкиной, которая внесла один рубль (по тем временам французская булочка стоила копейку). По пятнадцати рублей внесли ответственный редактор В. И. Нарбут и заведующий редакцией В. А. Попов. Сотрудник редакции Э. Л. Миндлин, ставший впоследствии известным писателем, пожертвовал восемьдесят копеек. Популярный фельетонист газеты «Правда» и постоянный автор издательства «Земля и Фабрика» Михаил Кольцов сдал в фонд самолета восемьдесят рублей. Итого к концу августа набралось четыреста пятьдесят три рубля восемь копеек.

Не надо иронизировать над такой точностью. Советской власти еще не исполнилось десяти лет, страна только-только выходила из голода и нищеты. Каждая копейка отрывалась от скудных средств.

Первым подписчиком журнала, сдавшим трудовой рубль на постройку самолета, оказался москвич А. Г. Крайз. Это произошло 22 августа 1927 года. Через день из Ялты от пионера Грамолина пришли почтовые марки на сумму тридцать копеек. Пионер Грамолин не только сам сдал деньги, но и вызвал на соревнование московского пионера Гугеля. В то время эта фамилия довольно часто появлялась на последних страницах журнала «Всемирный следопыт». Сперва юный москвич быстро и правильно решал шахматные задачи, а потом и сам принялся их составлять. Разумеется, пионер Гугель откликнулся на вызов и в октябре сдал в фонд самолета семьдесят пять копеек.

С десятого номера журнала за 1927 год появилась постоянная рубрика «Наш ответ Чемберлену». Рисованный заголовок изображал армаду одномоторных самолетов с широчайшим размахом крыльев и неубирающимися шасси, которая грозно выплывала из-за кремлевской стены. Сначала списки пожертвователей были малы и набирались крупным шрифтом. Затем редакция переходит на нонпарель.

Журнал регулярно сообщает о все возрастающей сумме взносов. Вот выдержки из обращений редакции «Следопыта» к подписчикам, в которых можно ощутить пульс эпохи:

— «Следопыт» читают 500 тысяч человек! Сложитесь только по три копейки — и вы соберете в фонд самолета «Земля и Фабрика» 15 тысяч рублей!

— Мы знаем, что в Стране Советов осуществима такая химически невозможная реакция — превращение меди в разящую сталь!

— Июнь и июль дали сбор на шасси и тяжи. Пусть август даст мотор, а сентябрь — крылья «Земле и Фабрике»!

— По копейкам и гривенникам собрано 8500 рублей! Но этого мало! Читатели! Шлите свои взносы!

Не обходилось и без курьезов. В 1928 году «Всемирный следопыт» объявил литературный конкурс. Киевлянин Л. А. Черняк прислал рассказ «Предки» под следующим девизом:

«И если б даже в самом деле
На ложном я стоял пути,—
Но этот путь, однако ж, с честью
Я до конца хочу пройти».

Фантастический рассказ был опубликован в январской книжке журнала за 1929 год и завоевал восьмую премию в размере 150 рублей. Однако вскоре выяснилось, что Черняк действительно стоял на ложном пути. Читатели поймали его на плагиате.

Редакция «Следопыта» подала на плагиатора жалобу киевскому прокурору. Черняка привлекли к уголовной ответственности по ст. 169, ч. 1 Уголовного кодекса (заведомое мошенничество). Свой бесчестный путь плагиатор прошел до конца, а причитающиеся автору 150 рублей были переданы в фонд самолета «ЗиФ».

К 20 мая 1929 года сумма фонда приблизилась к 12 000 рублей. Самолет стоил дороже. Правление издательства «Земля и Фабрика» решило внести недостающие деньги из своего бюджета, чтобы «влить в ряды советского флота стальную птицу» к десятилетию советской книги (20 мая 1919 года вступило в действие Положение ВЦИК о Государственном издательстве).

Утро 26 мая 1929 года выдалось в Москве теплым, солнечным и зеленым. Многие жители столицы ринулись на аэродром. Вагоны трамвая линии № 6 переполнены. В Тушино море людей. Гремит «Интернационал». В синее небо взвиваются флаги СССР, Осоавиахима и гражданской авиации. Летнюю воздушную навигацию открывает начальник военно-воздушных сил республики П. И. Баранов. Он сообщает об открытии новой линии Москва — Иркутск, которая затем продолжится до Китая и Японии. Намечается также создание воздушного моста Европа — Индия.

Наконец слово предоставляется А. Г. Венедиктову, члену правления Государственного издательского акционерного общества «Земля и Фабрика». Он передает самолет «ЗиФ» воздушному флоту республики. В своей речи он подчеркивает, что это первый самолет, рожденный и построенный книгой для защиты социальных и культурных завоеваний Октября.

Остается рассказать о самолете «ЗиФ». Конечно, это был красавец моноплан с низким расположением крыльев. Двигатель встроен в фюзеляж. Тип шасси — колесный с хвостовой опорой. Первый экипаж состоял из пилота Перегонова и бортмеханика Клочко. В 13 часов 20 минут самолет, построенный на трудовые копейки, взял на борт двух счастливых, но немного испуганных пассажиров и взмыл в воздух. До самого вечера он катал читателей журнала «Всемирный следопыт», приобретших билет на воздушную прогулку. Многие из них поднялись в небо впервые...

В заключение обращаюсь к читателям журнала «Уральский следопыт» с призывом выяснить дальнейшую судьбу самолета «Земля и Фабрика». Интересно, участвовал ли он в боевых действиях? Или он был пособием для учлетов? И еще. По-видимому, читатели «Уральского следопыта» не смогут купить космический корабль — слишком дорог. А вот собрать средства на создание в Свердловске Дома фантастики — а фантастика всегда тяготела к космосу — вполне по силам.

ВАШЕ МНЕНИЕ, ЧИТАТЕЛЬ?

Примечание: гонорар за данную публикацию прошу считать первым вступительным взносом в фонд создания Дома фантастики.

МЭГРЭ И ОСВЕДОМИТЕЛЬ
ПОВЕСТЬ
РИСУНКИ ЕЛЕНЫ ПЬЯНКОВОЙ
Ж. СИМЕНОН

«Вы действительно старый друг...»

Как часто, когда говорим мы о людях великих, на память приходят имена тех, кто, войдя с ними в историю, стал символом посредственности и даже подлости. Как хрестоматийны антитезы: «Пушкин — Дантес», «Лермонтов — Мартынов»...

А где же друзья?..

Почему так мало знаем мы о тех, кто посвящал свои жизни талантам? Может быть, они незаметны, как всегда незаметно подлинное добро? Почему еще со школьной скамьи научились мы проявлять столь непосредственный интерес к таким посредственностям, как Мартынов, и практически ничего не знаем о таких удивительных людях, как Елизавета Алексеевна Арсеньева, без которой — есть такое мнение! — могла и не состояться бессмертная судьба Лермонтова?

В каком школьном учебнике моя дочь найдет великий пример истинной любви к большому таланту? А ведь они есть — эти замечательные примеры. Бывает, что и ходить-то за ними далеко не надо...

Так, например, стóит мне услышать о французском писателе Жорже Сименоне, в памяти тут же возникает имя свердловчанина Алексея Ивановича Орлова. Именно его, человека незнаменитого, знаменитый автор романов о комиссаре Мегрэ назвал одним из своих «самых преданных исследователей» и «выдающимся книголюбом».

Не спеши, дорогой читатель, снисходительно улыбнуться по поводу таких — в умудренном твоем сознании — несопоставимых примеров. Конечно же, я не собираюсь сопоставлять — я только хочу попытаться рассказать об одном из случаев удивительной любви так называемого простого Человека к Человеку большого таланта. Итак: «Жорж Сименон — Алексей Орлов»...

Что породнило двух старых людей? Чтобы ответить на этот вопрос, заглянем в тесную однокомнатную квартиру на окраине Свердловска, где и проживает в прошлом механик одного из уральских заводов, а ныне пенсионер Алексей Иванович Орлов.

Прямо скажем: скромная квартирка! Ни стеллажей тебе полированных, за зеркальными стеклами которых толпятся престижные тома в золоченых переплетах, ни подходящего под эти тома прочего интерьера... Дешевые, с точки зрения иного современного любителя художественной литературы, деревянные полки. Вот на этих дешевых полках и стоят дорогие для механика Орлова книги, среди них — немало изданий Сименона, с дарственными надписями автора: «Верному из верных...», «Моему преданному другу, который знает мои книги лучше, чем я сам...», «Алексею Орлову с благодарностью, дружбой и признательностью...».

А вот и сам хозяин — невысокий, слегка сутулый; живые, приветливые глаза. Вот он уже усадил гостей за маленький журнальный столик, разлил по чашкам кофе и начал рассказ:

— Жоржем Сименоном я увлекся в начале шестидесятых, когда первые его произведения появились в нашей печати. Помню, залпом проглотил роман «Желтый пес». В авторе я увидел не просто великолепного мастера детектива, но — прежде всего — глубокого и тонкого психолога. Это не просто увлекательные романы, а большая литература о Человеке. Я нахожу, например, немало общего в характерах Мегрэ и следователя Порфирия Петровича у Достоевского — оба не только талантливые сыщики, но, главное, убежденные гуманисты!..

Чем дальше Алексей Иванович углублялся в мир Сименона, тем больше хотел узнать о писателе. Стал собирать различные материалы о его жизни, разыскивать публикации Сименона в газетах и журналах. Сегодня уникальное сименоновское досье, собранное книголюбом, насчитывает свыше пятидесяти томов. Создается впечатление, что Алексей Иванович всю свою долгую жизнь провел рядом с Сименоном — он знает сотни деталей из жизни человека, живущего за тысячи верст от него в далеком швейцарском городе Лозанна.

Но главное дело жизни Орлова — это уникальная, не

имеющая аналогов в нашей стране библиография творчества Жоржа Сименона. Солидный машинописный том, в который книголюб вложил более десяти лет своей жизни, включает сведения о 358 художественных произведениях его любимого писателя, изданных в СССР и во Франции. Интересная деталь: работая над библиографией, Алексей Иванович в свои семьдесят лет изучил французский язык. Теперь он читает романы о Мегрэ в подлиннике.

Из этого библиографического справочника, написанного на русском и французском языках, сегодня черпают сведения крупнейшие библиотеки нашей страны, видные ученые-литературоведы, многочисленные книголюбы. Алексей Иванович охотно делится сведениями со всеми, кто проявляет интерес к его любимому писателю. Кстати, многие годы Орлов с немалым увлечением ведет пропаганду творчества Сименона: выступает с лекциями о комиссаре Мегрэ перед работниками свердловской милиции встречается с тружениками родного завода, преподавателями и студентами вузов города, изучающими французскую литературу. Что и говорить, какой писатель не мечтает иметь такого одержимого, удивительного друга, истинного знатока и ценителя своего творчества!

Несколько лет назад известная советская исследовательница творчества французского романиста Э. Л. Шрайбер побывала в гостях у Жоржа Сименона и показала ему библиографию, составленную Орловым. Писатель с большим интересом изучил эту работу и высоко оценил ее. Каково же было его удивление, когда он узнал, что уникальный библиографический труд принадлежит... уральскому механику!

Вскоре почтальон принес в дом Алексея Ивановича письмо из далекой Лозанны. Трудно было старому человеку без волнения читать эти строки, даже руки дрожали.

«Дорогой мсье! Я был чрезвычайно поражен, узнав, что Вы автор замечательной библиографии моих произведений о «Мегрэ» и «не Мегрэ», изданных в СССР.

От всего сердца поздравляю Вас с такой великолепной работой! Я очень счастлив, что в Свердловске, на Урале, живут такие выдающиеся книголюбы. Желаю Вам большого успеха в Вашей будущей деятельности и шлю Вам выражение своих самых сердечных чувств.

Жорж Симгнон».

С тех пор знаменитый французский писатель внимательно следит за работой своего уральского друга, регулярно посылает ему книги, фотографии, другие материалы, а один из экземпляров библиографии хранится в научном центре по изучению творчества Жоржа Сименона в бельгийском городе Льеже — на родине писателя. В одном из сименоновских писем прочитал я волнующие слова признания: «Вы действительно старый друг...».

Коль скоро читателю «Следопыта» предстоит прочитать роман «Мегрэ и осведомитель», давайте воспользуемся случаем и попросим Орлова рассказать об этом еще неизвестном русскому читателю романе.

— Этот роман Сименон написал за одну неделю, завершил работу 11 июня 1971 года. Не удивляйтесь таким срокам — он, как вы знаете, пишет очень быстро. Таково, скажем, своеобразие его таланта. А всего перу Сименона принадлежат 102 произведения о Мегрэ, из них — восемьдесят романов и двадцать два рассказа. В нашей стране на сегодняшний день опубликовано семьдесят шесть. Это предпоследний из восьмидесяти романов о комиссаре Мегрэ. Такая вот библиографическая арифметика. Любителям Сименона пригодится...

«Мегрэ и осведомитель» писатель задумал и создал на своей швейцарской вилле в местечке Эпаленж, где жил в то время. Впервые роман увидел свет на французском языке в парижском издательстве «Пресс де ла Ситэ» в том же 1971 году. В нашей критике о нем никаких сведений нет, так что публикация в «Уральском следопыте» будет открытием для почитателей творчества Сименона.

Яков АНДРЕЕВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Телефонный звонок разбудил Мегрэ, и он недовольно заворчал, даже не понимая спросонок, который теперь час, но не стал смотреть на будильник. Он медленно выбирался из тяжелого сна и его не покидало какое-то давящее ощущение в груди.

Босиком, неуверенной походкой лунатика он направился к аппарату.

— Алло...

Мегрэ даже не заметил, что не он, а его жена зажгла ночник.

— Это вы, шеф?

Он не сразу узнал голос.

— Говорит Люкас... Я дежурю сегодня ночью... Только что звонили из восемнадцатого округа...

— Ну и что там?

— На авеню Жюно на тротуаре найден труп мужчины...

Эта улица находилась на самом верху холма Монмартр, неподалеку от площади Тертр.

— Я звоню вам по поводу опознания трупа... Им оказался Морис Марсиа, владелец «Сардины»...

«Сардина» — типично французский ресторан на улице Фонтен.

— Что он делал на авеню Жюно?

— Похоже, убили его не там. Создается впечатление, что тело привезли туда и положили на тротуар.

— Сейчас еду...

— Прислать за вами машину?

— Да...

Мадам Мегрэ, лежа в постели, все время наблюдала за мужем и, услышав последние слова, поднялась, пытаясь нашарить комнатные туфли.

— Сейчас приготовлю тебе чашечку кофе.

Как неудачно, что это случилось именно сегодня вечером. Впрочем, сам вечер прошел на редкость приятно. Была очередь супругов Мегрэ принимать у себя чету Пардонов. Между ними существовало, укрепившееся с годами, молчаливое соглашение.

Раз в месяц Мегрэ с женой ужинали у Пардонов на бульваре Вольтер. Через две недели наступал их черед принимать у себя на бульваре Ришар Ленуар чету Пардонов.

Женщины каждый раз старались приготовить роскошное угощение и обменивались рецептами, а мужчины мирно беседовали, потягивая сливовую или малиновую наливку из Эльзаса.

Сегодня ужин особенно удался. Мадам Мегрэ зажарила молодых цесарок, а комиссар принес из погреба одну из последних бутылок Шато-дю-Пап,— однажды удалось купить на распродаже целый ящик.

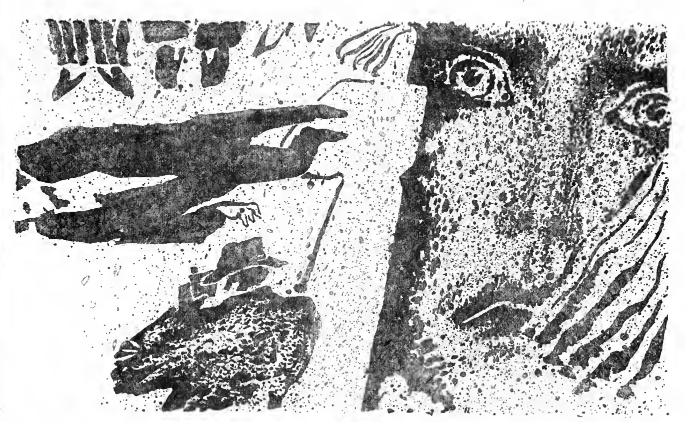
Вино было отменное, и они осушили бутылку до дна. Сколько рюмок сливянки выпили они затем? Во всяком случае, разбуженный среди ночи Мегрэ чувствовал себя явно не в форме.

Он хорошо знал Мориса Марсиа. Его знал весь Париж. Когда Мегрэ начинал работать в полиции, ему случалось допрашивать Марсиа в своем кабинете. Правда, Марсиа в те времена еще не был такой важной птицей.

Позже комиссар изредка ужинал с женой в ресторане на улице Фонтен, который славился превосходной кухней.

Когда мадам Мегрэ принесла ему чашку кофе, он был уже почти одет.

— Что-нибудь серьезное?
— Эта история может наделать много шума.
— Я его знаю?
— Мсье Морис, так его называют все. Точнее, Морис Марсиа.
— Из «Сардины»?
Комиссар утвердительно кивнул головой.
— Его убили?
— Как будто... Пойду-ка взгляну сам.
Он медленно допил кофе, набил трубку, потом приоткрыл окно — взглянуть, какая погода. Дождь шел по-прежнему, но такой мелкий и редкий, что его капли мерцали в бликах фонарей.
— Наденешь плащ?
— Не стоит... Очень тепло...
Стоял май, чудесный май, но вот прошла гроза, и погода испортилась, весь день напролет моросил дождь.
— До скорого...
— Знаешь, цесарки были восхитительны...
— И все-таки это, наверное, не слишком легкая пища...
Он предпочел промолчать, так как сегодняшний ужин до сих пор напоминал о себе тяжестью в желудке.
Маленькая черная машина стояла у подъезда.
— Авеню Жюно...
— Номер?
— Там наверняка толпа...
Улицы казались черными. Движения уже почти не было, потому они добрались до Монмартра всего за несколько минут. Зато по самому Монмартру двигаться оказалось труднее — там всю ночь открыты кафе и в любое время бродят толпы туристов. Авеню Жюно находилось вне этой шумной зоны, его окаймляли невысокие дома, где жили художники.
Справа на тротуаре толпился народ. Несмотря на поздний час, в окнах горел свет.
Приехавший раньше Мегрэ комиссар этого округа — невысокий, худой и застенчивый — подошел к Мегрэ.
— Рад, что вижу вас здесь, господин Дивизионный комиссар... Это дело вызовет много шума...
— Вы уверены в подлинности личности?
— Вот его бумажник...
Он протянул комиссару бумажник из черной крокодиловой кожи, в котором лежали только удостоверение личности, водительские права и вырванный листок из блокнота, где были записаны несколько номеров телефона.
— Деньги?
— Пачка ассигнаций, три или четыре тысячи франков, я не считал, в заднем кармане брюк.
— Оружие?
— Пистолет «Смит и Вессон», которым давно не пользовались.
Мегрэ наклонился над телом, и ему показалось странным, что он смотрит на мсье Мориса сверху вниз. Убитый, как всегда в вечерние часы, был в смокинге, а на манишке расплылось пятно крови.
— Никаких следов на тротуаре?
— Нет.
— Кто обнаружил тело?
— Я...— послышался за его спиной тихий голос.
Это произнес старик. Седые волосы образовывали сверху на его голове подобие нимба. Мегрэ узнал довольно знаменитого художника, но не мог вспомнить его имя...
— Я живу в доме напротив... Ночью иногда просыпаюсь, а снова заснуть трудно...
На нем была пижама, сверху — старый дождевик. На ногах — красные комнатные туфли.
— Когда не спится, я подхожу к окну. Авеню Жюно — спокойная, безлюдная улица... Машины ходят редко... Я очень удивился, когда заметил, что на тротуаре лежит что-то черно-белое, и спустился посмотреть... Я позвонил в комиссариат... Эти господа явились на машине под рев сирены, и в окнах сразу же появились зеваки.
Кроме официальных лиц, стояло еще человек двадцать — прохожие, соседи в ночных рубашках и пижамах. Местный врач заявил:
— Мне здесь больше нечего делать... Я не сомневаюсь в том, что он действительно мертв... Остальное уже дело судебного медика.
— Я ему позвонил,— заметил комиссар полиции,— и предупредил прокуратуру.
Как раз при этих словах подъехал и вышел из машины товарищ прокурора с секретарем. Он удивился, увидев Мегрэ:
— Вы полагаете, дело серьезное?
— Боюсь, что да... Вы знаете Мориса Марсиа?
— Нет.
— Вам никогда не случалось ужинать в ресторане «Сардина»?
Пришлось ему объяснить, что в этом ресторане можно встретить не только высший свет и людей искусства, но и воротил преступного мира.
Доктор Бурже, судебный медик, который сменил ушедшего на пенсию доктора Поля, склонился над телом, осмотрел рану, освещая ее электрическим фонариком, который всегда носил с собой.
— Если не ошибаюсь, всего одна пуля, но большого калибра, стреляли в упор.
— В котором часу наступила смерть?
— Если его привезли сюда сразу, преступление, должно быть, совершилось в полночь... Допустим, между двенадцатью и часом ночи... Точнее скажу после вскрытия...
Мегрэ подошел к Вельяру, инспектору восемнадцатого округа, который скромно стоял в стороне.
— Вы знали мсье Мориса?
— Только в лицо и по рассказам.
— Он живет в этом квартале?
— Нет, кажется, в девятом округе... Где-то возле улицы Баллю...
— Может быть, у него была любовница в этих краях?
Действительно странно, притащить мертвеца на другой конец города и бросить его здесь, на тихой улице Жюно.
— Думаю, я бы об этом слышал. Инспектор девятого округа Луи знает все уголки Пигаль, как свои пять пальцев, уж он-то должен быть в курсе дела.
Пожав всем руки, Мегрэ уселся в маленькую черную машину как раз в ту минуту, когда подъехал высокий, рыжий журналист со всклокоченными волосами.
— Мсье Мегрэ...
— Не сейчас... Обращайтесь к инспектору или к комиссару полиции.
И он бросил шоферу:
— Улица Баллю...

Заглянув в удостоверение личности убитого, он добавил:

— Дом двадцать один «б».

Машина остановилась возле довольно большого особняка, который когда-то принадлежал одному владельцу, а позже был переделан для сдачи квартир в наем. Справа от входной двери висела медная дощечка с фамилией дантиста, принимавшего на третьем этаже, на другой сообщалось, что кабинет невропатолога находится на четвертом.

Звонок разбудил консьержку.

— Я к мсье Марсиа.

— Мсье Марсиа никогда в это время не бывает дома.

— А мадам Марсиа?

— Кажется, вернулась. Не думаю, что она вас примет. Попробуйте, если дело срочное. Это на втором, налево. Они занимают весь этаж, но правая дверь заколочена.

Широкая лестница была покрыта толстым ковром, стены облицованы желтым мрамором. На двери слева никакой таблички. Мегрэ нажал кнопку звонка.

Тишина. Он позвонил снова. Наконец, в квартире послышались шаги. Не открывая двери, женщина спросила заспанным голосом:

— Кто там?

— Комиссар Мегрэ.

— Мужа нет дома. Обратитесь в ресторан на улице Фонтен.

— Там его тоже нет.

— Вы там были?

— Нет. Но я знаю.

— Подождите минутку. Сейчас надену халат.

Когда она открыла дверь, на ней был золотисто-желтый пеньюар, накинутый на белую шелковую ночную рубашку. Мадам Марсиа выглядела намного моложе своего мужа. Высокая блондинка, худая и стройная, как манекенщица или танцовщица из кабаре. На вид ей можно было дать лет тридцать.

Она с безразличным видом посмотрела на комиссара.

— Почему вы ищете моего мужа в такой час? Входите...

Она открыла дверь в большую гостиную и зажгла свет.

— Когда вы в последний раз видели мужа?

— Как обычно, около восьми вечера, когда он отправился к себе в ресторан.

— На машине?

— Конечно, нет. Это ведь недалеко отсюда.

— Он никогда не берет машину, чтобы вернуться домой?

— Только в проливной дождь.

— Вам случается его сопровождать?

— Нет.

— Почему?

— Мне нечего делать в его ресторане.

— Выходит, все вечера вы проводите здесь?

Казалось, подобные вопросы были для нее неожиданными, но ни обиды, ни удивления она не выказывала.

— Почти все. Иногда бываю в кино.

— Вы не заходите в ресторан к мужу пожелать ему доброй ночи?

— Нет.

— Сегодня вечером вы были в кино?

— Нет.

— Выходили из дома?

— Нет... Только выводила собаку... Всего на несколько минут, шел дождь.
— В котором часу?
— Около одиннадцати... Может быть, немного позже.
— Вы не встретили никого из знакомых?
— Нет... Но почему вы задаете эти вопросы и почему вас интересует, как я проводила время сегодня вечером?
— Ваш муж умер...
Глаза у нее стали огромными. Они были светло-голубые, очень выразительные. Потом она открыла рот, словно хотела крикнуть, но у нее пропал голос, она поднесла руку к груди, вытащила из кармана пеньюара платок и уткнулась в него лицом.
Неподвижно сидя в неудобном кресле в стиле Людовика XV, Мегрэ ждал.
— Сердце? — наконец спросила она, скатав носовой платок в комочек.
— Что вы имеете в виду?
— Муж старался об этом не говорить, но он страдал болезнью сердца и лечился у профессора Жардена...
— Он умер не от болезни сердца... Его убили...
— Где?
— Этого я не знаю. Тело бросили на авеню Жюно.
— Это невозможно... У него не было врагов...
— Надо полагать, хоть один-то был, раз его убили.
— Где он сейчас?
— В институте судебной медицины...
— Вы хотите сказать, что там...
— Да, сейчас идет вскрытие... Это обязательно...
Из глубины коридора показалась белая собачка. Она лениво подошла и потерлась о ноги хозяйки.
— Что говорят в ресторане?
— Я там еще не был. А что могут сказать?
— Почему он ушел так рано? Ведь он всегда уходит последним, сам запирает дверь перед тем как проверить кассу.
— Вы там работали?
— Нет. Ведь это обычный ресторан, а не кабаре.
— Вы танцовщица?
— Да.
— Вы сейчас танцуете?
— С тех пор как вышла замуж, нет.
— А сколько лет вы замужем?
— Четыре года...
— Где вы познакомились?
— В «Сардине»... Я танцевала в «Канарейке»... После работы, если было не очень поздно, заходила туда поужинать.
— Там он вас и заметил?
— Да.
— В ваши обязанности также входило развлекать клиентов?
Лицо у нее приняло ледяное выражение.
— Смотря что вы под этим понимаете. Если клиент приглашает сесть к нему за столик, мы не отказываемся распить с ним бутылку шампанского, но не больше...
— У вас был любовник?
— Почему вы об этом спрашиваете?
— Пытаюсь узнать, кому мог встать на пути ваш муж.
— Когда мы познакомились, у меня не было любовника.
— Ваш муж был ревнив?
— Очень.
— А вы ревновали его?
— Не кажется ли вам, господин комиссар, что подобный вопрос — крайняя бестактность, если учесть, что я только что узнала о смерти мужа?
— У вас есть собственная машина?
— Морис подарил мне недавно «Альфа-Ромео».
— Какая у него машина?
— «Бентли».
— Он сам водил?
— У него был шофер, но случалось, что он водил и сам.
— Прошу прощения, что доставил вам такие неприятные минуты, но, увы, такова моя профессия.
Он поднялся, вздыхая. В большом салоне, где всю середину занимал роскошный китайский ковер, царила тишина.
Она проводила его до двери.
— Вероятно, в ближайшие дни мне придется задать вам новые вопросы. Как удобнее, вызвать вас на набережную Орфевр или прийти к вам сюда?
— Лучше здесь...
— Благодарю вас...
В ответ она сухо попрощалась.
Он по-прежнему ощущал тяжесть в желудке, гудела голова.
— В ресторан «Сардина» на улицу Фонтен.
Возле ресторана еще стояло несколько роскошных машин, а швейцар в ливрее ходил взад и вперед по тротуару. Мегрэ вошел в ресторан и сразу почувствовал дуновение свежего воздуха — в зале работал кондиционер.
Метрдотель Рауль Комита, которого комиссар хорошо знал, поспешил ему навстречу.
— Вам столик, мсье Мегрэ?
— Нет.
— Если вы к хозяину, то его нет.
Метрдотель был лысый, с болезненным лицом.
— Он ведь редко отсутствует? — спросил Мегрэ.
— Практически никогда...

В просторном зале ресторана стояло двадцать или двадцать пять столиков. Потолок был украшен тяжелыми резными балками. Стены на три четверти облицованы мореным дубом. Обстановка выглядела добротной, богатой, лишенной тех признаков безвкусицы, которые часто сопутствуют убранству в деревенском стиле.
Шел четвертый час ночи. В зале оставалось не больше десятка посетителей, в основном артистов, которые заканчивали ужин.
— В котором часу ушел Марсиа?
— Точно сказать не могу, примерно около полуночи.
— Вас это не удивило?
— Разумеется. Такое случалось не больше трех или четырех раз за двадцать лет. Впрочем, вы его знаете. Я обслуживал вас много раз, когда вы приходили с вашей дамой. Патрон всегда в смокинге. Однако он замечает все. Думаешь, что он в зале, а он уже в кухне или у себя в кабинете.
— Он вам обещал, что скоро вернется?
— Он только тихо произнес: «До скорого». Мы стояли в вестибюле. Ивонна протянула ему шляпу. Я увидел, что идет дождь и посоветовал ему взять

плащ, который висел тут же на крючке. Но он сказал: «Не стоит... Мне недалеко»...

— Он выглядел озабоченным?

— Трудно что-либо прочесть по его лицу.

— Может быть, раздраженным?

— Нет, что вы!

— Перед уходом он ни с кем не говорил по телефону? Ему никто не звонил?

— Нужно спросить у кассирши. Все телефонные разговоры проходят через нее. Но скажите мне... К чему все эти вопросы?

— Он убит выстрелом из пистолета, а тело обнаружено на тротуаре на авеню Жюно...

Лицо метрдотеля словно застыло, а нижняя губа слегка задрожала.

— Это невозможно,— пробормотал он.— Кто мог такое сделать?.. У него нет врагов... В сущности, он очень славный человек, очень счастливый... Он так гордился достигнутым положением... Там что, произошла драка?

— Нет. Его убили где-то в другом месте, а потом перевезли, вероятно на машине, на авеню Жюно. Вы, кажется, сказали, что из ресторана он вышел в шляпе?

— Да.

— Покойный был без шляпы. Я должен задать несколько вопросов кассирше.

Метрдотель поспешил к столику, за которым сидели клиенты, спросившие счет. Счет был уже готов, и он понес его на тарелке, наполовину прикрыв салфеткой.

Кассирша оказалась маленькой худощавой брюнеткой с красными черными глазами.

— Я комиссар Мегрэ...

— Знаю...

— Думаю, нет смысла скрывать от вас: вашего хозяина убили.

— Ах, вот о чем вы так таинственно говорили с Раулем... У меня подкашиваются ноги... Он только что стоял там, где стоите вы...

— Ему никто не звонил?

— Звонили за несколько минут перед его уходом.

— Мужчина? Женщина?

— Этого я как раз и не поняла. Так мог говорить и мужчина с высоким голосом, и женщина с низким.

— Раньше вам не приходилось слышать этот голос?

— Нет. Попросили позвать к телефону мсье Мориса...

— Его так и назвали?

— Да, как все завсегдатаи. Я поинтересовалась, кто его спрашивает, и мне ответили: «Сейчас я ему сам сообщу». Я подняла глаза и увидела рядом мсье Мориса. «Это меня? Кто?» Не знаю,— сказала я. Он нахмурил брови и протянул руку за трубкой. Я, конечно, не слышала, что говорили на другом конце провода. «Что, что?.. Я вас плохо слышу... Да?.. Вы в этом уверены?.. Ну, только попадитесь мне в руки...» — сказал мсье Морис. Видимо, звонили из автомата, я слышала щелчок — опустили монету. «Я знаю не хуже вас, где это находится»,— говорил мсье Морис. Он резко повесил трубку и направился к двери, но вдруг вернулся и прошел к себе в кабинет, за кухней.

— Часто он туда ходил?

— По вечерам очень редко. Когда приходил в ресторан, шел просмотреть почту. После закрытия я приносила ему туда счета, и мы вместе проверяли...

— Деньги остаются в ресторане до утра?

— Нет, он уносит их в специальном портфеле.

— Полагаю, он имел при себе оружие?

— Он перекладывал пистолет из ящика в карман...

Этой ночью рано было уносить выручку, однако же мсье Морис вернулся к себе в кабинет за пистолетом.

— Может быть, здесь лежит еще какое-то оружие?

— Нет. Я видела только этот пистолет.

— Не проведете ли вы меня к нему в кабинет?

— Минутку...

Она протянула какой-то счет Раулю.

— Пройдемте сюда...

Они прошли по коридору с окрашенными в зеленый цвет стенами. Слева, через застекленную перегородку, была видна кухня, где четверо поваров наводили порядок.

— Это здесь... Я думаю, что вы имеете право войти...

Кабинет скромный, обставлен безо всякой роскоши. Три добротных кожаных кресла, письменный стол красного дерева в стиле ампир, позади него — сейф и полки с книгами и журналами.

— Деньги лежат в сейфе?

— Нет. Только бухгалтерские отчеты. Можно было бы обойтись и без сейфа. Когда мсье Морис откупил ресторан, сейф уже стоял здесь, и новый хозяин не стал его убирать.

— Где обычно лежал пистолет?

— В правом ящике...

Мегрэ выдвинул ящик. Там лежали бумаги, сигары, сигареты, но пистолета не было.

— А что, мадам Марсиа часто звонила мужу?

— Почти никогда.

— Она не звонила этой ночью?

— Нет. К телефону подхожу только я.

— А он? Он ей не звонил?

— Редко. Даже не помню, когда он звонил в последний раз. Кажется, перед прошлым рождеством.

— Благодарю вас.

Мегрэ чувствовал себя очень усталым и тяжело опустился на сиденье маленькой черной машины.

— Бульвар Ришар-Ленуар.

Дождь перестал, мостовая по-прежнему блестела, но небо на востоке стало проясняться.

Он смутно ощущал, что эта история выглядит как-то странно. Разумеется, мсье Морис не был святым. Он провел бурную молодость и не раз был судим за сводничество.

Затем, к тридцати годам, он поднялся по социальной лестнице, став хозяином публичного дома, одного из самых известных в те времена в Париже на улице Ганновер.

По документам дом был записан на другое лицо. Добрую часть дня Марсиа проводил либо на скачках, либо играл в карты с другими подозрительными личностями в бистро на улице Массэ.

У него была кличка — Судья. Уверяли, что если в их среде случались раздоры, последнее слово оставалось за ним.

Морис был красив, одевался у лучших портных и носил только шелковое белье. Он был женат и уже снимал ту же квартиру на улице Баллю.

С возрастом он пополнел, и это придавало ему большую уверенность в себе.

Вот досада! Мегрэ забыл спросить у кассирши, не

говорил ли человек, звонивший по телефону, с акцентом. Иногда такая деталь может иметь значение.

А пока в голове у него был сплошной туман. Ему вспомнилась фраза, сказанная Морисом Марсиа во время их последнего свидания на набережной Орфевр. Сам Марсиа не был тогда под подозрением, но бармен из его ресторана подозревался как соучастник ограбления банка в Пюто.

— Что вы можете сказать об этом Фрэдди?

Бармена звали Фрэдди Страциа. Он был родом из Пьемонта.

— По-моему, он хороший бармен.

— Вы считаете его порядочным человеком?

— Видите ли, господин комиссар, смотря что вы под этим понимаете. Среди порядочных людей есть разные! Когда мы с вами познакомились и оба, если можно так выразиться, были дебютантами, я не считал себя человеком непорядочным, но это мнение ни вы, ни судьи не разделяли. Мало-помалу я изменился... Можно сказать, потратил около сорока лет, чтобы стать порядочным человеком. Такое бывает только с людьми, которые переходят в другую веру... Такие люди становятся фанатиками новой религии. Они, воспитавшие в себе эти достоинства, намного щепетильнее других. Вы спрашиваете у меня, порядочный ли Фрэдди? Я бы не дал, конечно, голову на отсечение, но уверен, что он не такой идиот, чтобы впутаться в подобное грязное дело.

Машина остановилась перед домом Мегрэ. Комиссар поблагодарил шофера и медленно, с трудом переводя дыхание, стал подниматься по лестнице. Ему не терпелось поскорее лечь в постель.

— Устал?

— Еле живой...

Через десять минут он уже спал.

Было около одиннадцати утра, когда он проснулся и мадам Мегрэ тут же принесла ему в постель чашечку кофе.

— Смотри,— удивился он.— Солнце выглянуло.

— Ты задержался так поздно из-за дела на улице Фонтен?

— Откуда ты знаешь?

— Из газет. Слышала по радио. Кажется, этот мсье Морис типичный парижанин?

— Не простой парижанин, а довольно заметная личность,— поправил он.

— Ты его знал?

— С тех пор как начал работать в Уголовной полиции.

— А почему они решили выбросить труп на авеню Жюно?

— Пока мне еще ничего не понятно,— признался он.— Тем более что у Марсиа в кармане лежал пистолет.

— Ну и что?

— Странно, почему он не выстрелил первым... Вероятно, он был чем-то взволнован или удивлен.

Мегрэ в халате опустился в кресло, снял телефонную трубку и набрал номер Уголовной полиции.

Люкас, отдежуривший ночью, уже преспокойно спал дома. К телефону подошел Жанвье.

— Устали, шеф?

— Нет. Кажется, дело сдвинулось. Ты в курсе?

— Да, просмотрел газеты, свежие рапорты, в частности, рапорт комиссара восемнадцатого... Еще звонил доктор Бурде.

— Что он сказал?

— Стреляли с расстояния в метр, может быть, полтора. Оружие — скорее всего бульдог калибра тридцать два или тридцать восемь. Пуля в лаборатории. Что касается бедняги Марсиа, то смерть наступила почти сразу от внутреннего кровоизлияния.

— Он потерял много крови?

— Очень мало...

— У него было больное сердце?

— Бурде этого не сказал. Хотите, я ему позвоню?

— Я сам позвоню. Я буду у себя, наверное, после полудня. Если узнаешь что-нибудь новое, позвони мне.

Через несколько минут он уже говорил по телефону с доктором Бурде.

— Вам, вероятно, удалось поспать,— сказал он Мегрэ.— А вот я работал до девяти утра, потом мне принесли еще одного пациента, вернее, пациентку.

— Скажите, доктор, вы чего-нибудь не заметили помимо раны, ну, допустим, симптомов болезни?

— Нет. Это был здоровый человек, прекрасно сохранившийся для своего возраста...

— А сердце?

— Насколько я могу судить, сердце было в хорошем состоянии...

— Благодарю вас, доктор.

Но ведь Лина, белокурая жена Марсиа, сказала, что время от времени ее муж ходил на консультацию к профессору Жардену. Он позвонил профессору домой, но, не застав, связался с больницей.

— Извините за беспокойство, господин профессор... Говорит комиссар Мегрэ. Кажется, сегодня ночью умер один из ваших пациентов... Ужасная смерть... Я говорю о Морисе Марсиа...

— Хозяин ресторана на Монмартре?

— Да.

— Я консультировал его один-единственный раз. По-моему, он собирался застраховать свою жизнь и перед официальным врачебным осмотром захотел показаться врачу по своему выбору.

— И что же?

— Сердце прекрасное.

— Благодарю вас...

— Ну что,— спросила мадам Мегрэ.— Он был болен?

— Нет.

— Почему же его жена тебе сказала?

— Я знаю не больше, чем ты. Дай мне еще чашку кофе.

— Что тебе хочется на обед?

Он еще не забыл о беспокоившей его ночью тяжести в желудке.

— Ветчину, картошку с маслом и зеленый салат...

— И это все? Ты объелся моими цесарками?

— Да нет... Просто мы с Пардоном слишком налегли на сливянку... Не считая того, что вино...

Он поднялся, вздыхая, и зажег свою первую трубку, потом расположился у открытого окна. Не прошло и десяти минут как зазвонил телефон.

— Алло, шеф! Это Жанвье. Ко мне только что приехал инспектор Луи из девятого... Он надеялся повидать вас... Похоже, он хочет рассказать вам что-то интересное... Он спрашивает, можно ли прийти днем.

— Пусть приходит ко мне в кабинет к двум...

Луи — странный человек. Он стал вдовцом лет пятнадцать назад и до сих пор одевался во все чер-

ное, словно все еще носил траур по жене. Коллеги между собой называли его Вдовцом.

Он никогда не смеялся и не шутил. Если дежурил у себя в кабинете, то работал без передышки. Поскольку он не курил, то даже не тратил время на то, чтобы раскурить трубку или зажечь сигарету.

Чаще всего он работал вне стен полиции и, как правило, по ночам. Он знал, как свои пять пальцев, квартал Пигаль.

Если Луи вызывал к себе на допрос проститутку или сутенера, то всегда имел на то веские основания. Поэтому местная публика поглядывала на него с опаской.

Он безвыездно жил в квартире по другую сторону бульвара, на улице Лепик. Он и родился в этом квартале. Его часто видели в магазинах, куда он сам ходил за покупками.

Он доподлинно знал родословную всей местной шпаны, историю всех девиц легкого поведения.

Луи заходил в бары, никогда не снимая шляпы, неизменно заказывал бутылочку Виши и долго сидел, поглядывая на посетителей. Иногда обращался к бармену:

— А я и не знал, что Фрэнсис вернулся из Тулона.

— Вы точно знаете?

— Он сейчас заметил меня и скрылся в туалете.

— Я еще его не видел... Странно... Обычно, приехав в Париж, он заходит поприветствовать меня.

— Вероятно, я его спугнул.

— С кем он был?

— С Мадлен.

— Это его прежняя.

Луи никогда ничего не записывал, но тем не менее имена, фамилии и прозвища всех этих дам и господ хранились в его памяти, как в хорошей картотеке.

Улица Фонтен относилась к его участку и, должно быть, он знал о мсье Морисе намного больше, чем Мегрэ и все остальные. Кроме того, раз он сам явился на набережную Орфевр, то, наверное, не случайно. Ведь он был человеком робким.

Луи прекрасно понимал, что выше звания инспектора ему не подняться, и благоразумно смирился с этим, работая не за страх, а за совесть. Работа была единственной его страстью, и он посвятил ей всю свою жизнь.

— Я спущусь купить ветчины...

Мегрэ смотрел, как она шла в сторону улицы Серван. Ему повезло с женой, и он благодарно улыбнулся.

Сколько времени успели прожить супруги Луи, пока жена не попала под автобус? Наверное, несколько лет, не больше. Ведь тогда ему было всего тридцать. В тот день он, как и сейчас Мегрэ, смотрел в окно и несчастный случай произошел прямо у него на глазах.

Мегрэ постучал по дереву, хотя у него не было такой привычки, и не отошел от окна, пока не убедился, что жена снова пересекла бульвар и вошла в парадное.

Луи — не имя, а фамилия инспектора. Раньше Мегрэ подумывал о том, чтобы взять его к себе в бригаду, но Луи был таким мрачным, что его приход мог бы отрицательно сказаться на общей атмосфере в группе инспекторов.

— Бедняга!

— Ты говоришь сам с собой?

— А что я сказал?

— Ты сказал: «бедняга». Ты думал о Марсна?

— Нет, я вспомнил об одном человеке, который пятнадцать лет назад потерял жену и до сих пор носит траур.

— Неужели он одет во все черное?.. Нынче это не принято...

— Да, именно, во все черное. Ему неважно, что думают о нем другие. Некоторые, увидев его впервые, принимают за духовное лицо и обращаются к нему: «отец».

— Ты не бреешься? Не будешь принимать ванну?

— Обязательно буду... Так приятно, когда не нужно никуда спешить...

И докурив трубку, он пошел в ванную.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Окна в кабинете Мегрэ были открыты, и туда проникали дуновения свежего воздуха, доносился шум машин с моста Сен-Мишель.

Инспектор Луи сидел на краешке стула, который любезно предложил ему комиссар. Движения его были такими замедленными, что казались почти торжественными, как и его черное одеяние, особенно бросавшееся в глаза в этот весенний день.

— Благодарю вас, господин Дивизионный комиссар за то, что вы согласились меня принять...

На его нежной, молочно-белой, как у женщины, коже резко выделялись густые черные усы, губы были красные, словно накрашенные, но тем не менее в его облике не чувствовалось ничего женственного.

Видимо, он был робким уже в школе, из тех, кто краснеет и заикается, стоит учителю задать ему какой-нибудь вопрос.

— Я хотел, с вашего разрешения, спросить вас...

— Пожалуйста.

— Тело обнаружено на авеню Жюно, значит, следствие будут вести инспекторы восемнадцатого округа?

Прежде чем ответить, Мегрэ пришлось подумать.

— Они, конечно, станут допрашивать случайных свидетелей, будут искать машину, которая среди ночи остановилась на авеню Жюно, вызовут старого художника, который известил полицию, и других соседей.

— А дальнейшее следствие?

— Как вам известно, это уже дело бригады Уголовной полиции, но это не помешает нам просить и принимать помощь инспекторов данного округа. Вы ведь хорошо знаете Монмартр, не так ли?

— Там родился и живу до сих пор.

— Вы были знакомы с Морисом Марсна?

— И с ним, и с его служащими.

Луи покраснел. Он должен был сделать над собой усилие, чтобы сказать то, что собирался.

— Видите ли, главным образом я работаю по ночам. В результате я стал прекрасно ориентироваться в этом мире. На Пигаль ко мне привыкли. Я перекидываюсь несколькими словами то с одним, то с другим... Захожу в бары, в кабаре, где, не дожидаясь моей просьбы, мне приносят бутылочку Виши.

— Полагаю, раз вы пришли ко мне, значит, у вас есть какие-то соображения по делу об убийстве Марсна.

— По-моему, я знаю, кто его убил.

Откинувшись в кресле, Мегрэ спокойно покуривал

свою трубку, глядя на своего собеседника с любопытством, смешанным с некоторой долей восхищения.

— Ваши предположения на чем-то основаны?

— И да, и нет.

Он был смущен и не осмеливался смотреть комиссару прямо в лицо.

— Сегодня утром мне позвонили.

— Собеседник назвался?

— В общем, нет... Уже много лет мне звонит один и тот же человек...

— Мужчина или женщина?

— Мужчина... Он каждый раз отказывается назвать свое имя... Когда на Монмартре происходит что-нибудь из ряда вон выходящее, он звонит мне и начинает так: «Это я...» Я узнаю его голос. Он звонит из автомата и, не теряя времени, сообщает главное, например: «В квартале Ля шапель готовится вооруженное нападение... Это банда Колья».

Мегрэ заметил:

— Но Колья в тюрьме и просидит еще долго.

— Действуют его сообщники.

— А ваш анонимный осведомитель никогда не ошибается?

— Нет.

— И не требует у вас денег?

— Нет. Даже не требует закрывать глаза на какие-нибудь незаконные махинации...

Слова инспектора заинтересовали Мегрэ.

— И он звонил вам сегодня утром?

— Да. В восемь часов, перед тем как я обычно выхожу за покупками... Я живу один и вынужден сам заниматься хозяйством.

— Что он вам сказал дословно?

— Что Марсиа убил один из братьев Мори...

— И все?

— Все. Вы знаете братьев Мори, Манюэля и Джо?

— Вот уже больше двух лет мы пытаемся захватить их на месте преступления. Однако до сих пор не можем предъявить им ничего конкретного.

— Я тоже за ними слежу. Они живут порознь. Манюэль, старший, ему тридцать два года, занимает просторную, можно даже сказать, роскошную квартиру на улице Лябрюйер.

В двух шагах от «Сардины».

— Младшему, Джо, двадцать девять. Он снимает две комнаты, спальню и гостиную в отеле «Острова» на авеню Трюден... Эти сведения должны быть здесь, на набережной, в их досье. Они открыли дело по импорту фруктов и овощей на улице дю Кэр. Один из них обязательно находится там. Это большое продолговатое помещение на первом этаже. Вход прямо с улицы.

— Они связаны с Морисом?

— Иногда у него ужинают. И не только они. Многие подозрительные личности бывают в этом ресторане.

— А что, Марсиа при случае им как-то помогал?

— Не думаю. Он стал осторожным и боялся рисковать своей репутацией.

— О ком из братьев говорил ваш осведомитель?

— Он не уточнял, но наверняка будет и второй звонок. Поэтому я и осмелился просить, чтобы вы меня приняли.

— Вы хотели бы участвовать в следствии?

— Я хотел бы участвовать в нем официально. Я никогда не занимаюсь тем, что выходит за рамки моих обязанностей. Мне можно доверять. Обещаю, что буду подробно информировать вас о том, что мне удастся обнаружить.

— Вы хорошо знаете братьев Мори?

— Я часто встречаю их в барах... У Манюэля была любовница, уроженка Мартиники, очень красивая...

— Где она теперь?

— Выступает в кабачке для туристов.

— Кем он ее заменил?

— Никем. Я всегда вижу его одного или с братом... А тот живет вместе с молодой девушкой, приехавшей из провинции, по имени Марсель, ей двадцать два года...

— Может быть, она и есть слабое звено в этой цепи?

— Нет, это девушка с характером и безумно влюблена в Мори...

— Думаете, она в курсе дел обоих братьев?

— Не знаю, насколько они ей доверяют... Им приписывали не менее десяти одинаковых ограблений, совершенных по одной и той же методе. Местом преступления всегда выбирался замок или богатое поместье в провинции, примерно в 150 километрах от Парижа.

Грабители прекрасно осведомлены о ценностях, картинах или антикварной мебели, находящихся в доме. Они точно знают, когда отсутствуют хозяева и сколько человек в охране.

Действуют они тихо, без взлома. Меньше чем за час вывозят все, что так или иначе можно реализовать. Для этого по меньшей мере нужен один грузовик.

Кстати, братья Мори располагали двумя грузовиками, необходимыми в торговле фруктами. По странной случайности, дело свое они организовали тоже два года назад.

Манюэль прежде работал у одного предпринимателя на Центральном рынке. Джо три года прослужил в конторе архитектора.

Но где они хранили награбленные богатства? Вероятно, поблизости от Парижа, в какой-нибудь вилле или доме, снятом на чужое имя.

— А кто мог сторожить награбленное?

— Точно не уверен, но думаю, мамаша Мори.

— Вы ее знаете?

— Никогда не видел. Знаю только, что она существует. Она жила с детьми в Арле. Когда сыновья подались в Париж, она еще на несколько лет осталась на Юге с дочерью. Теперь дочь вышла замуж и переехала в Марсель.

Значит, уже давно инспектор Луи методично работал в одиночку, не прибегая к помощи громоздкого аппарата полиции.

— Откуда вам все это известно?

— Я наблюдаю, прислушиваюсь. У меня осведомители в разных уголках страны. Мне тоже иногда случается оказывать им услуги.

— Что делает мамаша Мори?

— Продала дом в Арле со всем имуществом и больше там не показывалась.

— Бьюсь об заклад, что вы уже пошарили по деревням близ Парижа.

— Да, мне случается в выходные дни или во время отпуска заниматься такими поисками.

— Вы ничего не нашли?

— Пока нет.

Он снова покраснел, как бы стыдясь, что не оправдал доверия.
— Что вы знаете о мадам Марсиа?
— Вы имеете в виду последнюю? Ведь до нее была другая, с которой он прожил около двадцати лет. Они жили дружно. Правда, он подобрал ее на улице, но сделал из нее настоящую даму. Когда она умерла от рака, он очень переживал и долгое время был просто сам не свой.
Как-то в молодости Мегрэ пришлось поработать инспектором на улицах, потом на вокзалах, в метро, в больших магазинах. В то время он хорошо знал уголовный мир Парижа.
Теперь он был отгорожен четырьмя стенами своего кабинета, а его начальник был весьма недоволен, если Мегрэ случалось заходить к подозреваемому домой.
— Где он познакомился со второй женой, Линой?
— Сначала она работала танцовщицей в «Табарене», потом в «Канарейке». Думаю, там он ее и увидел. Несмотря на профессию, она отличалась скромностью, вела себя пристойно и, говорят, никогда не уединялась с клиентами. У нее, кажется, есть образование.
— Неужели вы знаете, откуда она родом, кто ее родители, где училась?
Инспектор Луи снова покраснел.
— Родилась она в Брюсселе. Ее отец работал там в банке. До восемнадцати лет училась, потом поступила на работу в тот же банк, а через некоторое время сбежала в Париж с молодым человеком, художником, который собирался сделать карьеру. Однако известность не пришла так быстро, как он надеялся, и Лина устроилась продавщицей в магазин на Больших Бульварах. Художник ее бросил, и она очутилась в «Табарене», где сначала была статисткой...
Мегрэ уже много лет знал инспектора Луи. Правда, встречались они крайне редко и почти не сталкивались по работе. Одно время Мегрэ считал его напыщенным дураком, но потом понял, что ошибался и что Луи умный малый.
Сейчас он смотрел на него с любопытством, граничащим с восхищением.
— Вы знаете подноготную всех обитателей Монмартра?
— Со временем информация накапливается.
— Вы ведете досье?
— Нет. Держу все в голове. Ведь я ничем больше не занимаюсь, меня ничто другое не интересует.
Мегрэ встал и открыл дверь в кабинет инспекторов.
— Можно тебя на минутку, Жанвье?
И когда тот вошел, спросил:
— Полагаю, вы знакомы?
Мужчины пожали друг другу руки.
— Мы сейчас довольно долго говорили с инспектором Луи о деле по убийству Марсиа. У тебя есть что-нибудь новенькое?
— Я только что выяснил: около часа ночи на авеню Жюно остановилась красная машина.
— Наши люди, конечно, продолжат расследование. Но инспектор Луи знает многих действующих лиц и будет работать по своей линии и держать нас в курсе своих дел. Кстати, ты знаешь братьев Мори?
— Одно время мы подозревали, что они стоят во главе гангстерской шайки, грабящей замки.
— За ними по-прежнему следят?
— От случая к случаю. Следят, главным образом, за их перемещением. Джо, тот, что помоложе, часто бывает в Кавайоне и по соседству — покупает несезонные фрукты и овощи.
— Начиная с сегодняшнего дня установишь за ними круглосуточную слежку.
— За обоими?
— Да, за обоими.
— Это по поводу замков?
— Нет, на этот раз дело идет об убийстве. Убийстве Мориса Марсиа.
Жанвье невольно взглянул на своего коллегу из девятого округа. Было очевидно, что он не совсем доволен вмешательством инспектора Луи в это дело.
— Еще за кем-нибудь установить слежку?
— За вдовой...
— Вы думаете?..
— Я ничего не думаю, ты это знаешь. Я ищу. Мы все ищем.
Он пожал руку инспектору Луи.
— Вы возвращаетесь на Монмартр?
— Да.
— У вас машина?
— Нет.
— Я тоже еду туда. Я вас подвезу. Жанвье, поедем со мной.
Жанвье вел машину. Рядом с ним Мегрэ курил трубку, а на заднем сидении расположился Луи, который явно чувствовал себя не в своей тарелке.
Он всегда мечтал работать непосредственно на Уголовную полицию и задание, порученное ему, расценивал как повышение.
Когда подъехали к улице Нотр-Дам де Лоретт, Жанвье спросил:
— Куда ехать?
— Дальше. На улицу Баллю.
— К Морису Марсиа?
— Да. Где вас высадить? — спросил Мегрэ у Луи.
— Где угодно. Мне отсюда недалеко до дома.
— В таком случае, остановимся здесь.
— Вы знаете, где меня найти. Мой номер телефона указан в справочнике.
— Благодарю вас.
Он неуклюже вышел из машины и пошел по тротуару ровным, неторопливым шагом.
Через несколько минут Мегрэ и Жанвье уже звонили в дверь бывшего частного особняка. Дверь им открыла консьержка — красивая женщина лет сорока. Она оглядела их через застекленную дверь, комиссар вошел первым.
— Привезли тело?
— Еще нет, но служащие бюро похоронных процессий уже наверху. Думаю, покойного привезут к концу дня.
— Я хочу представить вам инспектора Жанвье, он тоже ведет это дело. Сколько лет мадам Марсиа живет в этом доме?
— С тех пор как они поженились... Должно быть, свыше четырех лет.
— У них часто бывали гости?
— Почти никогда. Вам ведь известно, что мсье Марсиа не возвращался домой раньше трех-четырех часов ночи. Он все утро спал, потом завтракал, отдыхал, потом ему делали массаж.
— Обедал он дома?
— Редко. Чаще всего у себя в ресторане.
— Вместе с женой?

— Нет, мне кажется, он не любил, чтобы она ходила к нему в ресторан.
— Почему?
— Наверное, опасался нежелательного знакомства. Не забывайте, что ему было за шестьдесят, а ей нет и тридцати...
— Что она делала дома?
— Отдавала распоряжения кухарке, горничной. Иногда ходила к Фошону или в другие роскошные магазины, чтобы купить то, что не продается в нашем квартале. Раз или два в неделю ходила к парикмахеру.
— В центре?
— Кажется, на улице Кастильон...
— А по вечерам?
— Читала, смотрела телевизор. Перед сном минут на десять выводила собачку...
— А в кино ходила?
— Возможно. Раз или два в неделю отсутствовала весь вечер.
— А к ней никто не приходил?
— Никто.
— Благодарю вас. Она наверху?
— Да. У нее портной.
Они не стали вызывать лифт, а поднялись и позвонили в дверь второго этажа. Открыла им молодая горничная с огромным бюстом.
— Что вам угодно?
— Мы к мадам Марсна.
— Мадам Марсна занята.
— Мы подождем.
— Что передать?
— Уголовная полиция.
— Одну минутку.
Она оставила их в холле, а сама скрылась в глубине квартиры. Дверь в гостиную была открыта. Оттуда уже вынесли мебель в стиле Людовика XV, исчез и большой китайский ковер, а рабочие, взобравшись на стремянки, обтягивали стены черной материей.
Приготовления шли с размахом — гостиная была превращена в часовню. Вероятно, портного пригласили, чтобы заказать траурную одежду.
— Пройдите, пожалуйста, со мной.
Она провела их в кабинет или библиотеку, от пола до потолка уставленную стеллажами. Все книги были в тисненых переплетах. Наверняка мсье Морис их не читал.
Мягкие, удобные кресла. Тут же стоял маленький бар, внутри, должно быть, находился холодильник. Письменный стол, обитый красным сукном, был совершенно пустым.
Мебель кабинета была выдержана в английском стиле. В специальной шкатулке красного дерева, инкрустированной слоновой костью, вероятно, лежали дорогие гаванские сигары. Интересно, стояла ли здесь эта мебель и все остальное, когда Лина появилась в доме? Или, может быть, именно она придала квартире определенный стиль?
— Письменный стол, за которым почти не работали...— пробормотал Мегрэ, обращаясь к Жанвье.— Если бы ты видел мебель в гостиной. Как будто музей.
— Скоро ее превратят в самую настоящую часовню...
Послышались шаги, и они замолчали.

На ней было очень скромное платье из черного матового шелка, а на пальце бриллиантовое кольцо, которое она, по-видимому, никогда не снимала. Она на мгновение остановилась в дверях, и на лице у нее выразилось удивление. Взгляд ее переходил с Мегрэ на Жанвье. Возможно, ее удивило, что вместо одного человека она увидела двоих? Что она подумала? Быть может, этот визит показался ей более официальным, чем предыдущий?
— Инспектор Жанвье — один из моих основных сотрудников.
Она слегка кивнула головой.
— Извините меня, но я очень занята...
— Уверяю вас, мы тоже, и отнимаем у вас время не ради собственного удовольствия...
Они все трое стояли, так как хозяйка не предлагала им сесть, но Мегрэ сделал это без приглашения.
— Это долгий разговор?
— Думаю, что нет.
— Вы могли вчера спросить меня все, что вас интересует. Я была с вами откровенна. Его привезут сюда к семи часам.
Комиссар сделал вид, что не слышит. Осматривая комнату оценивающим взглядом, он спросил:
— Когда вы поселились в квартире четыре года назад, вся эта мебель уже стояла здесь?
— Не четыре, а пять,— поправила она.— Мы были женаты пять лет.
— А мебель?
— Она была куплена при мне, до этого стояла другая.
— Полагаю, менее роскошная?
— Другого типа.
— Кому из вас двоих пришла мысль сменить мебель?
— Моему мужу. Он не хотел, чтобы я жила в той же обстановке, что и его первая жена.
— Я у вас не спросил, подлинное ли все это. Вчера я любовался мебелью в гостиной.
— Все это подлинное,— сухо ответила она.
— Вы покупали мебель вместе?
— Нет, он предпочитал сам ходить по антикварным магазинам, чтобы приготовить мне сюрприз. Но я не понимаю, какое отношение эта мебель...
— Вероятно, это никак не связано со смертью вашего мужа, но мы из опыта знаем, что, когда совершено убийство, важна любая деталь. Ваш муж был очень богат?
— Я никогда не говорила с ним о деньгах. Я только знаю, что дела в ресторане шли весьма успешно, и он потратил немало усилий, чтобы так продолжалось и дальше.
— Он был очень влюблен?
— С чего вы это взяли?
— Никто не станет создавать подобную декорацию ради женщины, к которой равнодушен.
— Он меня любил.
— Бьюсь об заклад, что брак был заключен с условием общности имущества.
— Но это же естественно, разве нет?
— Когда состоятся похороны?
— Послезавтра в церкви Нотр-Дам де Лоретт. Затем, после отпевания, его перевезут в Бандоль, у нас там вилла, и похоронят на местном кладбище.
— Вы поедете в Бандоль?
— Конечно.
— Друзья тоже поедут?

— Нет. Не знаю. Это от меня не зависит.
— Еще один вопрос. Что будет с рестораном?
— Он будет работать. За исключением дня похорон.
— Кто будет теперь им заниматься?
Она мгновение колебалась.
— Я...— произнесла она иаконец.
— Вы полагаете, что у вас хватит опыта?
— Персонал так долго работал с моим мужем, что ресторан смог бы функционировать самостоятельно...
— Вам придется полностью изменить образ жизни...
Мегрэ поинимал, что ее раздражают эти, на первый взгляд, ничего не значащие вопросы, но он продолжал задавать их с наивно-простодушным видом.
— Поскольку я не нарушаю законы, мой образ жнзни никого ие касается, не так ли?
— Это я рассуждаю вслух... Здесь вы живете почти затворницей... Проводите вечера в одиночестве...
— Никто ие запрещал мне выходить...
— Знаю... Иногда вы ходнли в кино... Но у вас нет ни приятелей, ни подруг...
Вошла горннчная н в нерешительности остановилась.
— Рабочне спрашнвают, есть ли у нас какненибудь зеленые растення... Иначе комната выглядит пустой...
— Покажите нм растення на террасе.— И обращаясь к Мегрэ:
— Вы видите, мое присутствие необходнмо. Ваша настойчивость меня неприятно поражает, тем более что, как вы дали мне понять вчера, вы с симпатией относились к моему мужу...
— Постараюсь беспокоить вас как можно реже...
— Предупреждаю, что я решила больше вас не принимать.
— Сожалею, так как в этом случае буду вынужден вызывать вас на набережиую Орфевр. Ваш муж раиьше часто там бывал, до того как стал хозяином «Сардины». В те времена и виллы в Бандоле у него тоже не было.
— Вам непременно хотелось напомннть мне об этих неприятных вещах?
— Нет. В отличие от вас, он имел добрых друзей. Интересно, зиаете ли вы кого-нибудь нз ннх? Может быть, онн приезжали к нему летом в Бандоль? Например, братья Мори...
Если она и вздрогнула, то так незаметно, что он не мог быть в этом абсолютио уверен.
— А я должиа была их знать?
— Я задаю вам вопрос. Их двое. Манюэль и Джо... У них контора по импорту фруктов иа улице дю Кэр.
— Я не знаю ии того, ни другого...
— Они часто ужинали в «Сардине»...
— Куда я даже не заглядываю...
— И последний вопрос. Вы останетесь жить одна в этой огромиой квартире?
— Муж всегда просил меня об этом. Он также хотел, чтобы я сохранила ресторан и виллу в Бандоле. «Как будто я по-прежнему немного там присутствую»,— говорнл он.
— Он ждал, что с ним может такое случиться?
— Конечно, иет.
— Но он иоснл в кармаие оружие...
— Только тогда, когда при нем былн деньги... Все, кто регулярио носит крупные суммы, вооружены...
— Кстати, где он хранил деньги дома?
— В сейфе.
— А где он иаходится?
— За этим полотном Делакруа, налево от камина.
— Вы знаете шифр?
— Нет, придется приглашать специалиста нз фнрмы, где их производят.
— Благодарю вас.
Она поднялась, н чувствовалось, что она все время находится в напряжении. Казалось, теперь она мысленно прокручивала в голове вопросы, которые задал ей комиссар.
К чему, в конечном счете, все они велн? Мегрэ сам затруднился бы на это ответнть. Он все время испытывал какую-то неловкость. Что-то ему не нравилось.
Когда они с Жанвье вышли на улицу Баллю, солнце стояло еще высоко и сильно припекало.
— Вам не кажется, шеф, что она зиает больше, чем говорит?
— Могу дать голову на отсечение.
— Вы думаете, что она могла бы быть... Ну, скажем, соучастницей?
— В этом я пока не уверен, но дело это куда более запутано, чем ей хотелось внушить нам.
— Куда поедем?
— На улицу Фонтен...
В этот час посетителей в ресторане не было, и два официанта уже накрывали столики к ужину. Фрэдди, бармен, протирал бутылкн и ставил их на полку.
Комнссар направился прямо к нему.
— Где Комита?
— Он отдыхает в кабинете патрона.
— Уже?
— Что вы имеете в виду?
— Мосье Марсиа еще ие похоронили, а он уже делает то, что ему заблагорассудится.
— Вы ошнбаетесь. И при жнзни мсье Мориса у Рауля была прнвычка посидеть часок с закрытыми глазами в одном нз кресел кабннета.
— Вы знаете, что похороны состоятся послезавтра?
— Мне еще не сообщилн.
— Ресторан будет закрыт, чтобы все служащие могли присутствовать.
— Так всегда делают в подобных случаях.
— Затем тело отвезут н похоронят в Бандоле.
— Меня это не удивляет. Шеф родился в деревне, где-то между Марселем и Тулоном, и каждый год закрывал ресторан на месяц, чтобы отдохнуть на своей внлле в Бандоле...
— Как вы думаете, что станет с рестораном?..
— Мне все равно. Обязательно найдется человек, чтобы им управлять. Ведь это золотое дно...
— Отныне у вас будет не хозяин, а хозяйка.
— Кроме шуток?
— Мадам Марсиа решила занять место своего мужа.
Фредди скривился, но потом бросил:
— В конце концов, это ее лнчное дело.
— Вы ее знаете?
— С тех пор как она стала выступать в «Табарене». Я работал там два года перед тем как перейти в «Сардину». Она выступала как танцовщица.
— Что вы о ией думаете?
— У меня редко выпадал случай поговорить с ней. Иногда она заходила в бар. Вот и все. Мне ка-

залось, что она важничает. Здесь на Монмартре мы привыкли к приветливым девушкам. И все-таки в ней есть природный шик, этого у нее не отнимешь. Наверное, она из порядочной семьи, я не удивлюсь, если она получила хорошее образование.

— Братья Мори по-прежнему часто заходят в ресторан ужинать?

Фрэдди не почувствовал в этом вопросе подвоха.

— Время от времени... Не регулярно... Знаете, импорт фруктов такое дело, что приходится вставать ни свет ни заря...

— Они всегда ходили в приятелях патрона?

— Мсье Морис подсаживался на минутку к их столику, как и к другим завсегдатаям... Случалось, он угощал их лучшим коньяком из своих запасов.

— Но мадам Марсиа никогда не приходила?

— Никогда...

— Вы не знаете, почему?

— Полагаю, потому, что мсье Морис был ревнив... Она очень хороша собой, многие любят женщин такого типа. К тому же между ними было больше тридцати лет разницы...

Он посмотрел в глубь зала.

— А вот и Рауль! Снова на своем посту.

Метрдотель уже их заметил, он подошел и подал руку Мегрэ, а потом Жанвье.

— Вы пришли ко мне?

— Мы хотели увидеть вас, но на то нет особой причины. Я уже сказал Фрэдди, что панихида состоится послезавтра в церкви Нотр-Дам де Лоретт...

— Значит, закроем ресторан... Было бы разумнее предупредить меня раньше. Ведь теперь на мне лежит вся ответственность за дело... Я здесь работаю уже шестнадцать лет, а она...

Он замолчал в смущении. У него едва не вырвалось:

— А она спала с ним не больше пяти лет...

— Вы знаете, кто сменит в ресторане мсье Марсиа?

— По вашему тону я уже догадываюсь. Впрочем, я уже думал об этом вчера. Разумеется, она?

— Да, она. А вы с ней знакомы?

— Я видел ее в Бандоле. Хозяин знал, что я отдыхаю на Лазурном берегу, и пригласил меня поужинать с ними на вилле... В таком доме приятно доживать свой век... Вилла не очень большая, не очень помпезная, но настоящая, добротная... Я сам тоже с Юга... Немного разбираюсь в старинной провансальской мебели... Такую, как у мсье Мориса, я встречал редко...

Он повернулся к Фредди:

— Ты еще не обслужил этих господ? Что будете пить?

— Пиво...

— Мне тоже,— смущенно сказал Жанвье.

А Комита вздохнул:

— Да, забавная ситуация, патрон — женщина... Заведение будет похоже на бордель!..

— Некоторые клиенты наверняка будут чувствовать себя в привычной обстановке...

— Вы ведь знаете, здесь бывают и министры, и художники, и режиссеры, и даже банкиры, адвокаты, врачи, не считая, как вы сейчас заметили, уголовников в прошлом...

— Братья Мори приходят сюда по-прежнему?

Он немного помедлил с ответом.

— Время от времени. Что касается меня, я их всегда недолюбливал, особенно Манюэля. Этот тип не прочь пустить пыль в глаза. У него сногсшибательные машины, поглядеть на него — так с виду он богат, как Крез. А ведь делами по импорту заправляет братец Джо... Манюэль даже не показывается в конторе на улице дю Кэр и большую часть времени проводит в Довиле, в Туке или еще где-нибудь...

— С женщинами?

— Ну, в них-то у него недостатка нет. Ведь он красивый парень, но все так, мимолетом, ничего серьезного. Впрочем, это не мое дело. Мне кажется, хозяин неплохо к нему относился...

— Меня удивляет одно. Мсье Морис, судя по всему, очень любил жену и ревновал ее. Он оставлял ее дома только с кухаркой и горничной... Но, если я правильно понял кассиршу, по ее словам, он даже не утруждал себя и не звонил ей, хотя бы пожелать спокойной ночи.

— Ну уж, вовсе нет!

— Что вы имеете в виду? Выходит, кассирша соврала?

— Нет, она не соврала, но ведь ей известно не больше, чем мне. Хозяин часто сидел у себя в кабинете и телефон был переключен к нему... И тогда он мог звонить кому угодно...

— Часто так бывало?

— Раза два за вечер...

— Вы думаете, что он звонил жене?

— Наверное, у него были и другие дела, но ей он тоже мог звонить.

— А если ее не было дома...

Метрдотель молча посмотрел на комиссара.

— Надо полагать, этого никогда не случалось,— произнес он после недолгой, но достаточно красноречивой паузы.

Кассирша уселась за маленькой конторкой и стала готовить кассу.

— Вы позволите мне сказать ей пару слов?

— Здесь командуете вы, комиссар.

И поскольку Мегрэ собирался уплатить за два пива, добавил:

— Это за счет ресторана...

— Добрый вечер, мадмуазель!

— Добрый вечер, господин комиссар!

— Вчера вечером или, вернее, сегодня рано утром вы мне сказали, что мсье Морис редко просил вас соединить его по телефону.

— Именно так.

— Однако же почти каждый вечер он звонил жене!

— Этого я не знаю. Случалось, что он переключал телефон к себе в кабинет. Тогда мне было неизвестно, кому он звонил...

— Это было всегда в определенное время?

— Не раньше одиннадцати... Чаще за полночь, около половины первого...

— Он не звонил в другие города?

— Время от времени. Я это знаю по телефонным счетам. Оплачивать их — моя обязанность.

— Он звонил всегда в один и тот же город?

— Нет... Чаще всего в маленькую деревню, которую я с трудом нашла по карте: Эгланд на Уазе.

— Вы знаете, что у вас скоро вместо хозяина будет хозяйка?

— Я так и предполагала.

— И что вы думали по этому поводу?

— Это всегда малоприятно. Впрочем, поживем — увидим.

Теперь в баре расположились двое клиентов. А Мегрэ с Жанвье уселись в машину.

— На набережную, шеф?

— Может быть, мне поехать домой? Что-то я разленился. Страшно утомительно задавать вопросы, толком не зная, зачем.

— Вы считаете, что убийство Марсиа было преднамеренным?

— Нет... Или же это одно из самых странных преступлений, с которыми мне довелось столкнуться.

— Вы все время упоминаете братьев Морн.

— Они давно у меня на подозрении. И я неспроста говорил о мебели, к великому удивлению мадам Марсиа... Морис был человеком примитивным, без всякого художественного вкуса и вот постепенно он пополнял свой интерьер антикварной мебелью, настоящими музейными экспонатами.

— Ограбление замков?

— Весьма возможно. Во всяком случае во всем чувствуется безупречный вкус. Я собираюсь прнгласить эксперта для осмотра квартиры. Если вся эта мебель и предметы обстановки куплены у антнкваров, где-то должны быть счета.

— Вы думаете, что Лина Марсиа в курсе дела?

— За это я не поручусь, как, впрочем, и в обратном... Уж слишком настойчиво она повторяла, что никогда не ходила вместе с мужем покупать мебель.

Они попали в час пик, на улицах были пробки, н добраться до бульвара Ришар-Ленуар оин смогли только за сорок пять минут.

— До завтра, Жанвье.

— До завтра, шеф.

Перед тем как подняться по лестнице, Мегрэ вытер пот со лба.

— Кто-то звонил тебе трижды, но не захотел оставить свой номер телефона. Он обещал позвонить позднее.

— Мужчина или женщина?

— Я не разобрала. Он повторял, что дело очень важное. Что речь идет о жизненно важном деле.

И это в тот момент, когда Мегрэ наконец, расслабившись, собрался сесть за стол у открытого окна...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Только около девяти часов зазвонил телефон, и Мегрэ бросился к аппарату, по дороге выключив телевизор.

— Алло! Комиссар Мегрэ?

Наконец, он услышал тот самый, пресловутый голос.

— Вы меня не знаете, но я вас знаю. Я видел вас сегодня днем, когда вы навещали Лину Марсиа, и позже, когда шли в «Сардину».

Комиссару уже говорили, что этот голос мог принадлежать и мужчине, и женщине. Мегрэ бы сказал, что это говорнт подросток, который крнвляется, и ему пришло на ум странное, ничего не значащее слово — щелкунчик. Голос становился то визглнвым, то совсем низким — басовым.

— Кто вы?

— Мое нмя вам ннчего не скажет. Инспектору Луи оно тоже неизвестно, хотя я звоню ему уже много лет подряд. И довольно часто. Я пытался поймать его сегодня, но его нет ни дома, ни на работе. Тогда я решнл обратиться прямо к вам. Скажите, когда вы его арестуете?

— Кого?

— Вы знаете не хуже меня. Мори... Манюэля Мори, я имею в виду старшего.

Мегрэ услышал, как провалилась монета. Незнакомец звонил из автомата.

— Это не терпит отлагательств, господин комиссар... Для меня это вопрос жнзни и смерти... Я сразу заметнл, что ваш инспектор на хвосте у братьев Мори... Мори — профессионалы и наверняка заметили тоже. Значит, они догадались, что кто-то на них стукнул, а они меня знают и поймут, что это моих рук дело. Прошу вас арестуйте, хотя бы Манюэля... Из них двоих он опаснее... Это он стрелял в мсье Мориса...

— Почему?

На другом конце провода вдруг наступила тишина, и Мегрэ нахмурил брови. Ждал он довольно долго, но телефон по-прежнему молчал.

Звука опускаемых монет слышно не было, а только зловещее безмолвие.

— Он хотя бы назвал себя? — спросила мадам Мегрэ.

— Нет. Он многое знает, и это для него опасно.

Наконец Мегрэ лег спать, мрачный, встревоженный. Он был бессилен защитнть человека, не зная, ни как его зовут, ни как он выглядит.

Когда он на следующее утро пришел на набережную Орфевр, было уже довольно жарко. Первым, кого он заметил, был инспектор Луи, который ждал его, сидя на одной из скамеек в длинном корндоре.

— Вы ко мне?

— Да, господин Днвизионный комиссар.

— Есть новости о вашем добровольном осведомителе?

— Да. Он звонил мне за полночь. Он прервал разговор с вами, потому, что увидел через стекло кабины кого-то из знакомых, кому не хотел попасть на глаза... Он мне тоже звонил, что, пока братья Морн будут на свободе, он больше не проявится и на время исчезнет.

— Вы и вправду считаете, что ему угрожает опасность?

— Конечно. Иначе он об этом бы не говорнл.

— Какпе слухи ходят на Монмартре?

— Говорят, кто-то из них — то ли Манюэль, то лн мсье Морнс сводили счеты. Оба былн вооружены. Вероятно, Мори оказался проворнее.

— А причнна преступления?

— Когда я пытался завести разговор на эту тему, мне в ответ только улыбались и молчали.

— Вы считаете, что Мори был любовником Лнны Марсиа?

— Я об этом думал. В этом случае она рнсковала не только безбедной жизнью, но, вероятно, и головой...

— Вы проходили сегодня по улице Баллю?

— Да. На дверях уже висят черные драпнровки, у дома толпятся люди, входят и выходят.

— Кто онн? Вы их узнали?

— Кого там только нет... Мелкие торговцы... Владельцы ресторанов... Девицы нз ночных кабаре... Сутенеры...

— Мне бы стоило взглянуть самому.

Комиссар вызвал Жанвье и велел готовить машину.

— Поедемте со мной, мсье Луи... Вы знаете этих людей лучше, чем я...

Возле дома Марсиа на улице Баллю собрались небольшие группы людей, словно похороны были назначены на сегодня. Драматическая смерть мсье Мориса была событием дня для всего Монмартра н об этом говорили шепотом.

— Войдем!

Они поднялись на второй этаж. На лестнице царила тишина. Дверь в квартиру была приоткрыта В холле пахло восковыми свечами и хризантемами. Цветов и венков принесли столько, что их некуда было класть и теперь уже не понадобились бы зеленые растения, чтобы просторная гостиная не выглядела пустой.

Лина стояла у дверей в глубоком трауре, склоняя голову перед каждым посетителем и пожимая протянутые руки. Лицо ее казалось застывшим, непроницаемым.

Увидев Мегрэ, она состроила недовольную гримасу, словно желая упрекнуть его за приход н неуважение к покойному.

— Примите самые искренние соболезнования,— пробормотал он.

— Только этим и занимаюсь.

Гроб еще не закрыли. Морис Марсиа лежал в парадном костюме, со спокойным лицом и, казалось, даже с ироничной улыбкой на губах. В гостиной, обтянутой черной материей, тканной серебром, горела дюжина свечей, и во всем доме пахло воском.

Посетители на минуту подходили к гробу и склоняли головы перед покойником, одетым, как для торжественной церемонии.

— Вы кого-нибудь узнаете? — прошептал Мегрэ.

— Одного или двух сутенеров... А вот хозяин «Сан-Жен» с женой, она совладелица заведения...

— Вы думаете, так может продолжаться целый день?

— Наверняка. А завтра в церкви Нотр-Дам де Лоретт будет слишком тесно, чтобы...

Они задержались вместе с другими прохожими на противоположном тротуаре, чтобы посмотреть, как входят и выходят посетители.

— Вот они...

На углу улицы остановился красный «ягуар», и из него вышли двое еще очень молодых людей. Оба элегантные, видные парни с презрительным взглядом.

Их здесь знали, и им это было прекрасно известно. Они шли посредине улицы, приветствуя многочисленных знакомых. Когда старший заметил Мегрэ, он минуту колебался, а потом направился прямо к нему.

— Вы причиняете много неудобств, комиссар, мне и моему брату, устраивая за нами слежку. Чтобы вам сэкономить на агентах, могу дать подробный отчет о своем времяпрепровождении. Сегодня днем, например, мы с Джо находились на улице дю Кэр, получали большие партии товара. Завтра, после панихиды, я поеду в Бандоль. Ну, а вы, Луи, можете продолжать шарить по всем углам и слушать сплетни... Марсиа стоил большего...

Явно довольный собой, он повернулся к брату, и они вошли в дом.

— Теперь вы смогли сами убедиться, что это за тип,— пробормотал инспектор Луи.— Хищник с острыми зубами, который считает себя умнее всех остальных...

— Я хотел бы расспросить его консьержку.

— Она работает только днем... Ночью ее замещает муж, он спит в привратницкой на раскладушке. Его зовут Виктор и его хорошо знают в этом квартале... Это отпетый пьяница, весь день он только и делает, что пьет то в одном бистро, то в другом...

— А можно его найти?

— Попробуем... Начнем с улицы Лябрюйер и площади Сен-Жорж.

В каждом бистро инспектор Луи выпивал стакан Виши с клубничным сиропом, а Мегрэ за все время выпил лишь две кружки пива.

— Вы не видели Виктора?

— Он ушел полчаса назад и, наверное, вернется, потому что еще мало выпил.

Когда Мегрэ и инспектор обнаружили наконец Виктора в шестом по счету бистро, он уже здорово набрался.

— Смотрите! Инспектор Луи... Бутылочку Виши инспектору!.. А вы, толстяк...

Это был подонок, какие ютятся под каждым мостом. Рубаха была расстегнута на груди, оторванный карман висел на нитке.

— Бьюсь об заклад, вы ко мне... А это что за тип?.. Врач?..

— Зачем вам врач?

— Это уже не первый раз... Они пытаются запрятать меня подальше, а ведь я никого даже пальцем не трону...

Это его самого рассмешило.

— Это комиссар Мегрэ...

— Я уже где-то слышал это имя... Зачем я ему понадобился?

— Вы спите в привратницкой по ночам?

— Да, с тех пор как жена заболела и врач велел ей побольше отдыхать.

— Сколько жильцов в доме?

— А я их никогда не считал... По две квартиры на каждом этаже н в среднем по три человека в квартире... Считайте сами... Я уже давно не в ладах с арифметикой...

— Вы хорошо знаете Манюэля Мори?

— Это мой приятель...

— Да ну?

— Правда. Иногда, когда возвращается, он приносит мне бутылку. Другим и в голову не придет, что мне хочется промочить горло...

— Обычно он поздно возвращается?

— Смотря что вы считаете поздно... Дай-ка мне еще этого, Гастон.

Струйка красного вина потекла по его небритому подбородку.

— В полночь?

— Что в полночь?

— Он возвращается в полночь?

— Или в пять утра... По-разному... Когда к нему приходила его подружка...

— Вы хотите сказать, что он возвращался домой с женщинами?

— Нет, мсье. Не с женщинами. С женщиной.

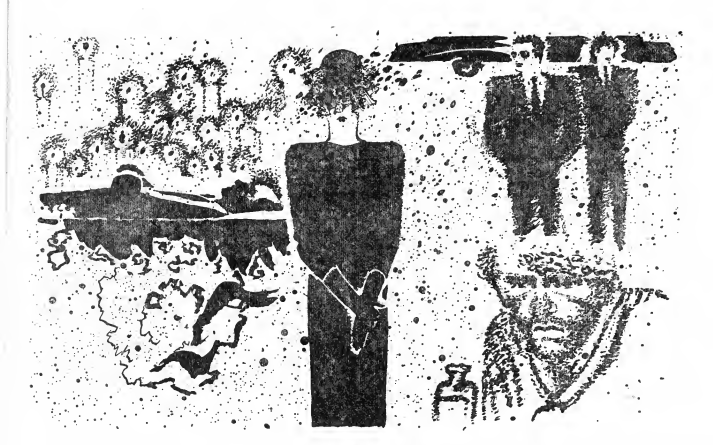
— С одной и той же?

— Да, с одной и той же, вот именно...

— Высокая?

— Не такая высокая, как он, но повыше меня.

— Худая? Блондинка?

— А почему бы и нет?

— Она оставалась у него на всю ночь?

— Вовсе нет... Не угадали... Она проводила с ним не больше одного-двух часов...

— Вы знаете, как ее зовут?

— Я не из полиции. А вы-то хоть знаете мое имя?

— Виктор...

— Виктор, а дальше? Вы думаете, у меня нет фамилии, как у всех людей? Так вот, моя фамилия Макуле, как у моего отца, у матери, а родился я возле Арра... Что вы на это скажете?

— Он приносил вам бутылку, когда приходил с ней?

— Постойте!.. Я об этом не думал... Похоже, что так... По крайней мере, в последний раз...

— Когда она была в последний раз?

— Вчера?.. Нет... Позавчера... Я иногда путаю, потому что у меня все дни и ночи одинаковы... Это было в ту ночь, когда жильцы второго этажа, как они говорят, устраивали «прием». Потолок надо мной ходил ходуном и без конца хлопали бутылки с шампанским.

— На каком этаже живет Мануэль Мори?

— На четвертом. У него, поверьте мне, прекрасная квартира... А мебель он покупал не на распродаже, не по дешевке... Например, спальня у него обтянута желтым шелком... Что вы на это скажете?

— Они приехали вместе?

— Он всегда приходит вместе с ней... Не знаю, может быть, боится, что кто-нибудь ее свистнет...

— Никто не приходил в ту ночь, когда Мори и его подружка были наверху?

— Дайте вспомнить... Черт подери, когда работаешь мозгами, прямо в горле пересыхает. Угостили бы бутылочкой...

Мегрэ сделал знак хозяину в голубом фартуке принести вино.

— Знаете, ведь я не замечаю людей, которые проходят. Они звонят, а я даже не всегда до конца просыпаюсь... Это, конечно, не надо рассказывать управляющему домом, он и без того порядочная сволочь... Так вот, когда жильцы проходят мимо застекленной двери, они называют свое имя. В эту ночь какой-то тип, он был один, это точно, назвался Мори... А я и подумал... Вот странно... Ведь он уже недавно проходил со своей дамочкой. Правда, он мог выйти купить бутылку... Или это был не он, а его брат... Их двое... Вы знаете, что их двое? Он набрал код и поднялся наверх.

— По лестнице или на лифте?

— Вот этого я не знаю. Я снова заснул...

— Вы не видели, как он выходил?

— Когда выходят, можно открыть дверь изнутри.

— Никто не выходил, не хлопал дверью?

— Как это не выходил! Компания, которая кутила на втором этаже... Они все были в стельку пьяные, даже женщины орали на лестнице во все горло...

— Вы вставали, чтобы посмотреть?

— Нет. Я слышал, как дверь закрылась, и все.

— А подружка?

— Какая подружка? И что у вас за манера, говорите обо всех сразу. Вы имеете в виду жильцов со второго этажа или Мори?

— Мори и его любовницу.

— Ладно... Теперь ясно... Хотя вы забыли про брата...

— Он вышел один?
— Брат? Я даже не знаю, был ли это его брат...
— Еще бутылку! — заказал Мегрэ, вытирая испарину со лба.— Хорошо. Будем говорить гость.
— Я не слышал, как он проходил мимо привратницкой.
— А девица?
— Если бы вы ее видели, вы бы не называли ее так. Это настоящая дама...
— Ну, а дама?
— Она оставалась наверху не более получаса...
— Вы видели, как она уходила?
— Нет, нет и нет... Если бы я поднимался всякий раз, когда кто-нибудь выходит из дома, то не стоило бы вообще ставить раскладушку.
— А может быть, потом Мори выходил с тяжелым пакетом?
— Прошу прощения, не видел ни Мори, ни пакета, но слышал, как отъехала машина, она здорово грохочет, когда трогается с места.
— В котором часу он вернулся?
— Не знаю. Но когда он, проходя, назвал свое имя, я подумал, что они там, на четвертом, совсем с ума посходили. А может быть, из-за бутылки...
— Он что, принес вторую бутылку?
— Нет. Но первая была не сухое, красное, как эта, а коньяк...
— Спасибо, Виктор,— сказал Мегрэ, уплатив по счету.
На улице комиссар пробормотал:
— Кажется, ваш осведомитель...
— Какой осведомитель?
— Да тот, который время от времени звонит вам и сообщает разные сведения...
— Я никогда его об этом не просил... Я его даже не знаю.
— Досадно, он, видимо, хорошо осведомлен. После того что я сейчас услышал, мне стало ясно, чего он боится. Вам кажется, что Мори способны его прикончить?
— Либо поручить кому-нибудь... Я считаю, что они способны на все.
— Я вот думаю, не попросить ли сейчас у следователя ордер на их арест...
— Обоих?
— Если младший так же опасен, как Манюэль...
— А мне как действовать?
— Вы будете продолжать собирать сведения в квартале. Обстановка там сейчас для этого благоприятная, все взволнованы, должно быть, только об этом и говорят, рассказывают друг другу то, что узнали...
— Вы арестуете их сегодня?
— Сначала повидаю на улице дю Кэр.
Однако Мегрэ зашел в кабинет следователя по фамилии Бутэй. Это был человек лет пятидесяти, он давно знал Мегрэ.
— Добыли уже мне убийцу?
— Не совсем... Но я уже стал лучше разбираться в этом деле.
Мегрэ рассказал то, что знал. Оба сидели друг против друга и курили трубки.
Когда комиссар закончил свой рассказ, следователь проворчал:
— С уликами не густо...
— Мне хотелось бы, когда я к ним пойду, чтобы у меня в кармане лежал ордер на арест... И ордер на обыск.
— На имя обоих?
— Так было бы лучше всего. Я не знаю, где скрывается осведомитель. Джо, кажется, не менее опасен, чем Манюэль.
Следователь Бутэй повернулся к секретарю:
— Приготовьте два ордера на арест братьев Мори, Манюэля и Жозефа...
Мегрэ назвал адреса обоих.
Следователь проводил его до двери.
— Эта история скоро наделает много шума.
— Шум уже есть.
— Знаю... Читал в газетах...
Одна из статей была озаглавлена:
«Морис Марсиа — глава гангстеров — убит соперником?»
Другая статья намекала на то, что квартал Пигаль хранит немало секретов, а полиция слишком часто закрывает на все это глаза.
«Похоже, следствие будет непростым. Интересно, станет ли когда-нибудь известен финал этой истории?»
«Завтрашние похороны обещают собрать много народа, поскольку хозяин «Сардины» имел друзей не только в своем квартале, но и по всему Парижу».
«Что касается комиссара Мегрэ — он отказывается от всяких заявлений. До сих пор неизвестно, поедет ли он завтра в Бандоль. Он только повторяет: «Следствие продолжается»...»

Улица дю Кэр находилась рядом с Центральным рынком, где еще не успели снести торговые павильоны, но вся деятельность была прекращена — рынок перенесли в Рэнжи.
На этой улице размещались конторы оптовиков, склады, а также небольшие отели, где постояльцы надолго не задерживались, и убогие бистро.
Когда Мегрэ вышел из такси, он заметил двух инспекторов, которые ходили взад и вперед по тротуару. Сначала он удивился, почему их двое, но тут же сообразил. Один занимался Манюэлем Мори, другой его братом Джо.
— Вы знаете, ребята, что они вас заметили?
— Потому-то мы и не прячемся. Старший спокойно подошел ко мне и сказал, пуская сигаретный дым прямо мне в лицо, как в кино:
— Не нужно играть в прятки, малыш. Я знаю, что ты здесь, и не стану убегать...
Склад представлял собой длинное пустое помещение без витрины. На ночь его закрывали железной шторой. Посредине склада разгружали грузовик. Один из рабочих в серой блузе, стоя в кузове, передавал ящики с фруктами своему напарнику, а тот подхватывал их на лету и ставил вдоль стены.
В нескольких метрах от него стоял Джо Мори, руки в карманах, с сигаретой в зубах, лениво наблюдая за разгрузкой. Увидев Мегрэ, он не стал хмурить брови и не двинулся ему навстречу.
В правом углу склада, ближе к улице, находилась контора с застекленной дверью, где Манюэль, в сдвинутой на затылок шляпе, просматривал стопку счетов. Он, конечно, тоже увидел комиссара, но даже не пошевелился.
Мегрэ толкнул дверь, уселся на единственный свободный стул и стал набивать трубку.
Первым не выдержал Манюэль и пробормотал:
— Я ждал вас.
Мегрэ по-прежнему молчал.

— Я только что звонил своему адвокату. Он тоже находит, что вы слишком много говорите, и вы, и инспектор в трауре, который уже целую вечность бродит по Монмартру. Вы оба задаете слишком много вопросов слишком многим людям.

Мегрэ старательно раскуривал трубку, словно ие придавая иикакого значения словам Манюэля.

— Иногда коварные вопросы могут причинить столько же вреда, как и прямые обвинения, а это уже пахнет оскорблением личности. Что касается меня и моего брата, иам это безразлично, ио вы впутываете в это дело других лиц. А вот Блоха может дорого поплатиться за то, что лезет не в свои дела.

Таким образом от одного из братьев Мори Мегрэ узнал, иаконец, прозвище человека, который звонил ему накануне, а до этого регулярно снабжал информацией по телефону инспектора Луи.

— Где вы были позавчера в половиие первого ночи?

— У себя.

— Нет. Вы были там на полчаса раньше, в двенадцать ночи, и не одни.

— Я вправе принимать у себя дома кого хочу.

— Но не убивать тех, кто к вам приходит.

— Я никого не убивал.

— Я уверен, что вы не храните у себя никакого оружия, даже револьвера тридцать второго калибра.

— К чему он мне?

— В эту ночь вы нашли ему применение. Разумеется, вы всегда будете вправе заявить, что действовали в качестве необходимой самообороны.

— Мне не от кого было защищаться.

— Я хочу осмотреть вашу квартиру.

— Попросите у следователя ордер на обыск.

Мегрэ достал ордер из кармана и показал его Манюэлю вместе с двумя ордерами на арест.

Было очевидно, что Мори этого не ожидал. Он не смог сохранить невозмутимость — вздрогнул и уронил пепел сигары на пиджак.

— Что это значит?

— Только то, что обычно означают подобные бумаги.

— Вы меня уведете?

— Пока не знаю. Возможно. Вы по-прежнему возражаете, чтобы я осматривал вашу квартиру?

Манюэль поднялся, пытаясь обрести привычную самоуверенность, и приоткрыл дверь.

— Послушай, Джо. Иди-ка сюда на минутку!

Его брат снял куртку и засучил рукава белой рубашки.

— Ты понимаешь, что означают эти бумаги или нет? Тут одна для тебя, другая для меня и еще одна общая для нас обоих, ордер на обыск. У тебя в стенном шкафу случайно не спрятан труп?

Младший Мори не смеялся. Он внимательно читал ордера.

— И что дальше? — спросил он.

Неизвестно было, к кому он обратился, к брату или к Мегрэ.

— Когда я закончу все дела с вашим братом, я поеду к вам в отель, а вы меня там подождете.

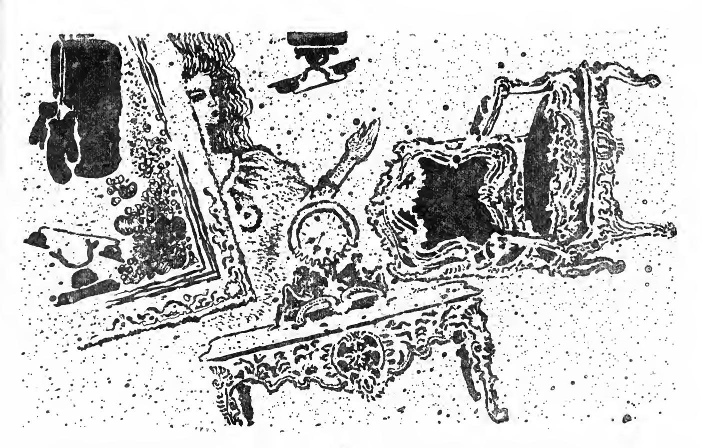
— У вас есть машина? — спросил Манюэль.

— Такси.

— Может быть, я вас отвезу?

— Нет. Но я прошу вас ехать следом за моим такси, ио не перегонять.

Мегрэ захватил с собой инспектора, который отвечал за Манюэля.
— Куда поедем?
— К нему домой, улица Лябрюйер.
— Он едет за нами.
— Именно это я и попросил его сделать.
Это было в двух шагах от улицы Фонтен. Квартира Марсиа на улице Баллю тоже в двух шагах от ресторана. Джо жил в отеле «Острова» на улице Трюден, в пяти минутах ходьбы.
— Его хоронят завтра?
— Завтра панихида, а потом тело перевезут в Бандоль, где и состоятся похороны.
Семиэтажный дом был современной постройкой. Здесь жили богатые люди.
— Что мне делать? Подняться с вами?
— Лучше остаться внизу.
Красный «ягуар» остановился позади такси.
— Я вам покажу дорогу.
Они прошли мимо привратницкой, на окошке зашевелилась занавеска.
— Четвертый этаж.
— Знаю...
— Если не возражаете, поднимемся со мной в лифте.
— Давайте.
— А вы не боитесь? Ведь я моложе и сильнее вас.
Мегрэ только посмотрел на него, как смотрят на мальчишку, который зарывается.
Манюэль достал из кармана ключ, открыл дверь и пропустил комиссара вперед.
— Как видите, я не держу служанку. Одна женщина приходит сюда каждый день и ведет хозяйство, но не раньше полудня. Я обычно в это время еще сплю.
Гостиная была небольшая, особенно по сравнению с гостиной на улице Баллю, но обставлена также дорогой мебелью. Из нее вела дверь в столовую, где висел натюрморт Шардена, изображавший фазанов в корзине. Он показался Мегрэ подлинником.
— Шарден?
— Полагаю.
— Вы любите живопись?
— Ценю. Если торгуешь помидорами и фруктами, это еще не значит, что ты равнодушен к искусству.
В голосе чувствовалась ирония. Кровать в спальне была не убрана. Это была единственная комната, обставленная в современном стиле, очень светлая, радующая глаз. К ней примыкала довольно просторная ванная, посреди которой висела боксерская груша.
— Конец осмотра. Вы все видели.
— Еще не все. В спальне чего-то не хватает.
— Чего?
— В центре комнаты лежал небольшой ковер; на покрытии, закрывающем пол, осталось светлое пятно.
Мегрэ наклонился.
— Кстати, тут видны ворсинки цветных ниток, вероятно, от исчезнувшего ковра.
— Ищите его.
— Я не стану заниматься этим бессмысленным делом. Вы позволите?
Он снял телефонную трубку и попросил соединить его с Уголовной полицией, потом с лабораторией.
— Это вы, Мёрс? Говорит Мегрэ. Я хотел бы, чтобы вы захватили двух-трех человек и приехали на улицу Лябрюйер... Там возле парадной дежурит наш инспектор... Поднимитесь на четвертый... Что я ищу? Да что попадется...
Теперь уже с Манюэля слетела его пресловутая спесь.
— Они сейчас придут и перевернут квартиру вверх дном.
— Вполне возможно.
— Смею вас уверить, что ковра, о котором вы говорите, никогда не существовало.
— Тогда мы будем знать, откуда взялись эти цветные нитки.
— Это от пальто моей приятельницы.
— Нет. Мадам Марсиа, Лина, если предпочитаете, женщина со вкусом и не стала бы носить красно-зелено-желтое пальто...
— Полагаю, мой адвокат имеет право присутствовать при обыске?
— Я не возражаю.
Теперь телефонную трубку снял Манюэль.
— Алло! Будьте любезны, я хотел бы сказать несколько слов мэтру Гарсену... Просит Манюэль Мори... Дело очень срочное...
Его явно лихорадило.
— Гарсен?.. Старина, я звоню вам из дома... Здесь комиссар. У него ордер на обыск. Он обнаружил на покрытии пола ниточки, которые ему не нравятся... Он сразу же вызвал людей из Отдела установления личности... Может быть, вы бы подъехали?.. Что вы говорите? Я обязан позволить им рыться в шкафах и в ящиках?.. Это еще не все... У него один ордер на арест брата и второй на мое имя... Нет... Он мне сказал, что не знает, воспользуется ли ими. Давайте условимся. Если я вам позвоню, допустим, до четырех часов, делайте все возможное, чтобы нас вызволить... У меня нет желания провести ночь в мышеловке... Не говоря уже о том, что завтра панихида, а потом я собирался поехать в Бандоль на похороны... Она чувствует себя хорошо... Спасибо, старина... До скорого...
Разговор с адвокатом его немного подбодрил.
Он был удивлен, когда Мегрэ сказал ему:
— Если бы вы меня предупредили, что собираетесь в Бандоль...
— А что бы это изменило?
— Я не стал бы заниматься ордерами. Я не подумал о Лине, ей наверняка потребуется ваша поддержка.
— Что это вы вбили себе в голову?
— То, что в квартале Пигаль знают все... Теперь вас уже не посещают, как раньше, по две-три подружки в неделю?
— Моя личная жизнь касается только меня...
— Вы вправе спать с женой друга, это верно, но не имеете права стрелять в него в упор.
В дверь позвонили. Вошел Мёрс в сопровождении двух помощников с чемоданчиками в руках.
— Сюда... Это в спальне... Нет смысла и спрашивать у вас, что находилось здесь, на этом выцветшем участке.
— Разумеется, ковер.
— На покрытии пола остались нитки... Я хотел бы, чтобы их собрали и исследовали... В любом случае нужно как следует осмотреть всю квартиру... Мне было бы интересно найти здесь планы поместий или замков. Или, например, переписку с иностранными антикварами или торговцами картин.
Мори был ошеломлен и не пытался этого скрыть.

— Это что еще за новости?

— Пока лишь идея, витающая в воздухе, но она может во что-то вылиться. Не буду вам мешать, Мёрс. У меня есть еще одно дело... Там вы мне тоже, вероятно, понадобитесь.

И повернувшись к Мануэлю:

— Вас я оставляю тоже. До нового приказа вы остаетесь на свободе, но вам запрещается выезжать из города...

— А в Бандоль?

— Это я вам сообщу завтра утром.

— Я могу позвонить Лине?

— Вы ведь пойдете к ней.

Мануэль пожал плечами.

— Раз уж вы так осведомлены, не буду отрицать. Тем более что мы не сделали ничего плохого.

— Я вам этого искренне желаю.

Несколько минут спустя Мегрэ входил в отель «Острова». Он не относился к разряду шикарных гостиниц, но был достаточно комфортабельным и на редкость чистым. Здесь, вероятно, подолгу жили одни и те же постояльцы. Он обратился к дежурной:

— В каком номере остановился Джо Мори?

Девушка по другую сторону конторки смотрела на него, улыбаясь.

— Третий этаж, номер двадцать два, мсье Мегрэ.

— Он сказал вам, что ждет меня?

— Нет. Он сказал, что к нему должны придти, но я сразу узнала вас, как только вы вошли.

Мегрэ поднялся на лифте и постучал в двадцать второй номер. Ему сразу открыли. Это был Джо, он ушел со склада, чтобы быть дома, когда придет комиссар.

— Что вы сделали с моим братом?

— Я оставил его дома. Правда, вместе со специалистами из Отдела установления личности, они тщательно исследуют его квартиру.

— Вы его не арестовали?

— Завтра он понадобится Лине... Он должен ехать в Бандоль... А вы?

— Я не собирался туда ехать... О какой Лине вы говорите?

— Бросьте... Это уже дело прошлое... Ваш брат признался, что был ее любовником...

— Я вам не верю.

Они находились в маленькой гостиной с обивкой серо-жемчужного цвета, немного старомодной, но достаточно приятной. Поколебавшись, Джо потянулся к телефону и набрал номер брата.

Мегрэ, руки за спину, осматривал все вокруг, наугад открыл одну из дверей и столкнулся с молодой женщиной в незастегнутом, наброшенном на голое тело пеньюаре.

— Полагаю, вы любовница Джо? Вопрос, конечно, праздный, потому что я застал вас в спальне возле разобранной постели, а на кресле лежит ваша одежда.

— А что в этом плохого?

— Ничего. Сколько вам лет?

— Двадцать два.

Мегрэ услышал голос Джо, говорившего по телефону:

— Он уже с ней... У меня не было времени... Но ты сам хорош! Это правда, что он разрешил тебе поехать в Бандоль, и ты говорил с ним о Лине? Ты должен был меня предупредить... Не знаю... Он бесе-

дует с ней в спальне... Ты ведь ее знаешь... Она может говорить часами, увы, я так и не нашел глухонемую, которая бы мне подошла.

Он повесил трубку и застыл на пороге спальни.

Девушка говорила:

— Меня зовут Марсель... Марсель Ванье... Я родом из Безье, но как только смогла, приехала в Париж...

— Сколько времени вы связаны с Джо?

— Месяц, и я не строю на этот счет никаких иллюзий... Вряд ли это продлится еще месяц...

— Застегни халат! — сухо приказал ей молодой человек.

И повернувшись к Мегрэ, добавил:

— Если бы вы мне сказали, что именно вы ищите, мы, возможно, выиграли бы время... Вы знаете, у меня машина под разгрузкой, а потом нужно отпускать товар.

Комиссар, словно не слыша, продолжал, обращаясь к Марсель:

— Где вы были позапрошлую ночь?

— В котором часу?

— С одиннадцати...

— Ходили с Джо в кино. Сразу же вернулись, потому что он устал.

— Когда ему позвонили по телефону?

Она открыла рот, потом снова закрыла и с вопросительным видом посмотрела на Мори.

— В этом ничего нет особенного,— произнес тот.— Мне позвонил брат и сообщил, что он намерен в ближайшие дни отправиться кутнуть в провинцию.

— В Бандоль? — насмешливо спросил Мегрэ.

— В Бандоль, или в другое место. Этого он мне не сказал.

— Если ваш брат упомянул Бандоль, значит, он опережал события, ведь Морис Марсиа еще не был убит...

— А мне откуда об этом знать?

— Только вчера это сообщалось во всех газетах с указанием часа, когда наступила смерть,— примерно в половине первого ночи...

— Возможно, но меня это не интересует.

— У вас здесь нет картин?

— Каких картин?

— Не знаю. В этом деле замешано много любителей живописи.

— Ко мне это не относится.

— И обстановка у вас, честь по чести, гостиничная?

— А как может быть иначе?

— Здесь вы храните счета и деловые бумаги?

— Конечно, нет. На улице дю Кэр. Это вполне естественно.

— Мадмуазель Марсель, вы работаете?

— В настоящее время нет.

— А чем вы занимались до того как встретили этого парня?

— Работала в баре на улице Понтье... Наверное, зря бросила это место...

— Я тоже так думаю.

— Что вы мне посоветуете?

— Послушайте, вы...— вмешался Джо, сжав кулаки.

— Потише, малыш... Я ведь вас сегодня не увожу. Можете еще наслаждаться жизнью. Но не вздумайте уезжать из Парижа. Да, еще один совет. Не дотрагивайтесь до Блохи даже пальцем, если его встретите... Это может вам дорого обойтись.

И Мегрэ, набивая трубку, стал спускаться по лестнице. Он забыл про девушку-дежурную и был очень удивлен, когда молодой веселый голос крикнул ему вдогонку:

— До свидания, мсье Мегрэ.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

«Вот с этим виделся чуть не за час...»

Стефан ЗАХАРОВ, журналист

В один из майских дней 1927 года сотрудники советского полпредства в Польше прощались с отъезжающим в Москву Владимиром Маяковским. Почти неделю пробыл поэт в Варшаве, выступал на литературных вечерах, диспутах, знакомился с городом. Для культурной жизни Польши этот приезд был большим событием: впервые польские литераторы принимали поэта из красной Москвы.

Однако жить в гостинице было скучновато, и Маяковский решил перебраться поближе к своим, в пустующую до приезда курьеров комнату полпредства.

— Считайте меня,— сказал он за обедом Петру Лазаревичу Войкову, советскому полпреду в Польше,— тоже послом великой державы... литературы. Значит, друг к другу нам следует обращаться сугубо официально: вы — господин посол и я — господин посол. А как же мне величать вашу жену?.. Видимо, госпожа пословица...

Войков показал Маяковскому небольшую лабораторию, устроенную рядом со служебным кабинетом. В свободные часы Петр Лазаревич проводил здесь биологические и химические опыты, а также занимался своей любимой математикой. Еще в дореволюционные годы, спасаясь от преследования царской полиции, Войков эмигрировал в Швейцарию, где стал студентом Женевского университета. Своими знаниями по математике и естественным наукам он настолько поразил университетских преподавателей, что они не боялись посылать к нему на консультации студентов старших курсов...

Перед отъездом Маяковского на вокзал Петр Лазаревич решил сфотографировать его.

Пока Войков настраивал фотоаппарат, кто-то из сотрудников полпредства сумел снять их обоих. Конечно, тогда Маяковский и подумать не мог, что скоро в поэме «Хорошо», над которой он в то время работал, появятся следующие строки:

Вот с этим
виделся
чуть не за час.
Смеялся.
Снимался около...
И падает
Войков,
кровью сочась,
И кровью газета
намокла...

В мае 1926 года в Польше к власти пришла клика Пилсудского, ярого врага Советского Союза. Пилсудский был тесно связан с английскими империалистами, которым не давали покоя успехи мирного строительства СССР. Налеты на советское полпредство в Пекине, осада консульства в Шанхае, полицейское нападение на нашу торговую делегацию в Лондоне, провокационный разрыв дипломатических отношений со стороны Англии активизировали в 1927 году польскую реакцию, и буржуазные газеты Варшавы печатали призывы к новому «походу на Киев и Минск». Для того чтобы создать серьезный конфликт, за который можно было бы зацепиться, реакционеры решили убить Войкова. «За помощью» они обратились к белогвардейским эмигрантам, и 7 июня 1927 года на перроне Варшавского вокзала советский полпред был смертельно ранен белогвардейцем Борисом Ковердой.

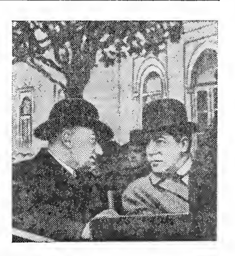
Когда прибывшие на место преступления журналисты захотели сфотографировать убийцу, тот подал им заранее заготовленные фотокарточки. Отправляясь на террористический акт, Коверда мнил себя «героем» и заранее готовился к этой «почетной» роли. Польским судом он был приговорен к пожизненному тюремному заключению, но через несколько лет его выпустили на свободу.

В ответ на трагическую гибель Войкова по всей нашей стране прокатились бурные митинги и демонстрации протеста. Проходили они и в Свердловске, где хорошо помнили Петра Лазаревича. Он приехал на Урал летом 1917 года, после возвращения из Швейцарии. Рабочий Урал явился своеобразной революционной школой для бывшего эмигранта. Здесь Войков стал членом РСДРП(б).

«Партия большевиков остается единственной стоящей на классовой пролетарской позиции, и я, не колеблясь, вступил в ее ряды»,— писал он 11 октября 1917 года в газете «Уральский рабочий».

Остроумный, энергичный, с незаурядными организаторскими способностями, Войков быстро завоевал симпатии трудящихся Урала, и они выбрали его членом, а затем и секретарем областного совета профессиональных союзов.

Когда вечером 26 октября в екатеринбургском Новом театре (теперь академический театр оперы и балета имени Луначарского) собрались представители Совета, партийных и профсоюзных организаций и провозгласили в городе Советскую власть, то на сцене среди членов президиума от большевиков находился и Войков.

Г. В. Чичерин и П. Л. Войков в Варшаве.

Для руководства всей организационной работой исполком Екатеринбургского Совета по образцу Петроградского военно-революционного комитета создал специальную пятерку, куда вошел и Войков. Ему было поручено составить обращение ко всем Советам Урала, чтобы они брали власть на местах в свои руки, сменяли представителей старой администрации и подавляли всякое сопротивление.

В ноябре Петра Лазаревича избрали членом городской думы. Затем он становится ее председателем. На этот пост его рекомендовал Екатеринбургский комитет РСДРП(б), хотя среди других гласных-большевиков было немало коренных уральцев, достаточно авторитетных и хорошо разбирающихся в местных условиях. Но только Войков мог, по мнению товарищей, сочетать революционную горячность с «парламентской выдержкой».

По традиции вновь избранному председателю пришлось произнести перед думой присягу. Он должен был также надеть на шею позолоченную цепь — символ своей должности, но

сделать последнее Войков категорически отказался.

— Я слуга пролетариата,— сказал он,— а пролетариат за свою историю имел и так достаточно цепей.

При участии Войкова проходила национализация уральских заводов, а в январе 1918 года он вошел в состав Уральского областного исполнительного комитета 3-го созыва и стал областным комиссаром снабжения.

Наступило тревожное лето 1918 года. Белогвардейские полчища вместе с иностранными интервентами рвались к столице красного Урала. Нужно было быстро спасать ценности из банков. Это дело поручили Войкову.

Когда бои шли на подступах к Шадринску, он, благодаря своей настойчивости, провел еще одну трудную и опасную операцию — продовольственную эвакуацию города, обеспечившую на значительный период продовольствием те заводы Урала, которые еще не попали под власть белых.

После сдачи Екатеринбурга Войков — в Перми, где по-прежнему возглавляет дела снабжения. Кроме того, вместе с инженером Кузьминым он разрабатывает здесь первый проект районирования Урала по производственному принципу.

В декабре Петра Лазаревича отозвали в Москву, в Центросоюз, а затем перевели в коллегию Народного комиссариата внешней торговли. С 1924 года Войков полпред СССР в Польше. Советско-польские отношения, бывшие до того времени напряженными, благодаря его энергии приобрели нормальный характер. Он досконально изучает экономику современной ему Польши, посещает ее промышленные районы, знакомится с культурной жизнью. Имя Войкова обрело огромную популярность в Варшаве, а подготовленный им в 1925 году официальный визит народного комиссара иностранных дел СССР Чичерина еще более укрепил его авторитет как посла.

Поэтому убийством Войкова, направленным к развязыванию войны с Советским Союзом, был возмущен не только наш народ, но и польский. Прогрессивные круги Польши выступили с открытым осуждением террористического акта.

Петр Лазаревич Войков был похоронен в Москве, около Кремлевской стены. В Свердловске его именем названа одна из улиц. А на улице Розы Люксембург, бывшей Златоустовской, сохранился дом № 27, в котором он жил. К сожалению, этот дом до сих пор не отмечен мемориальной доской.

г. Свердловск

Счастливый человек

Михаил СОРОКИН,
историк

Есть в Новокузнецке скромный проезд имени Казарновского. Нынешним летом исполняется 100 лет со дня рождения Григория Ефимовича.

Большая часть его жизни связана с Кузбассом. Только на Кузнецком металлургическом он проработал свыше 25 лет. Ближайший соратник академика Бардина, его правая рука, Казарновский справедливо делит с ним лавры создателя металлургического гиганта.

Казарновский родился в городе Шклове, близ Могилева, закончил Петербургский имени Петра Великого политехнический институт — крупнейшую кузницу инженерных кадров России.

Поворотной в его судьбе оказалась встреча с великим русским доменщиком Михаилом Константиновичем Курако. По первому его зову он отправляется в Сибирь, увлеченный мечтой построить в суровом краю невиданный металлургический завод-гигант, становится членом дружного коллектива, возглавляемого Курако.

Вскоре его назначают помощником управляющего Гурьевским железоделательным заводом. В Гурьевске Казарновский пробыл семь лет, пережил гражданскую войну, колчаковщину. Спустя много лет он напишет воспоминания о своей работе на Гурьевском заводе — ценнейший источник по истории промышленности.

Гурьевские металлурги поразили Казарновского смекалкой, трудолюбием и доброжелательностью. Не раз потом он мысленно возвращался на Гурьевский завод: «Гурьяне не жалели труда, не боялись трудностей, умели использовать свои весьма скромные ресурсы. Восстанавливая доменную печь, они переделали паровую машину какой-то сгоревшей мельницы в воздуходувку, изготовили воздуходувный цилиндр. Не имея котельных ножниц, они рубили железо зубилами и своими силами изготовили приводные пресс-ножницы. Они вручную ковали, раздували горны ручными мехами и изготовили приводной молот, установили к горнам вентиляторы. Не имея никакого кирпичеделательного оборудования, они мяли глину лошадьми и изготовили приводные глиномялки. Не имея шамота, они заменили его древесными опилками и изготовили кирпич для постройки новой печи для обжига огнеупорного кирпича. Они заменили деревянную воздуходувную машину вагранок вентилятором, сделали новую трансмиссию в механической мастерской, увеличили скорость станков...»

После изгнания колчаковцев Казарновского назначают управляющим Гурьевским заводом. Завод под его руководством был полностью перестроен и превращен в полноценное металлургическое предприятие. Была построена и пущена доменная печь. В Гурьевске в начале 20-х годов решался важнейший для судьбы советской металлургии вопрос о переводе домен всей страны с древесного на каменный уголь и кокс Кузбасса. Гурьевскому заводу суждено было стать экспериментальной базой всей металлургии Союза. Под началом Казарновского строится мартеновская печь, монтируется прокатный стан, реконструируются литейный, механический и огнеупорный цеха, прокладывается железная дорога Белово — Гурьевск. Завод становится опорным пунктом в строительстве Кузнецкого металлургического комбината.

С 1929 года в жизни Казарновского начинается новый, важнейший этап. «Созданию урало-кузнецкой угольно-металлургической базы я отдал почти всю жизнь»,— не раз подчеркивал Григорий Ефимович.

Характерная для Казарновского деталь — за свой долгий трудовой век он почти не бывал в отпусках. Просто одну работу менял на другую. В этом и состоял его отдых. Так было в мирное время. В годы войны это стало непреложным правилом.

Николай Еремеевич Чернышев, парторг ЦК ВКП(б), проработавший все годы войны на Кузнецком металлургическом комбинате, рассказывал о Казарновском: «Помню, в годы войны нужно было остановить доменную печь в связи с тем, что чугун проел кладку. Это грозило большой недоплавкой чугуна. Белан, Вайсберг обратились к Казарновскому, от него ждали решающего слова. Григорию Ефимовичу тяжело было ходить, но он провел много часов возле печи, слушал и изучал ее «дыхание». Он напоминал врача, от которого ждали диагноза. Казарновский предложил ряд мер, домну не остановили, дотянули до капитального ремонта».

Григорий Ефимович создал целую школу в металлургии. Среди его учеников крупные ученые, доктора наук, профессора, руководители отрасли, изобретатели. Под его руководством разработана оригинальная конструкция тонкостенных доменных печей, запатентованная в США и

Канаде, в Англии, Италии, Франции, ФРГ и Японии, во многих других странах мира.

Когда в 1947 году отмечали 60-летие Григория Ефимовича, он говорил: «Я — человек счастливый... Мне удалось увидеть осуществленной свою мечту, лично участвовать в ее осуществлении».

«Счастливчик» этот уже тогда был серьезно болен. Бывший директор Кузнецкого металлургического комбината Роман Васильевич Белан рассказывал: «Тяжело больной, на костылях, он все-таки ходил на работу, и невозможно было его отговорить. Мы направили Григория Ефимовича в Москву, к Бардину. Он лежал в больнице Академии наук. Пытался уговорить, чтобы он остался в столице. Ни в какую! Мы закрепили за ним лошадь. И каждый день он был на заводе до последнего своего часа».

Умер Казарновский в 1955 году. Похоронили его рядом с учителем — М. К. Курако. Неподалеку еще одна могила — Антона Дементьевича Лаушкина, более пятидесятя лет простоявшего у мартеновских печей. Чем не пантеон славы кузнецких металлургов!

г. Кемерово

«Наш каретник возгордился...»

Дмитрий **ТРИФОНОВ**, краевед

Девяносто лет прошло с тех пор как в Верхнюю Салду приехал управителем металлургического завода Владимир Ефимович Грум-Гржимайло с женой Софьей Германовной — дочерью лесничего Тагильского округа Тиме.

Софья Германовна окончила Екатеринбургскую женскую гимназию, была культурной, развитой, энергичной женщиной. Когда они только поженились, Софья Германовна при муже спросила брата: «Как тебе нравится мой муж?» — «Поражен его храбростью,— ответил тот,— чтоб решиться взять мою сестру в жены, надо быть храбрым человеком, даже самоуверенным. Думаю, что это произошло только потому, что Вы ее мало знаете... Ведь нет забора или дерева, на которое она бы не лазила, нет ни одной канавы, ни одного прясла, через которые она не перескакивала бы на своей верховой лошади. С нами, своими братьями, она расправлялась за мое почтение».

Приехав в Верхнюю Салду, Софья Германовна в первую очередь организовала драмкружок и добилась того, чтобы Владимир Ефимович освободил для него здание, в котором находилось заводское пожарное депо с конюшней.

В воспоминаниях Софья Германовна пишет: «Клуб устроили в каменном сарае, где стояли пожарные машины и были конюшни для лошадей. Этот сарай находился позади нашего огорода...

Из сарая был сделан клуб в четыре комнаты больших и большой раздевалки. В углу зала, возле сцены, помещение для галерки. Когда мы праздновали открытие клуба, то на входных дверях была разрисованная вывеска с надписью: «Наш каретник возгордился, он в киятер превратился». Это был провинциальный любительский театр конца XIX века. Церковным хором регентствовал Петр Кузьмич Мизюлин (заведующий складом завода — старший амбарный). Был и оркестр из бывших солдат в составе: двух скрипок, тромбона, корнета-пистона, флейты, контрабаса и барабана.

Владимир Ефимович первую служебную награду пожертвовал на покупку большого биллиарда в клуб, и тогда клуб сделался любимым местом пребывания».

Биллиард с дарственной монограммой на латунной пластинке долго служил салдинцам, но при слиянии Верхнесалдинского завода с Нижнесалдинским соседи взяли биллиард к себе, и следы его затерялись.

На торжественном открытии клуба Владимир Ефимович произнес речь: «Мы сегодня открываем этот Верхнесалдинский клуб. Собирайтесь здесь, делайте, что хотите, но водка и вино из обихода совершенно исключаются».

Благодаря энергичной деятельности Софьи Германовны каменный сарай превратился в культурный очаг. Драмкружок ставил спектакли: «Гроза», «Горе от ума», «Ревизор» и другие. Артистами были сама Софья Германовна, братья Леонид и Капитон Нестеровы, Мария Яковлевна Кошелева, Павел Иванович Паклин (фельдшер), Петр Кузьмич Мизюлин, Павел Николаевич Субботкин, Василий Петрович Оносов, Мария Ивановна Ганьжа, Надежда Тихоновна Пермякова, Михаил Тимохов, Егор Силонов и другие. Николай Павлович Трифонов — суфлером.

Капитон Никифорович Нестеров ныне живет в Алапаевске, участник гражданской войны, в 1917 году избирался в Совет рабочих и крестьянских депутатов.

Кроме драмкружка Софья Германовна организовала еще кружок кройки и шитья. Сами шили костюмы для артистов. А ведь она в то время воспитывала четверых детей, вела дом.

В воспоминаниях читаем: «Приходилось иметь обширное хозяйство, огород с разными овощами — даже с такими редкостными, как спаржа, артишок, цветная и брюссельская капуста. Был у нас и скотный двор с молочными коровами, а куриц иногда бывало до сотни. Мясо привозили целой тушей. Наших телят не кололи, так как у нас были коровы-тагилки, выведенные в Тагиле из потомства лучших колмогорских коров. Телят у нас заранее покупали «на племя»...

Все эти продукты надо было вырастить, собрать, сохранить, чтобы в любой момент принять и накормить любое число гостей».

Владимир Ефимович в первые же дни совместной жизни отказался вмешиваться в хозяйственные дела, сказав: «Это министерство внутренних дел. А я служу в министерстве внешних сношений».

Супруги Грум-Гржимайло прожили в Верхней Салде с мая 1897 года по 1900-й, а память о них живет до сих пор. Существует и клуб, созданный их стараниями девяносто лет назад.

г. Верхняя Салда

С. Г. Грум-Гржимайло в костюме Чародейки.

БУДЕТ ЛИ ДОМ У ЗВЕРЕЙ?

Борис РЯБИНИН

Письмо называлось «Цыпленок тоже хочет есть». Это был уже не первый протест против того, что порой приходится наблюдать в Свердловском зоопарке. Не раз била тревогу газета «Вечерний Свердловск», свое возмущение публично высказывали взрослые и подростки.

«Недавно в нашей газете была опубликована корреспонденция «Почему занемог олень», где приводились факты жестокого обращения с животными со стороны посетителей зоопарка. К сожалению, дирекция этого учреждения тоже не подает примера гуманности и сострадания. Уже сообщалось, как в зоопарке кормят орлов живыми цыплятами в присутствии детей.

Этот вопиющий факт на днях повторился в присутствии целого класса свердловской школы № 5. Дети были поражены жестокой картиной, происходившей на их глазах. Многие плакали, пытались через щель вытащить цыплят обратно. Несколько птенцов были таким образом спасены. (Один цыпленок как вещественное доказательство был принесен даже в редакцию.) Вместо радости от встречи с природой, с ее живым миром посещение зоопарка оставило у детей (как и у взрослых) гнетущее впечатление. Разве такое допустимо?!

Школьники и другие посетители зоопарка, конечно, знают, что не все звери и птицы являются вегетарианцами. Но зачем устраивать кровавое зрелище на глазах у публики? В. Дмитриева».

Пытаюсь выяснить, каким образом такое могло произойти и что тому причиной, беседую с руководителями зоопарка.

Отвечают: всё по инструкции. Такой порядок кормления хищников предписан правилами содержания диких животных.

Значит, всякие протесты, недовольство, жалобы посетителей бесполезны? Пожимают плечами. «Так делают везде».

Можно ли относиться к этому спокойно? Оказывается, можно. Сказал же директор, точнее, один из тех, кто в тот момент назывался им (в Свердловском зоопарке за последние два десятка лет их сменилось ни много ни мало пятнадцать):

— Если вам не нравится, можете не смотреть.

Так зоопарк из учреждения культуры, места, где должны формироваться доброта, чувство восхищения живым и радость от общения с ним, превращается в свою противоположность, в рассадник бессердечия и зла. Еще одно, на сей раз живое, кино ужасов и насилия, американизированный культ силы, всеми средствами насаждаемый на Западе.

Равнодушие, а иной раз и прямое любование жестокостью, смакование сцен, когда одно существо находит мучительный конец под клыками другого, взращивает живодеров, садистов.

Ведь было же: двое мальчишек принесли кошку и бросили в клетку Цейсу — льву. Зачем?! «Интересно посмотреть, что будет? Как он ее будет рвать...»

А ведь можно сделать так, добиться, чтобы ничего этого не было. Помню, в Варшаве, в новом зоопарке, построенном уже после войны при участии всех варшавян, на народные средства, тигр — близехонько, нас разделял лишь широкий ров, наполненный водой, никаких решеток, ограждений, если не считать этого рва, который даже придавал некоторую живость пейзажу, ассоциируясь с речкой; зверю вольготно, он нежится под солнцем, а пришел час обеда — зайдет за кусты и там насытится. Никаких кровавых зрелищ, уродования психологии, порчи малолетних...

История с кормежкой, как под рентгеном, высвечивает многое, и прежде всего проблему: когда же наконец наши зоопарки обретут нужную форму, чтоб выполнять предназначенную им миссию?

В самом деле, будь больше, попросторнее помещения — отпали бы сложности с кормлением животных-хищников, в ином свете предстала бы и проблема воспитания...

Раньше говорили: в тесноте, да не в обиде. К зоопаркам эта формула не приложима. Живут здесь звери и в тесноте, и в обиде. И вообще в чудовищных, позорных для нас, людей, условиях...

Отсюда сигналы тревоги — выступления печати: «Почему занемог олень», «Почему не ест крокодил Коля?»...

Пишут жители Свердловска:

«До глубины души возмущена таким бездушным и даже жестоким отношением к животным. У нас такой большой, хороший город — и такой ужасный зоопарк. Мы все очень любим животных, и просто до слез их жалко, когда видишь, в каких условиях они живут. Кругом грязь, тесные клетки, печальные глаза животных. У меня растут две дочки, и я не хочу вести их в этот безобразный зоопарк, потому что доброго отношения к животным он у детей не воспитывает...

Я считаю, надо наказать всех тех, кто тянет со строительством зоопарка. Надеемся, что наши (да, наверное, многих свердловчан) слова примут к сведению те, от кого зависит судьба братьев наших меньших. Е. Ситникова».

«В своем настоящем виде зоопарк если и выполняет воспитательную функцию, то только в отрицательном смысле: вот как нельзя обращаться с животными. А. Снегов».

Увы, так обстоит дело не только в Свердловске.

Весточка — отнюдь не радующая — из Таджикистана,

«Мы побывали в Душанбинском зоопарке. Удручающее впечатление произвел он на нас и наших детей. Животные не ухожены, в клетках темно, ничего не увидишь. Как же, встретив такую «заботу» о животных, наши дети смогут полюбить природу?»

Я тоже недавно побывал в Душанбинском зоопарке и вынужден подтвердить правильность вышеизложенного. Да, многое здесь заставляет желать лучшего. Служители зоопарка бьются, стараются улучшить условия содержания, но — что сделаешь, территория не растягивается, отпускаемых средств не хватает, штат мал... (Хотя, замечу в скобках, даже при такой ситуации находятся энтузиасты — не только сами сооружают необходимые помещения, но ухитряются еще проделывать любопытные эксперименты, собирают разные живые редкости, вроде двуглавого полоза, и прочее. Посмотреть на результаты их трудов люди приезжают издалека.)

У наших соседей, в Перми, еще в 1968 году горисполком специальное решение принял: выделить земельный участок площадью в 30 гектаров под строительство зоологического парка в районе Парковой дачи, да на том и успокоились. А зря.

Нет, не всё и не везде плохо. Есть и положительные примеры. Ну, хотя бы Таллинский зоопарк, в столице советской Эстонии. Расположен он в стороне от городской пыли и грохота, вокруг лес, воздух чистый, близко море — оттуда веет свежестью и прохладой; естественно, животные чувствуют себя прекрасно. Занятная деталь: там, где живут горные козы, сооружен каменный пригорок. Для чего? Известно, что животные строго соблюдают субординацию, и козел-вожак должен постоянно находиться выше стада. Мелочь? А может быть, она обеспечивает нормальную жизнедеятельность и хорошее самочувствие. Без этого неизбежен нервный стресс...

Хорошим, красивым и удобным для своих обитателей обещает быть Бакинский зоопарк, который раскинется на 45 гектарах. Вот только непонятно, зачем там проектируется сооружение «первой в Баку» монорельсовой дороги, из окон вагонов которой «откроется прекрасный обзор царства животных и птиц» (заметим, птицы тоже животные, как и насекомые, но так написано в газете). Для чего железная дорога в зоопарке? Чтоб было больше шума? Кому-то еще мало...

Свердловский зоопарк открылся весной 1930 года, на базе ранее существовавшей зоовыставки. Тогда это было целое событие — первый зоопарк на Урале! Вначале демонстрировалось 60 животных; к весне 1932 года их насчитывалось уже 608. К 1966 году было 780, по видовому составу — 144 вида. Прошли десятилетия, вырос, раздвинул плечи Свердловск, в несколько раз увеличилось его население, а зоопарк по-прежнему ютится на крошечной территории в центре города (1,2 га!), стиснутый со всех сторон жилыми кварталами. Теснота, загазованность, грохот снующих по улицам автомашин... «Несчастные, чем они дышат?» — переговариваются между собой посетители, сочувственно всматриваясь в невеселых обитателей этой зверной колонии.

А если еще прибавить, что посещения все эти годы были на пределе возможного: летом до тысячи человек в день, а частенько и больше. Приезжают на личном транспорте целыми семьями из других городов и областей; в воскресенье на улице Мамина-Сибиряка у ворот зоопарка непременно увидишь скопление автобусов с самыми разными номерными знаками — прибыли многочисленные экскурсии...

Человека интересуют, неудержимо притягивают к себе собратья меньшие. К сожалению, этот интерес иногда находит нездоровое выражение (уроды есть везде). Приходится говорить о безобразном поведении некоторых, особенно молодежи, подростков, которым вовремя не сказали нужное слово, не внушили важную истину, что зверя нужно уважать. Иногда это просто незнание, пренебрежительное отношение к правилам поведения в зоопарке, а иногда злое любопытство (помните кошку, подброшенную на съедение льву?). То подкинут или сунут вместе с «гостинцем»-угощением что-нибудь несъедобное, иголку, битое стекло, то еще что. В результате заболевают и гибнут животные.

Так был выколот глаз волчице, горному барану уриалу, оба пали. Так не стало верблюда, исчез тапир, за ним последовали антилопы, зебры. В мае получили пару тюленей, а в октябре их уже не стало. Вскрытие установило, что тюлени наглотались камней, которые бросали им посетители. У одного во внутренних органах оказалось 5 камней, у другого — 12.

Приходится охранять даже крокодила, иначе не быть живу и ему. Худо на покрытых жидкой грязью — после очередного затяжного осеннего дождя — копытным. Мерзнут зимой теплолюбивые южане. Из-за нервных расстройств круглый год линяют и лысеют пушистые зверьки...

У входа встречает объявление: «Павильон, где экспонируются теплолюбивые животные, для посещения ЗАКРЫТ, ввиду аварийного состояния. Администрация».

Не стыдно ли? Не грустно ли? Тут и крокодил заплачет...

Обком профсоюза принял решение о закрытии зоопарка, дабы оградить зверей от возможных несчастий. Всё валится... И тем не менее зоопарк продолжает работать.

Великую благодарность нужно принесть тем, кто, не щадя себя, вызволял бессловесных из беды, всеми силами старался облегчить их тягостное существование.

Находились энтузиасты (без них не обходится нигде), самоотверженно любящие животных и обладающие даром подвижничества. Чтобы ухаживать за животными, нужны особое терпение, заботливость, чуткость, неистощимый запас ласки и умелый подход, утверждают специалисты; а в тех условиях, какие создались в Свердловском зоопарке (впрочем, только ли тут?), подобные качества требовались вдвойне. И надо сказать, эти люди не уронили человеческого достоинства. Многие приходили и уходили, не выдерживали, а эти оставались. Они делали все от них зависящее и даже не зависящее, чтобы зверю жилось хоть чуточку лучше. Они заслуживают самого высокого уважения. Это — В. А. Голубева, Н. И. Сырчина, Т. В. Аржанникова, В. Е. Мезенова, О. С. Шишкина, А. П. Коростелева...

Это усилиями энтузиастов была собрана коллекция млекопитающих и птиц, представляющих фауну всех континентов и географических зон — от приполярных до тропических. Среди них было немало таких, которые занесены в «Красную книгу» как вымирающие: белый медведь (теперь, кажется, он уже не вымирающий — стараниями ряда стран, в том числе Советского Союза), стройная, быстроногая красавица

газель — джейран, каракал — степная рысь, орел-бородач, орлан-белохвост, розовый пеликан, фламинго... Появились кружки юннатов. Школьники знакомились с привычками и повадками животных, приучались с детства к бережному отношению к ним. По содержанию, уходу за животными Свердловский зоопарк держал третье место в стране, однако вряд ли это могло служить утешением, успокаивать. Особенно тяжело приходилось крупным хищникам, львам и тиграм, привыкшим к безграничным просторам саванн и джунглей. От тесноты клеток, невозможности передвижения у них в организме и психике развиваются необратимые процессы, которые ведут неизбежно к перерождению и смерти. Как ни старайся, конец один...

Не забыть двух суматринских тигров, их глаза, яростные, горящие дикой жгучей злобой и одновременно неутолимой жаждой свободы. Зверей только что привезли, они недавно попали в неволю и теперь жили нетерпеливым ожиданием вырваться из нее. Месяца через два я снова заглянул сюда и — не узнал их. Взгляд потух, унылые, пришибленные, казалось, это были другие звери. В следующий свой приход я уже не застал их, клетки были пусты... Для чего их везли сюда в такую даль, платили валюту? До сих пор переживаю за них, щемит сердце. А каково было тем, кто ходил за ними, наблюдать это, испытывая чувство своего полного бессилия, невозможности помочь... Случалось, плакали, как те малыши, плакали навзрыд, а после опять брались за дело. А кто-то уходил, чтобы не тратить нервы.

Не случайна и такая частая смена директоров, никто не хочет брать такую ответственность, взваливать на себя тяжкий груз без всякой надежды на скорое улучшение, перемену обстановки. Дольше других продержалась Александра Ивановна Челпанова; ушла она — и началось. Что ни год, то новый директор...

Где же выход?

Нильский крокодил Коля — чемпион страны: самый большой и самый старый из проживавших у нас в СССР, поминавшийся здесь не раз, ветеран зоогородка, если такое звание применимо к животному,— присутствовал на открытии зоосада в 1930 году и, будь он поразговорчивее да общительнее (последнее время ничего не ел, не шевелился, лежал в своем корыте, не подавая признаков жизни, отчего среди ребят-завсегдатаев зоопарка пошел слушок, что он не настоящий крокодил, а резиновый, надувной), он мог бы засвидетельствовать, что зоосад, как писали тогда газеты, должен послужить «фундаментом большого зоологического парка в 160 гектаров на реке Исети». Стало быть, уже тогда специалисты, знатоки дела смотрели вперед и рассматривали нынешний зоопарк как переходную ступеньку, подготовку к настоящему, благоустроенному, большому, истинно культурному, просветительному заведению.

Действительно, за эти годы зоопарку не раз отводили более просторное и удобное место. В Зеленой роще, в районе Уктусского (ныне закрытого, старого) аэропорта, по улице Репина близ Московского шоссе... Сколько извели денег на оказавшиеся потом ненужными проекты!

А уж чего только там не было, в этих проектах, впору позавидовать нам с вами: и просторные, ухоженные бассейны с теплой водой, современные кондиционеры для освежения воздуха, пищеблок, ветеринарная лечебница... всё — в условиях, максимально приближенных к естественным, к живой природе. Авторы проектов (С. Алейников, В. Букин) даже занимали почетные места на всесоюзном конкурсе молодых архитекторов, а зоопарку от этого ни холодно, ни жарко. Посулы, обещания, а звери продолжали страдать и гибнуть. Вот и опять: в 1987 году — «консервация»...

Наши зоопарки — наш позор. Впервые приехав в Советский Союз, Джой Адамсон была восхищена чистотой улиц Москвы и — возмущена состоянием зоопарков. Надругательство над животными. Они будто у позорного столба. За что?!

А что, если навалиться всем миром, не пожалев личных средств, общими усилиями выполнить то, что не могут или не хотят, не способны сделать официальные организации и лица? Была же в прежние времена в обычае у русских «помочь» — мирская, доброхотная, общая помощь, когда на выручку тебе приходило все село, стар и млад.

Так предлагала еще в 1981 году жительница Свердловска Р. А. Новикова.

«В наш зоопарк уже многие не ходят, чтобы не расстраиваться, так как больно видеть, в каком состоянии и в каких условиях находятся его обитатели. Требуется срочное переустройство. Неужели мы не в состоянии сделать так, как сделали многие зарубежные зоопарки социалистических стран? Неужели наши люди не имеют чувства прекрасного и любви к живой природе?! Заработанные в один из субботников средства можно направить на создание зоопарка, достойного такого всем известного города, как Свердловск».

Василий Песков описывает, как он гулял по Берлинскому зоопарку. Сто с лишним гектаров... Можно обойти за день, а можно потратить и неделю, жалеть не придется.

«Зоопарк для немцев, мне показалось, важнее театра и стадиона, важнее музея и пляжа. Когда стало ясно: «Будем строить!» — энтузиазм охватил всех... Была это в полном смысле народная стройка. Берлин жил этой стройкой. Дело шло не только споро, но весело, с выдумкой и трогательным участием тысяч людей. Старики отчисляли по две-три марки от пенсии, школьники собрали сто тысяч марок, студенты бесплатно отработали в парке много тысяч часов. Несколько людей оставили завещания вроде такого: «После смерти моей — все зоопарку: имущество, драгоценности, лошадь и книги».

Стало быть, Москве, Берлину необходимо. А Свердловску?

Недвусмысленный ответ молодых: при Свердловском горкоме комсомола создана инициативная группа содействия зоопарку, возглавляемая сотрудницей областной юношеской библиотеки Еленой Якубовской.

Комсомольцы Южного трамвайного депо и управления культуры горисполкома уже помогали ремонтировать старый зимний павильон для животных. В субботниках в зоопарке участвовали студенты университета, Уральского политехнического института, учащиеся техникума совторговли. Теперь молодежь города готова принять участие на добровольных началах в сооружении нового зоопарка. Таким образом, возведение нового зоопарка методом народной стройки становится реальностью.

Дельную идею предложили работники Свердловского хладокомбината № 3:

«Предлагаем облисполкому открыть счет в банке на внесение наличных денег для строительства зоопарка. Можно пополнять этот счет и перечислением средств через бухгалтерии организаций и предприятий. Таким образом свердловчане практически могут выразить свою любовь к городу и детям».

ПОМОЖЕМ РЕБЯТАМ И ЗВЕРЯТАМ, взывает пресса.

И вот телетайп принес важную, давно ожидаемую, приятную новость, о чем уже давно шел разговор: 7 июня 1987 года при редакции газеты «Комсомольская правда» создан фонд помощи зоопаркам. Председателем фонда избран журналист-природовед Василий Михайлович Песков.

Газета извещает: процедура внесения взносов предельно проста: «Прошу принять взнос на счет 703 — фонд зоопарков».

А вот совсем свежие сведения: свердловчанам можно и прямиком, запомните номер счета — 142422 в Кировском отделении Жилсоцбанка г. Свердловска.

Все деньги, внесенные в фонд зоопарков в любом городе, все, до последней копейки, будут направлены туда, где собраны.

Поступления уже идут (информация одного дня, 20 июня 1987 г.):

«Мама давала нам деньги на мороженое. Остатки мы с сестрой Лидой клали в копилку — хотели купить щенка. А прочитали в газете, что надо помочь зверям в зоопарках, разбили копилку и отнесли в сберегательную кассу пять рублей. Мы понимаем: это немного. Но мы будем собирать макулатуру, старое железо и накопим для животных еще пять рублей, а может, и десять. Лариса Соболева, школьница».

И т. д., и т. д. Шлют из Москвы, Тирасполя, Харькова, Свердловска, Ленинграда, Волгограда, Тамбова...

Все это внушает надежды. Однако нужно, чтобы и местные органы самоуправления, в первую очередь Советы (не говорю об учреждениях Министерства культуры), внесли свою долю, нашли возможность совместно с общественностью быстрее разрешить эту проблему раз и навсегда.

РЫЖКА

Александр НИКОЛЬСКИЙ

Одно время работал я осмотрщиком вагонов на довольно большой станции близ автограда Тольятти. А жил (и живу) в зеленом городке Жигулевске, что на правом берегу нашей матушки-Волги. Прихожу однажды на смену, а у вагончика, в котором мы в редкие свободные минуты чаи гоняем, вертится собачонка-невеличка (как оказалось, европейская лайка женского пола). Она была до невозможности перепачкана в мазуте и угольной пыли и являла собой нечто грязно-белое с маслянисто-рыжими пятнами.

Надо сказать, что собак в том регионе обитало немало. И бродячих, и оседлых. Дело в том, что вокруг нашего вагончика размахнулся великолепный сосновый бор, а среди бора, как грибы, повырастали дачки (незаконнорожденные, не единожды властями приговариваемые к сносу). Дачки росли, а вместе с ними росло поголовье четвероногих санитаров. Помию одного кобелька белоснежной масти, с огромными агатовыми глазищами. Имел он привычку, найдя дверь в будку закрытой, становиться на скамейку под окном задними лапами, передними же тарабанить в стекло — дескать, пустите, чего вы там закрылись!

Так вот, нас собаками не удивишь. А тут — еще одна!

Я, собственно, никакого восторга при этой встрече не проявил: работать надо, ну а потом, мало ли их тут бродит, сирот-беспризорников. Всех не облагодетельствуешь. А тетя Клава, моя напарница, с какой-то женской вкрадчивостью говорит:

— Михалыч, а ведь Рыжка-то тебя признала.

— Какая Рыжка?

— Ну, какая, эта вот, глаз с тебя не спускает, как дите с матки.

Клаве около пятидесяти, она себе на уме, но добрая. Животных вроде бы не выносит, с усмешкой относится к моим либеральным слабостям, но кусочками собачек и кисок подкармливает.

Ну, Рыжка так Рыжка.

— Привет,— говорю — кто ты такая?

Рыжка прямым ходом ко мне, чинно так у левой ноги пристраивается и сопровождает до вагончика. Потрепал ее по загривку, выдал кусочек колбаски. Аккуратненько эдак, интеллигентно взяла, вроде бы и не голодна, а просто из уважения.

— Ну,— завершаю,— разойдемся красиво, как в Одессе-маме выражаются. Мне работать треба!

А Рыжка забежала вперед, уставилась на меня своими карими гляделками, словно бы спрашивая: то есть как — разойдемся? А ты знаешь, сколько я мук приняла, пока тебя нашла? Короче, бьет на гуманность и прочую психику. Тут уж я не выдержал:

— Ну ладно, ладно, что-нибудь придумаем.

Как потом выяснилось, до этой встречи Рыжка пережила целую драму. Какой-то мерзавец, видимо, хозяин, привязал ее намертво проволокой к стойке железнодорожной платформы и отправил «малой скоростью». На погибель от удушья и жажды. К счастью «плечо» от Тольятти до нашей станции короткое. Приговоренную к мучительной смерти Рыжку обнаружил охранник, отвязал ее и спустил на землю. Тут собака и набрела на наш вагончик.

Не знаю, что потянуло измученную, преданную человеком собаку к другому — перемазанному мазутом дяде, но с того дня Рыжка ходила за мной буквально по пятам, сопровождая при осмотрах вагонов. Когда я уходил домой, она провожала меня тоскливыми глазами, а при каждом появлении стремглав бросалась навстречу, заливаясь счастливым звонким лаем, что, кажется, означало: я знала, ты вернешься, вот мы опять вместе!

Разумеется, дома я рассказал о Рыжке своей жене и дочке и постепенно вызвал у них неподдельный интерес к бездомной собаке. Как-то вечером, когда я появился после работы и, кряхтя, стаскивал сапоги, жена спросила: «Ну как там твоя Рыжка?» Я ответил неопределенно, что-то вроде: ничего, живет, бегает. Жена загадочно посмотрела на шестилетнюю дочку

и едва произнесла: «Ладно уж, приводи ее домой», как та весело завизжала и захлопала в ладоши.

И вот на следующий день я сообщил Рыжке о решении семейного совета. Она недоуменно шевельнула хвостом: куда это, мол, домой, а разве здесь не дом? «Погоди,— сказал я,— сама скоро поймешь».

Добрались мы до дома. Звоним. Открывает нам дверь жена Кира, за ней видна Юлька, дочь. Входим. Снял я поводок, а Рыжка стоит так понуро, даже лапами не переступает. Смотрит на Киру, так смотрит, словно бы говорит: «Видите, какая я грязная, неприглядная... Выгоните, так что ж, уйду, такая моя судьбина». И ушки прижаты покорно, безысходно. Тут жена не выдержала, присела перед Рыжкой, положила руку ей на голову: «Ну заходи, заходи, милая, ведь домой пришла». А Рыжка уткнулась ей в колени головой, замерла и тихо-тихо застонала...

Ну, братцы, защипало тут у меня в глазах. Юлька тоже шмыгнула носом и тянется погладить сиротку.

Дочь, ввиду позднего времени, мы отправили спать, а сами принялись за туалетно-гигиеническое мероприятие. Наполнили ванну теплой водой, опустили туда кряхтевшую с непривычки Рыжку и начали стирку. Да-да, стирку с полосканием. Шампунь, мыло, щетки — все пошло в ход. Трудно передать цвета, которые принимала вода, и лишь после третьего захода наша бедолага приобрела свой естественный цвет.

Под конец Рыжка откровенно начала засыпать, лапы ее подламывались, она повисала на руках. После ванны вытерли собаку насухо и повели на кухню. Там между холодильником и батареей был приготовлен матрасик. Рыжка даже не посмотрела на миску с едой. Плюхнулась на бок, блаженно вздохнула и захрапела.

Проснулась Рыжка лишь на другой день к завтраку. Сладко зевнув и отряхнувшись, вышла к нам пожелать доброго утра. Уселась посреди комнаты и дала возможность подробно рассмотреть себя.

— Да какая она Рыжка? — закончив беглый осмотр, заявила жена.

— Пап, а Рыжка шоколадная,— изрекла Юлька.

Промывка в шампунях и чистых водах произвела форменную метаморфозу. Рыжего цвета как не бывало. На фоне белоснежной шерстки аккуратными овалами располагались пятна действительно шоколадно-кофейного цвета. Острые, торчащие ушки, да и вся голова, за исключением шеи и грудки, так же напоминали цвет этого ароматного напитка. Глаза темно-карие, большие, вдумчивые какие-то; пушистый саблевидный хвост, милая мордашка с нежными губами, поросшими густыми волосками-антенками.

После завтрака Рыжка решила провести осмотр домашней территории, находящейся, как она считала, под ее охраной. Окончив обход, уселась на пороге кухни, обдумывая увиденное.

Первые дни наша собака вела себя чрезмерно скромно: ест мало, ходит тихо, глаза опущены. Мы уж, грешным делом, стали подумывать, не заболела ли. Но вскоре Рыжка развеяла наши заблуждения. Однажды глухой темной ночью, когда обитатели квартиры спали мертвым сном, раздался ужасающий грохот. Падали стулья, слышался топот ног и озлобленное рычание. В страхе проснулась жена и дочь. Спросонок и в темноте я с трудом нашел выключатель. Наконец вспыхивает свет. И что же мы увидели? Посреди пола с гордым видом сидит наша Рыжка и прижимает лапой поверженного противника — мышь. Конечно, на собаку посыпались всяческие обвинения, но их тут же пришлось снять как несправедливые, ведь Рыжка показала замечательный пример бдительности. В дальнейшем ее охотничьи наклонности проявились в полной мере: она успешно занималась ловлей мух, моли, настигая их в акробатических прыжках.

Для непосвященных лай собаки — просто гам, шум, нарушение покоя. Нечто подобное было свойственно и нам. Но прошло немного времени, и мы привыкли к лаю как к необходимому проявлению эмоций животного, стали различать интонации и понимать их. А глаза? Как много можно в них прочесть! Иногда мне становилось немного не по себе, когда замечал в глазах Рыжки горечь, вызванную моим бессилием понять ее. Однако со временем я научился понимать, вернее, угадывать многое, что рождалось в глубинах психики животного. Что это — телепатия, биотоки или еще что-то там мудреное,— я не берусь судить, но тонкости и многообразие реакций в различной обстановке заставляли изумляться. Вот, например, информирует о моем появлении, когда прихожу с работы и все дома. Раздается звонкий ликующий лай: «Папа пришел!» И к этому ликованию требует присоединиться всех: мечется от меня к жене, стремглав летит в детскую к Юльке, прыгает, звенит: «Ну что же вы сидите?! Папа пришел!»

Радостный переполох длится еще пару минут, после чего трепещущая Рыжка бросается уже непосредственно ко мне, утыкается головой в колени, издавая плачи, стоны, ласковое рычание.

И вот что интересно: когда дома никого нет и являешься в пустую квартиру, Рыжка обходится без оглушающего шума, а просто чинно тычется своим холодным носом в руки, издавая лишь умиротворенное урчание: «Здравствуй, дорогой, как хорошо, что пришел, скучища тут одной без тебя».

Другое дело, когда приходит человек посторонний (друзей Рыжка уже знает, хотя и не очень довольна их присутствием — «мало ли что, ходят тут всякие!»). А в том случае она упорно прорывается в прихожую, исходя в надсадном лае. И даже убедившись по спокойствию хозяев, что пришли не гангстеры, и удаленная на кухню, продолжает находиться в состоянии повышенной боевой готовности, подстегивая себя грозным урчанием.

Приходилось мне наблюдать, как некоторые хозяева нещадно орут и, еще хуже, лупят своих собак за подобные проявления их боевитости. А ведь кажущаяся агрессивность собаки — самое что ни на есть искреннее проявление заботы о защите своего хозяина, его покое, любви к нему. Жестоко подавляя эти качества пса, хозяин превращает своего преданного друга в безвольное, лишенное всякой самостоятельности существо.

Или другая крайность — у владельцев частных домов и домишек. Многие из них тоже заводят собак и держат их в черном теле, колотят чем попало, выбивая дух свободы и будя первобытно-бешеные инстинкты, натравливают на встречных-поперечных. После такой «дрессировки» сажают на цепь во дворе своего особняка. Пес захлебывается хриплым лаем, сверкая налитыми кровью глазами. А хозяин-куркуль доволен, похваляется дружкам за стопарем бормотухи: «Вот гад! Разорвет любого!»...

Рыжка как-то очень быстро вросла в быт. Миска,

постель стали ее собственностью, и прикосновение к ним встречалось глухим «гх-ыг-хр». Ела она все, что мы ели: фрукты, овощи, ягоды, арбузы, дыни. Постель для нее, как я уже говорил, была устроена на кухне. Но вскоре Рыжка, видимо, решила, что ей больше приличествует предаваться сну рядом с хозяином, и ее матрац оказался в ногах нашей диван-кровати.

Кое-кому казалось, что мы излишне потакаем нашей собаке, тогда считали и своим долгом высказать авторитетное мнение на этот счет. Так однажды поступила и моя старшая сестра, строгая тетя Люся.

— Ну, знаете ли, вам только не хватает посадить собаку за стол рядом с собой!

— А вот Лоренц,— начал я оправдательную речь,— говорят...

— Нг-р-рр,— не поворачивая головы, вполголоса подает реплику виновница спора.

От перевода этой реплики я воздержусь, тем более что прозвучала она в адрес заслуженного педагога.

Надо сказать, что в нашей семье Рыжка неукоснительно стоит на страже политики мира. Окриков, маханий руками на собеседников она не переносит. Как-то, забыв о впечатлительной натуре нашей законницы, я во время разговора указал перстом на жену. Ответом же был мгновенный прыжок Рыжки в мою сторону и рык: «Давайте, товарищ папа, без рук!» Я аж глаза вытаращил, ну и ну!

С работы мы приходим после восьми. Так вот, ровно в восемь Рыжка, нервнчески зевнув, поднимается со своей подстилки и укладывается перед входной дверью. Глаза и уши направлены на невидимую цель. В подъезде беспрерывно хлопает входная дверь, впуская и выпуская жильцов. Однако все эти хлопанья Рыжка встречает безразлично. Но вот она вскочила и вся вытянулась. Тут уж нет сомнений — идет мама. Точно — вот и она. А дальше следует шумовой эффект встречи, ритуал, который я уже описывал. Добавлю, стоит мне или жене задержаться, как начинается кряхтение, постанывания, вставания, то есть полный набор признаков беспокойства.

Режим и регламент прогулок у нас отработан по часовому и даже минутному графику. Вот мы сидим перед телевизором во время вечерней программы. Рыжка блаженствует — все дома. Но вот кончилось кино (футбол), начинается программа «Время». Рыжка потягивается, аппетитно позевывает и, бодро помахивая бело-коричневым хвостом, приглашает нас на выход. Знает, негодница, что первую часть программы мы не жалуем, а к выступлению международников успеем вернуться. «Ну, граждане, кто поведет меня? Давайте решайте, да поскорее»,— словно вопрошает Рыжка, переводя глаза с одного на другого.

Требующая пунктуального выполнения распорядка дня, Рыжка настаивает на своих правах очень тактично, мягко, терпимо относится к некоторым моим слабостям. Так, когда я, используя послеобеденный адмиральский час, являю собой пример вялости и склонности к брюзжанию, Рыжка не требует положенного ей по времени вывода, а терпеливо ждет, когда папа взбодрит себя кружкой крепчайшего «морского» чая и сигаретой.

Как уже, вероятно, понял читатель, порядок в нашей семье мы стараемся поддерживать на основе справедливости и снисходительности. Справедливость и снисходительность — правила, которые необходимо соблюдать не только в отношении к человеку, но и к животному.

Как-то, лаская Рыжку, я назойливо теребил ее, прижимал ее голову к своему лицу. Видимо, собака устала от этих нежностей, о чем свидетельствовало ее тихое предупредительное рычание. Я же не внял ему. Наконец Рыжка не выдержала и, вырываясь, задела меня клыком по виску. Я оттолкнул ее и заорал: «Уходи от меня, бессовестная, не хочу видеть тебя!» Рыжка беспрекословно выполнила мой приказ — ушла на свою подстилку. Только слышны были ее тяжкие вздохи. Я уже уселся на диване, вообще-то, действительно обиженный: «Как Рыжка могла такое себе позволить?»

Как часто мы бываем несправедливы под напором сиюминутных наплывов, ленясь разобраться в причинах нестандартного поведения ближних своих! И сколько зряшно поломанных копий, сколько бессмысленно погубленных нервных клеток вместо вдумчивости и снисходительности, трезвого подхода к совершенному и совершаемому...

Сижу, остываю, уже коготки сожаления царапают сердце: «Ну чего наорал, чего взбеленился?»

А Рыжка, почувствовав перемену моего состояния, покаянно подползает к моим ногам, ищет мой взгляд... Глаза ее наполнены сожалением и... укором: «Неужели ты не понимаешь, что я не хотела сделать тебе больно, ну прости, не прогоняй». Не выдержал я, обхватил Рыжку, прижался к ней.

Ну, возможно, скажут некоторые, автор через свое познание какой-то собаки хочет навязать нам сомнительную миротворческую идейку!

Никому и ничего не навязываю. Просто размышляю. И на примере сосуществования человека и собаки хотел сказать: все мы — дети природы, только одни сумели подняться на более высокую ступеньку жизненного пьедестала, другие — не успели (или не смогли). Вот потому-то неправомерно проявлять высокомерие к нижестоящим, чувство же добра благотворно сказывается не только на человеке, но и на животных, растениях... К тому же никогда не поздно стать добрее и чище.

ПОД ГИПНОЗОМ — ЛЕВ

Майя БЫКОВА

Герой фильма поймал не в меру разбушевавшуюся перед закланием курицу и резким движением засунул ее голову под ее же крыло. Ошеломленная курица не двинулась. Последовал пас руками и приказ: «Спи!». Так на глазах у зрителей совершилось чудо. Последнее слово можно было бы закавычить. Дело в том, что герой фильма выдал за чудо обыкновенный гипноз. Однако авторы фильма не солгали: курица уснула.

Распространению сведений о гипнозе животных в России и на Украине в начале XX века способствовал врач Д. М. Кавунник (переводчик книг по этому вопросу и автор оригинальных работ). Физиолог В. Я. Данилевский ставил эксперименты на животных и пришел к выводу, что явление это можно сравнить с шоком, тормозящим мышление и волю. В дальнейшем все русские ученые шли к разгадке феномена непроторенными путями.

Так, в начале нашего века один забытый русский писатель после путешествия в Индию описал ловлю птиц. Охотник берет небольшую жердочку и, повертев ее в руках, словно полируя, прикрепляет футах в двух от земли на ближайшем к нему кусте. Затем ложится неподалеку и терпелнво всматривается в птицу. Глаза его, по свидетельству очевидца, принимают такое выражение, которое можно сравнить только со взглядом змеи на свою жертву. И деятельная птица вдруг останавливается, начинает прислушиваться, приглядываться. Склонив голову набок, остается несколько секунд неподвижной. Потом, встрепенувшись, силится улететь. Иногда и улетает, но бывает это крайне редко. Обыкновенно птица начинает бочком приближаться к жердочке, явно нехотя, влекомая насильно. Ее перья взъерошены, она тихо и жалобно попискивает, а все же продвигается «нервными» скачками... Наконец, она возле жерди. Одним скачком вспрыгивает на палочку — и судьба ее решена. Она уже неподвижна, сидит, как приклеенная.

Многие животные испытывают состояние «приклеенности», и не только птицы или пресловутый кролик перед удавом.

Издавна, работая с животными в этом направлении, человек отрабатывал методику страха, которая, по его представлению, вызывала паралич волевых центров.

Вероятно, первый описанный в литературе эксперимент такого рода проведен в первой четверти XVI века. Перед клювом связанной птицы проводили меловую черту. Животное впадало в оцепенение. Затем подход к экспериментам стал мягче — в конце прошлого века такое же состояние у птиц вызывали, фиксируя их внимание на каком-либо предмете. В. Я. Данилевский добивался желаемого так: придавал животному противоестественное положение, удерживая его с полминуты, пока оно не успокоится. После этого птице можно было придать самую вычурную позу, и она продолжала оставаться недвижимой. Мало того, в таком состоянии она не реагировала на уколы. Именно этот элементарный опыт и был продемонстрирован в художественном фильме «Агония» с курицей, которую загипнотизировал по ходу действия поп-расстрига.

Опыты по усыплению кур, индеек, кроликов проводил известный советский ученый А. П. Слободяник. А. Ф. Вельгиши (Венгрия) в шестидесятых годах гипнотизировал крупных животных, находящихся в неволе, таких, как львы, медведи.

Одно из самых близких человеку существ — кошка. Нельзя не сказать о ней. Иногда моя Шурка становится в позу (как я это называю) «охотящегося гепарда»: втянув голову в плечи, не мигая, бесшумно перебирая лапами, почти не касаясь пола, она, глядя глаза в глаза, «наплывает» на меня, совсем как гепард на жертву. Зрелище приводит в восхищение. Я испытываю легчайшее оцепенение. Еще бы — идет охота на меня. Это домашнее, но такое вольнолюбивое животное и в миллионном поколении не утратило воспоминания о приеме охоты, идущем из глубокой древности, из дикого состояния! Мало того, поведение кошки гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд,— она «выбрала» из арсенала воспоминаний гипноз — для заведомой игры!

Когда я вижу кошку на руке известного дрессировщика (одного из немногих, обратившихся к работе с животными, к которым мы очень привыкли и чаще всего в них не видим ничего интересного) в позе, которую можно приписать каталептическому состоянию, мне ясна природа этого тренажа. Осознанно ли это и на каком уровне — другой вопрос.

Уверена, среди огромной династии наших самых прославленных дрессировщиков был не один представитель, применявший гипноз. Передан ли этот опыт нынешним поколениям? Ведь использовался не только очаровательный рефлекс енота-полоскуна, подсмотренный в природе, и не только поощрение рыбой красавца-эквилибриста морского льва... Все это было бы слишком просто.

Нельзя умолчать и об умении полностью овладевать животным, порабощать его волю представителями одной из загадочных наций — цыган. Рассказы пасечников и баштанников идут из давних времен... Сколь бы злой ни была собака, охраняющая арбузы в степи, всегда находился цыган, который в открытую шел на нее, глядя глаза в глаза (хотя большинство натуралистов не рекомендует так смотреть на зверя, чтобы это им не было воспринято как «иду на ты»). Подходит к ней, что-то приговаривая, уже поглаживая ее, дрожащую, подрагивающую, едва владеющую собой, потерянную. А взаимоотношения представителей этой нации с лошадьми!.. Отдельное повествование...

Известны случаи использования медикаментов при первичной гипнотизации в целях лечения. Обширен арсенал таких средств обездвижения и у животных. Мало того, кроме ядов, они используют электричество, ультразвук, причем даже не для убийства, а именно для временного обездвижения. Большинство животных, служащих пищей зубатым китам, передвигаются с гораздо большей скоростью, чем гиганты. Да к тому же и зубы китов настолько редуцированы, что не могут служить для захвата движущейся добычи. Питаясь головоногими, кит должен догнать жертву, передвигающуюся со скоростью 50 км в час. Такие энергозатраты для него невосполнимы. Так что же происходит? В начале шестидесятых годов было высказано предположение, что киты имеют акустическое оружие для обездвиживания объектов охоты. Затем последовали эксперименты, доказавшие верность этого предположения на дельфинах. В водах, омывающих Аргентину и Мексику, дельфины пасли стаи хамсы. Причем рыба была столь «сонной», что рыбаки могли выхватывать ее из воды руками. А дельфины, делая заходы внутрь стаи, схватывали сразу по нескольку рыб.

Если суть гипноза по отношению к человеку — во внушении, вызывающем особое состояние, если главную роль во всем этом в большинстве случаев играют с л о в о и взгляд — то как же далеко лежит родственное ему физиологическое состояние, например, описанное в случае с дельфинами и хамсой! И тем не менее — родственное?..

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?!

МУЗЫКА И МЫ

«Говорят, что звезды падают к счастью, так пусть ваша жизнь будет сплошным звездопадом!..» — такое симпатичное пожелание прислали «Следопыту» Люда, Оля и Галя из башкирского села Красные Холмы. Кто они: сестры, подруги — мы не знаем, но спасибо вам, девушки.

Пока же, с открытием диалог-клуба «Музыка и мы», на редакцию обрушился звездопад пополам с камнепадом... Почти три тысячи писем-откликов укрыли нас с головой. Приветственные, осуждающие, восторженные, ироничные, где — с размышлениями, а где — с бранью и настолько противоречивые, что мы поняли одно: если стоит с чем сравнивать беспредельный космос — то с окружающим нас музыкальным миром.

Давайте договоримся сразу: редакция постарается категорично ни утверждать, ни отрицать. Проповедовать, убеждать друг друга предоставим право самим читателям, а редакция будет равным компаньоном в споре.

Сначала несколько комментариев к почте, пришедшей в диалог-клуб по существу спора и с ответами на викторины.

★ Возраст авторов большинства писем — 14—20 лет, учащиеся и студенты. Среди более взрослого контингента обозначены профессии: рабочие, инженеры, педагоги и т. д., не все указали специальность. В викторинах большинство участников — мужчины.

★ Около 600 писем содержат оценки, мнения, суждения, обоснования разных точек зрения. Интересны и голоса единомышленников, и суждения оппонентов. За открытость и откровенность признательны всем.

★ На викторину о зарубежной музыке из семисот участников точно ответили только 26 человек, что составляет около 7 %. С викториной о современной советской музыке справились сорок человек из тысячи — около 5 %. Интерес к предмету разговора высок, но информированность недостаточна.

★ Очень много читателей «не постоянных», которым «журнал просто попал в руки», чему мы искренне радуемся.

★ «По совету друга выписал ваш журнал, и сразу — викторина. Наверное, на многое ответил не так, но времени на поиск нет: журнал к нам идет слишком долго» (А. Ищенко, пос. Боровуха, Витебская обл.).

Вывод для себя сделали: срок присыла ответов на викторины следует продлить.

★ Три письма, друг за другом, прислал А. Рябинин из г. Запорожье. После всех его уточнений верно отвечено на 7 вопросов из 10. На приписку «Жду от вас ответа» отвечаем: в нашем отделе писем работает один человек, ответить на тысячи открыток мы не в состоянии. Поэтому просим всех ориентироваться на ответы, когда они будут опубликованы, и сверять правильность по ним.

★ Много коллективных писем. Пишут супруги, пишут целыми семьями, группой, коллективом, даже ротой. Но индивидуальных — больше: сказывается момент соперничества. С одной улицы, из одного дома, из одного училища, даже из одной квартиры — и то идут письма врозь. Некоторые супруги, замечено, предпочитают разгадывать викторины по

«Просто замечательно, что вы заговорили о музыке. Это нужно всем, особенно фанатам, которые глядят только в одну сторону и не хотят замечать ничего остального. Я, например, люблю всё, кроме джаза, разве что, просто не понимаю его... М. Циттель, Братск».

«Хорошая публикация, и главное, вовремя. Но она неполная. Хотели бы дать совет. Сейчас много пишут о кризисе в роке — вернее, не пишут, а вскользь думают; пишут также, что появилось много поп-халтуры. Хотелось бы, чтобы этот вопрос был освещен шире. М. Мартыненко, К. Писаренко, В. Рогачев, Д. Харьков, учащиеся ПТУ из Кокчетава».

«Лучшим исполнителем зарубежной песни можно с полным правом назвать Д. Болена — сам сочиняет музыку и стихи. Правда, стихи посредственные, но лучше, чем у наших певцов, которые мямлют кашу — уши вянут... Ольга Скуридина, Горький».

«Надо не только ругать Запад, но и оглядываться на него. Отечественный рок мало развивался, только сейчас начался подъем и происходят интересные явления. В отличие от рок-музыки, в эстраде полный застой: нет новых имен, известные исполнители часто пробавляются пустыми однодневками. Андрей Семин, г. Чернушка Пермской обл.».

«Мне нравятся все стили. Но любимый ансамбль — «Париж-Франция-Транзит». В его репертуаре есть и песни, но в основном мелодии. Мелодией они выражают всё — никаких слов не нужно. Я ценю такую музыку. А некоторые группы кричат во все горло — толку никакого. Константин Стерликов, 9 класс, Караганда».

«Лично меня «металл» не захватывает, а скорее наоборот, бесит. С одной стороны, неприятно смотреть на исписанные стены, разодетых в стиле XVIII века подростков. Но, с другой стороны, я считаю, что только благодаря «выходу» в эту музыку мы еще справляемся с наркоманами и алкоголиками в нашей стране. Андрей Ковалев, восьмиклассник, Омск».

«Удивляет, что большая часть молодежи безразлично относится к классической музыке. Часто слышишь, что она не в духе времени. Я же думаю: классика всегда будет современна. Что касается рока, то мне кажется, что будущее у хард-рока, а «металл» бесперспективен. Хард-рок более мелодичен и не давит на уши. Елена Псарева, Нижний Тагил».

«Зачем нужны война, разруха и голод? Всего этого не будет, если люди будут бороться за мир любыми способами, даже песнями и музыкой. Я люблю рок, хотя в нем есть и хорошие, и плохие черты. Игорь Александров, Архангельск».

«Если вы собрались критиковать «металл», утверждать, что это худшее из направлений, то оставьте это в себе и бросьте вашу ненужную затею. И вообще оставьте нас в покое. Руслан К.».

«Рок вдохновляет меня на жизнь и на труд. Так, может, давайте судить о нем по результату, а не по количеству тактов? Сергей Гончаров, г. Бердянск Запорожской обл.».

«Подборка «Музыка и мы» оказалась настолько разнообразной, что не откликнуться нельзя. Жаль бедных инопланетян! Обслушавшись всем, чем в изобилии заполнен наш эфир, они рисковали бы потерять вкус... Хватило бы одной «Тети» или «Белой вороны».

Самое интересное: критика их не трогает, зато на рок устраиваются целые облавы. Я предпочту питаться земляникой вприкуску с горчицей, ибо остальные фрукты и овощи или сгнили от времени, или набили такую оскомину, что не только есть (читай — слушать), но и смотреть на них противно. Геннадий Селезнев, Донецк».

«Вы пишете о коммерческом направлении, искусственно подогреваемом западным музыкальным бизнесом. Это верно. Но какое направление не подогревается — диско, панк-рок?.. Все, что может принести прибыль, обязательно будет подхвачено — это деньги! Хэви-металл совсем не чужд гуманизму и демократии. Вы можете сказать, что писали только о западных группах, но стиль игры везде один. А «Круиз» и «Ария», поющие на нашем родном, русском языке — они ведь не призывают к войне. И большинство групп отвергают фашизм, расизм и прочее человеконенавистничество. Выходит, раз «металлист» — бей его. А это ошибка! Аркадий Саренко, Оренбург».

«Выражаю мнение сразу тридцати человек. Как бы ни говорили, что хэви-металл — плохой стиль, его будут слушать все равно. В одном с вами согласны: надо больше интересоваться историей рок-музыки, больше узнавать. А бояться за молодежь не надо: она сама поймет, что хорошо и что плохо, и что ей нужно сегодня, а что — нет. Андрей Иванов, Оренбург».

отдельности; братья и сестры, живущие на разных этажах одного и того же дома или даже в одной квартире,— пишут отдельно. Не будем называть одинаковых фамилий — их просто уйма.

Игра есть игра... Мы только очень надеемся, что это соперничество между близкими людьми останется творческим, ни в коем случае не внося разлада ни в семейные, ни в родственные, ни в дружеские чувства.

★ Порадовала осведомленность жителей сел и отдаленных поселков. Назовем для примера некоторых участников викторин: А. Храменков (пос. Айхал в Якутии) — угадал 8 из 10 ответов; Олег Бычков (с. Коларево Томской обл.) — 8 из 10; Андрей Лавриков (Тальменка Алтайского края) — 9 из 10; Андрей Зенков (Новоселки Рязанской обл.) — 9 из 10; Михаил Рубич (дер. Слобода Минской обл.) — 8 из 10; Олег Остапкович (с. Ванавара Красноярского края) — 9 из 10... Простите, что не можем назвать всех.

★ Самый юный возраст участников викторин — на уровне 6-го класса и 13 лет: Марат Исмагилов (Усть-Каменогорск) — 8 из 10; Лена Логвинова (зерносовхоз «Каратальский» Кустанайской обл.) — 5 из 10.

★ Самому пунктуальному читателю Олегу Межевичу из Новокузнецка, который написал: «Журнал пришел 2.12.87 в 16 часов, ответ отправил в 19.30», даем персональный ответ: у вас правильных 6 ответов из десяти.

★ Очень много верных ответов: 10 из 10, которые по жеребьевке не попали в призовые. Даем частичный список эрудитов: Т. Б. Терновская (Барнаул), Т. Лиховол (г. Димитров Донецкой обл.), В. И. Ерченко (Иркутск), К. Копырин (Петрозаводск), Л. Э. Зевцов-Лобанов (Киев), Николай Корнилов (Ленинград), Александр Кульбако (Минск), О. Г. Чудов (г. Сухой Лог Свердловской обл.), Г. Р. Махудаев (Семипалатинск), Олеся Сейфи (Комсомольск-на-Амуре), В. Клочков (г. Терновка Днепропетровской обл.), В. В. Карачев (г. Шарья Костромской обл.), Виктор Чалый (Краснодар), Винниченко (село Пресногорьковка Кустанайской обл.), Юрий Будун (Липецк), Г. Н. Середа (Москва), А. П. Пьянков и Ю. Помыткин (Пермь), Виктор Максимов (Великие Луки), С. Михайлова (Рязань), С. Пидько (мыс Шмидта, Магаданская обл.), Оксана Дурнова (г. Артемовский Свердловской обл.), А. В. Лозовский (г. Троицк Челябинской обл.), Н. Юрпалова (Свердловск), И. Г. Стародумов (Владивосток) и другие. Поздравляем их всех!

★ Высказано сомнение в правильности постановки вопроса о первой пластинке «Битлз»: вышел ли «сингл» в октябре 1962 года или раньше? Вопрос правомерен, требуется пояснение.

Самая первая запись была сделана в Гамбурге в марте 1961 года, тогда ливерпульские музыканты аккомпанировали певцу Тони Шеридану. В августе 1962 года Ринго Старр заменил в ансамбле Пита Беста, и 11 сентября известный ныне всему миру состав Леннон — Маккартни — Гаррисон — Старр сделал свою первую грамзапись, «сингл» поступил в продажу 5 октября. С этой пластинки и начинается дискография «Битлз». Потому в формулировке вопроса и содержалась информация о времени выхода «сингла», чтобы облегчить поиск ответа, поскольку в ряде изданий дискографии квартета необходимые комментарии отсутствуют.

Никакая тема до конца не может быть исчерпана. Нет такого издания, чтобы выполнить все просьбы и ответить на все вопросы,— разве что специальная энциклопедия, но таковой пока нет. По мере сил и возможностей мы постараемся давать информацию о тех или иных группах, ансамблях, оркестрах, исполнителях.

Нам советуют быть, как «Ровесник», который подробно рассказывает о рок-группах...

Пишут: «Долой рассказы о роке! Мы хотим узнать о диско!..»

Просят написать об Андрее Миронове, Стиве Уандере, Ротару и Армстронге, Утесове и Дине Риде, Мадонне и «Наутилусе»...

Если бы мы захотели удовлетворить вкус каждого, мы бы вертелись, как корабль в Бермудах. А кто хочет попадать в воронку?! У каждого издания, если он берет какую-то тему, свой подход и свой курс. «Следопыт» — не «Ровесник» с его пристальным вниманием к року и не «Музыкальная жизнь» с ее серьезными профессиональными разборами. Наш корабль идет под флагом МУЗЫКИ как таковой — во всех видах, а не отдельно рока, джаза, фолка, хэви-металла, диско и т. д.

Так что выбираем бо́льшую сдержанность, спокойную рассудительность, информативность в широком плане. А главное, постараемся дать возможность высказаться самим читателям, чтобы вместе «свести концы с концами» в музыкальном лабиринте.

музыка слушает НАС...

Почту диалог-клуба комментирует его ведущий Валентин КИСЕЛЕВ

Считаю очень важной и злободневной мысль о равноправном существовании разной музыки, которая для каждого человека должна не исключать, а дополнять друг друга. Могу только порадоваться живой поддержке такого подхода во многих письмах.

Ориентированность на что-то одно обедняет. Музыковед Л. Генина сказала так: «Можно ли считать нормальным, что против поворота северных рек писатели боролись и победили, а повороты «рек музыкальных» в сознании огромной части людей, прежде всего молодых, мы предотвратить не смогли?.. Я не против рок-культуры, но если она талантлива, во-первых, и не затмевает собой весь музыкальный свет, во-вторых...» Многое зависит здесь от самообразования, настроя на него. А возможности для освоения всех музыкальных богатств у нас в стране есть!

Бум переживает в наши дни рок-музыка. Еще недавно она привлекала многих ореолом полузапрещенности; сегодня она становится привычной, поклонники ее — спокойнее и взыскательнее. Но страсти еще кипят...

Рок-музыка стала полноправной хозяйкой на радио и телевидении, в кино и грамзаписи. Вышли пластинки «Аквариума», «Браво», «Секрета», «Черного кофе», «Рондо», других групп. В газетах и журналах появляется множество рекламных публикаций. Интервью с «Черным кофе» опубликовала даже «Пионерская правда».

В журнале «Музыкальная жизнь» ведется цикл «Рок-музыка: истоки и развитие». Фирма «Мелодия» приступила к выпуску серии «Рок-архив» и «Архив популярной музыки»: старт взят диском «Дым над водой» группы «Дип Перпл»; в дальнейшем предстоит знакомство с С. Уандером, П. Саймоном и другими талантливыми музыкантами.

В прошлом году на радио одновременно шло два конкурса рок-исполнителей (с выпуском пластинки «45 минут в воскресной студии»), кроме того — еще и хит-парад...

Хорошо, что есть внимание. Но тревожит отсутствие трезвого критического начала. Рок-наступление фактически превратилось в рок-диктат; наряду с талантливыми работами на радиослушателей и телезрителей обрушился мощный вал рок-халтуры.

Проблем достаточно. Серьезную, на мой взгляд, попытку анализа ситуации в отечественной рок-музыке предпринял ленинградский философ и искусствовед Игорь Набок в журнале «Молодой коммунист» № 1 за 1988 год. В полемичной статье он показывает, что мифы, возникшие вокруг рока, зачастую рождены забвением или незнанием азбучных истин художественного творчества, его истории, психологии. Касаясь творчества отечественных рок-групп, он пишет о «потоке сплошного нигилизма», когда вещи, достойные отрицания в нашей действительности — фальшь, лицемерие, мещанство и многое другое, подаются в гипертрофированном виде, становясь уже не выражением гнева и боли, а механически-ритуальным действом — отрицанием ради отрицания. Особенно это характерно для «металлических» групп.

Должен признаться, что наши суждения о хэви-металле были намеренно заострены. Хотелось вызвать ответную реакцию, узнать, чем эта музыка привлекает поклонников, что они думают о ней. Но эмоциональные монологи, нередко коллективные, еще чаще анонимные, к сожалению, не содержали ответа: почему нравится? Мало кто пошел дальше обличения в предвзятости и некомпетентности автора обзора. А ведь хотелось-то только, чтобы «металлисты» всерьез задумались об объекте своего страстного поклонения, попытались объяснить его.

Конечно, причин, чтобы драматизировать увлечение ребят хэви-металлом нет; вообще считаю, что увлечение музыкой, пусть временное и избирательное, человеку никак не во вред — скорее, может стать ступенькой в дальнейшем его развития. Лишь бы оно не было фанатичным.

Мне показалась интересной позиция по отношению к «металлической» моде лидера «Аквариума» Бориса Гребенщикова: «Тяжелый рок... как никакая другая музыка, сильно воздействует на психику подростков 14—16 лет — за грохотом металла им чудится какая-то сила, привлекательная

«...«Модерн-токинг» — коммерческая группа?! Я не могу в это поверить! И понимаю, но не могу поверить, что этого дуэта не будет! Лена Акатова, Ярославль».

«Реально было бы организовать кооперативное объединение, которое по заявкам будущих покупателей, а также на свой страх и риск производило бы запись и выпуск пластинок? Лично мне в призах за ваши викторины привлекателен фолк-фестиваль. Но это шутка, приз мне не нужен. Но нужно и высказаться: прошли времена, когда мне хватало сил и желания произносить могучие монологи «за» и «против». Стара стала, 21 год стукнул. Но к созданию такого кооператива я бы приложила руку. Елена Лисовская, г. Обухов Киевской обл.».

«Фирма «Мелодия» заняла явно выжидательную позицию. Где все те достижения мировой рок-культуры, которые мы за период «застоя»» не услышали? Мне ответят — валюты нету. Бедность, конечно, не порок... Но почему в той же Венгрии свободно лежит альбом «Перфект Стайнджерс»? Цена на него, правда, порядочная, но ведь они могли позволить себе это... К. Филиппов. Кишинев».

«Сейчас так много говорят о воспитании у подростков правильного музыкального вкуса. Говорят много, а делают мало. Так и хочется крикнуть: «Взрослые дяди и тети! Те, от кого зависит степень правдивости статей о музыке и музыкантах, сроки выхода и тираж пластинок... Посмотрите же на нас с высоты своих кресел! Сделайте, наконец, то, что нужно вам и нам — вы ведь для этого там и сидите! А. Орлова, Н. Самарина, г. Артемовский Свердловской обл.».

«Что рок — новая музыка, я не сомневаюсь, пусть даже все журналисты говорят об обратном. Я скажу так: если появилась музыка, которой раньше не было, то это новая музыка. В. Лужный, с. Оконешниково Омской обл.».

«Я — «металлист» и говорю вам прямо: есть у меня всякие «железки», но надеваю их очень редко. Знаете, это давний стандарт: «Вот прыщеватый юнец, типичный меломан...» Да, меломан! Когда я слушаю «Владимирскую Русь» в исполнении рок-группы — у меня слезы текут. Но я также люблю Баха и Чайковского. «Металлистов» надо принимать всерьез, хотя среди них и много тех, кто увлекается роком ради блеска железок вроде сорок. Но ведь и они-то приобщаются внешне, потому что нет никакой информации. Так что в пещеры мы обратно не пойдем. А рок надо принять как самостоятельное направление в музыке,— думаю, это вам доказывают уже многие. Андрей Анохин, г. Миасс Челябинской обл.».

«...«Находятся» сторонники металла? Почему же так презрительно — «находятся»?! Мы просто есть. И все очень разные. Я, например, отличник, веду общественную работу и в школе, и в районе. Но на концертах появляюсь в полагающихся атрибутах. Подумайте о том, сколько поколений уже получили разные уроки: то плохо, это нельзя... А нам надо дать не пустоту, а возможность выбора: джаз, классика, панк-рок, арт-рок, поп-музыка, хард, бит и рок — с тем же правом. Дима, Саратов».

«Наконец-то, на 30-м году жизни, вы обратились к музыкальной теме и сразу, как говорится, быка за рога: рок, Высоцкий... Жаль, надо было этот разговор начать лет десять назад. Мне кажется, в молодежном издании страницы о музыке должны быть в каждом номере. Только берите шире: и рок, и классику, и Высоцкого, и авторскую песню, и фольклор. Я бы посвятил, например, специальные публикации гитаре, гармошке, баяну. В вашем, краеведческом, аспекте здесь наверняка могут быть какие-то открытия. В. Суворов, педагог, Свердловск».

«Мы организовали рок-клуб при Дворце культуры. Наметив план, с ужасом обнаружили, что девять десятых его посвящены западным рок-музыкантам. Хорошо писать, что у «Каталога» «характер исполнения приближен к бардовой традиции»... А где их найти — «Каталог», «Кабинет» и т. д.? Практически ничего нет из отечественного рока! Сергей Бочаров, Комсомольск-на-Амуре».

«Я очень люблю рок-музыку. Но в вашем журнале не нахожу для себя подходящего материала. Я знаю, одно мое письмо погоды не сделает, но уверен: пишу вам об этом не я один. Ю. Бессонов, Куйбышев».

«Раньше я слушал всякие «бонизмы» и т. п. Так называемую музыку для ног, с монотонным ритмом 120 ударов в минуту. Кроме этого там ничего нет. Два года назад увлекся роком. Он научил меня внимательно слушать и понимать музыку. Меня потянуло к классике. Сейчас я не могу жить (пусть это и покажется высокопарным) без классики и рока. А уж что это лучше, чем все наши модные ансамбли — и говорить нечего. М. С., Челябинск».

«Прочитав вашу обличительную статейку, решила откликнуться. Вы никогда не сможете оценить все преимущества металла! Вы не сможете очернить металл! Он всегда будет блестеть своим металлическим блеском! Он для нас святая святых... Марина, Свердловск».

«Очень рады появлению новой рубрики в журнале. Считаем, что с нею журнал стал еще интереснее. Юрасовы, Дмитрий и Алексей, пос. Керамика Куйбышевской обл.».

мощь. У молодых, естественно, возникает желание быть причастными к ней, вслед за этим формируется «стадное чувство».. Но, в общем-то, все благополучно минуют этот период взросления...»

Может быть, и не все, кто-то будет верен музыке своей юности и позднее. Но вот то, что есть сейчас — «Мы вместе-е-е!!» — это хорошо, когда осмысленно. Коварны и опасны именно стадность, бездумность, отсутствие культуры чувств — всё, что исключает осмысление, здравый подход, без чего невозможно увидеть ни истинные достоинства, ни недостатки явления.

Кстати говоря, ведь и на Западе именитые рок-музыканты ожидают от советского рока не обезьянничанья, не повторения, хоть и на хорошем уровне, а нового, своего.

Разве рок идеален и должен быть вне критики? Убежден, что столкновение разных точек зрения должно быть спокойным и разумным. Пора уже принять и то обстоятельство, что есть и будут противники рок-музыки, и они тоже должны иметь право высказаться. Важно, чтобы диалог был аргументированным.

Некоторые рок-фанаты приписывают мне ниспровергательные суждения, которых в обзорах нет, и энергично обрушиваются на них. Зачем, почему? Думаю, все дело в том, что, придумывая врагов, рок-фанаты тянут старую, привычную песню о притеснении и несправедливости, не желая выйти из удобной, но ставшей уже бессмысленной, обличительной позы. Отрешившись от нее, надо будет набирать новый багаж, а для этого потребуются усилия, некоторое напряжение, обязательно самообразование. Перешагнут эту грань те, кто увлечен рок-музыкой искренне, не на показ. А идоломания всегда ослепляет, дурманит, деформирует сознание.

У каждого музыкального направления свои особенности, выразительные средства, свои достижения и потери. Законы развития не минуют ни рок, ни фольклор, ни авторскую песню, ни джаз, ни танцевальную музыку.

И, по-моему, самое ненужное — это сталкивать их, побуждать делать выбор в пользу чего-то одного: Окуджава или «Веселые ребята», Чекасин или Пугачева... Возможно ли вообще такое?! За рубежом хит-парады принято составлять для каждого жанра отдельно. У нас, к сожалению, взяли другую схему. Вот и конкурируют, например, в списке 1987 года «Опроса популярной музыки» Высоцкий и Николаев, «Дип Перпл» и «Форум», Марина Влади и «Черный кофе».. Для чего выпекается это немыслимое блюдо одновременно из горчицы и земляники?.. Можно ли придумать что-либо более разрушительное для гармоничного, разностороннего музыкального вкуса, чем принятая схема такого хит-парада?

...Мы слушаем музыку, но и музыка слушает нас. Мстит, если мы относимся к ней механически-равнодушно, без уважения или фанатично. Дарит живую радость, если обращаем к ней ум и сердце.

«Проблемы, которые были подняты в ваших публикациях, я для себя уже обсудил. Мне 21 год. Работаю инженером в проектно-конструкторском бюро. Закончил заочно строительный техникум. С детства хожу с костылями. Лет семь назад начал интересоваться рок-музыкой. Я не принадлежу к фанатам: постепенно пришел к выводу, что разная музыка хороша в разных случаях. Так уж получилось, что профессию мне не пришлось выбирать — пошел в техникум, который рядом с домом. Но работа мне нравится. Только для меня этого недостаточно. И вот, пройдя комиссию горисполкома, я получил удостоверение на право заниматься индивидуальной деятельностью — звукозаписью. Через «Собеседник» списался с ребятами, заинтересованными в этом деле. Разорился на двухкассетный «Шарп».

Есть такая идея. Создать студию звукозаписи, которая пропагандировала бы группы «магнитофонного» рока, в которой были бы качественные записи, не позорящие советский рок. Студия по возможности отчисляла бы какой-то процент от своего дохода непосредственно группам. Такая студия, даже в небольшом масштабе, решила бы многие проблемы. Я сейчас начинаю получать записи из Москвы, но сделать пока ничего не могу — нет рынка сбыта. Туго с компактными кассетами, финансами. Надеюсь, летом будет легче: я получу права и буду «на колесах». А пока собираю фонотеку. Ребята из Москвы интересуются свердловскими группами, мне очень нужны связи с этими группами. Прошу поверить мне, что делаю я все это не ради барышей (денег мне и на основной работе хватает), а чтобы вырваться из предопределения судьбы. Хочется заняться интересным делом. Александр Аникин, г. Курган».

«...Вы не подумайте, мне не надо приз: просто хочу попытать счастья... Лена Пупей, с. Тавтиманово, Башкирская АССР».

«Мы читаем ваш журнал всей семьей. И наша семья — за открытие специальной музыкальной страницы. Оксана Сухорукова, Уфа».

«Почему бы не открыть рубрику «В вашу фонотеку»? И периодически не публиковать списки новинок грамзаписи? Убежден, что это было бы принято «на ура». Б. Б. Семенов, г. Абаза Красноярского края».

Викторина-88

1. Театр под открытым небом недавно построен для Всесоюзного фестиваля польской песни. Таким образом, Зелена-Гура приобрела в нашей стране город-побратим...

а) Витебск, б) Гродно, в) Дзержинск.

2. Среди работ, представленных в 1988 году на соискание Ленинской премии, была и симфония-фантазия «Мастер и Маргарита». Кто ее автор:

а) Аркадий Петров, б) Борис Терентьев, в) Александр Холминов.

3. «Владимирская Русь» — композиция из репертуара группы:

а) «Ария», б) «Калинов мост», в) «Черный кофе».

4. В нынешнем году на ЦТ открыт клуб любителей оперы. Ведет встречи в нем признанный мастер оперной сцены:

а) Паата Бурчуладзе, б) Евгений Нестеренко, в) Зураб Соткилава.

5. Все привычнее становятся для нас благотворительные концерты. А возрождена эта давняя, благородная, но забытая традиция Советским фондом культуры в сентябре 1987 года. Наш вопрос — о самом юном участнике первого концерта, одной из надежд советского музыкального искусства:

а) Евгений Кисин (ф-но), б) Николай Луганский (ф-но),
в) Вадим Репин (скрипка).

6. Композиции на стихи С. Кирсанова, В. Маяковского, А. Тарковского, Ю. Марцинкявичуса, Е. Евтушенко составляют основу репертуара рок-группы, существующей с 1977 года. Какой коллектив имеется в виду:

а) «Диалог», б) «Мастер», в) «Секрет».

7. Народный артист РСФСР скрипач Владимир Спиваков возглавляет коллектив, известный далеко за пределами нашей страны:

а) Камерный оркестр «Виртуозы Москвы», б) Квартет им. Шостаковича,
в) Камерный оркестр Московской консерватории.

8. Телефильм «Колыбельная с куклой» познакомил зрителей с талантливой исполнительницей русских народных песен. Постоянным читателям нашего журнала ее имя знакомо:

а) Валентина Готовцева, б) Елена Сапогова, в) Нина Слепкова.

9. Фильм Т. Абуладзе «Покаяние» продолжает свой мужественный, очистительный путь по экранам мира. В финале звучит просветленная тема жизни из оратории «Смерть и жизнь». Ее автор в прошлом веке жил, творил... и для нас.

а) Гектор Берлиоз, б) Жорж Бизе, в) Шарль Гуно.

10. Олег Сиикин и Александр Винницкий составляют музыкальный дуэт, работающий в творческом содружестве с певицей — мастером современной советской эстрады. Недавно вышла ее новая пластинка «Да осенит тишина...». Назовите певицу:

а) Галина Беседина, б) Елена Камбурова, в) Валентина Толкунова.

На открытке или в письме напишите номера вопросов и буквенные обозначения выбранных вариантов ответов.

Обязательно укажите точный почтовый адрес, фамилию, имя, отчество полностью, по желанию — возраст, род занятий.

Авторы правильных ответов примут участие в розыгрыше пяти призов: пластинок с записями дуэта С. и Т. Никитиных, оперы А. Рыбникова «Юнона и Авось», бит-группы «Секрет», В. Чекасина и А. Градского.

Ответы можете послать в течение месяца со времени поступления к вам журнала.

Наш адрес: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22в, редакция журнала «Уральский следопыт» («МУЗЫКА И МЫ»).

Успеха всем!

«Отрадно узнать о новой рубрике, посвященной музыке. Тем более что это будет не обыкновенная информационная рубрика, а нечто вроде диалога, где мнение читателей играет не последнюю роль — надеемся, что будет так. Курсанты училища, Ворошиловград».

Халтуры везде хватает, во всех музыкальных направлениях. В вашей статье хорошо сказано о фанатизме. Думаю, что фанатизм в любой сфере заканчивается отвращением к предмету, над которым «фанатеешь». Я. Денисов, Балаково».

«Благодарю редакцию и автора за разговор о музыке. Приятно услышать умного человека, тем более найти созвучие души. Я верю в силу настоящей музыки, песни. Елизавета Крамар, Чимкент».

«Нужно как можно больше узнавать о своих кумирах, а не слепо преклоняться перед ними. Валя К., г. Коркино Челябинской обл.».

«Я «Следопыт» вообще не читаю, читает брат. Но увидела викторину и решила ответить. Вопрос лично редактору: вы начали публикацию о музыке, чтобы журнал побольше читали? Придумайте что-нибудь поновее. Эта публикация, как мне кажется,— заискивание перед молодежью. З. Х., Башкирская АССР».

«Молодежь очень увлекалась дуэтом «Модерн Токинг» — «Современный разговор», и когда все уже наслушались, фирма «Мелодия» начала выпускать пластинки... Просто не понятно, почему они не пользуются случаем, когда молодежь только начинает интересоваться чем-либо, а ждет спада?! Светлана Т., 15 лет, г. Набережные Челны».

«Огромное спасибо за рубрику «Музыка и мы». Она очень помогает при проведении дискотек. Светлана Ишина, Красноярский край».

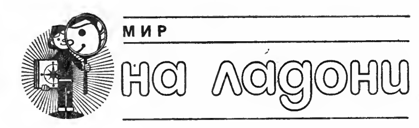
«Вообще, молодежная музыка, по-моему, должна быть своего рода подготовительным курсом молодого человека к восприятию серьезной классической музыки, ведь ее элементы присутствуют во всех музыкальных направлениях. И интерпретация классических произведений в стиле рок не должна рассматриваться как акция, подрывающая авторитет классики. Симфо-рок ничего, кроме пользы, не принесет. Владимир Чвыров, Рязанская обл.».

«Давно читаю ваш журнал. Новая рубрика «Музыка и мы» интересна. Продолжайте в том же духе. В. Цебенко, Ростовская обл.».

«Когда вы напечатали первые отрывки из читательских писем, мне сразу захотелось поговорить, поспорить, посоветоваться. Хочется контактировать. Если можно, напечатайте мой адрес. Я учусь в СПТУ, особое предпочтение отдаю группе «Форум». Наталья Сыроежкина, 317915, Кировоградская обл., г. Александрия, пос. Димитрово, ул. Шевченко, 37».

«Мы попытались создать в школе музыкальный клуб. Может быть, откликнутся такие же энтузиасты, хотелось бы установить контакт. Наш адрес: 623771, Свердловская обл., Артемовский р-н, п. Сосновый Бор, ул. Молодежи, 10, кв. 1. Н. Самарина, А. Орлова».

«Новая рубрика очень заинтересовала. Особенно благодарю за материал «Человек-оркестр» о В. Чекасине. Давайте больше сведений о свердловских исполнителях. А за викторину спасибо, такие задания расширяют не только кругозор, но и круг друзей. Татьяна Ваулина, Свердловск».

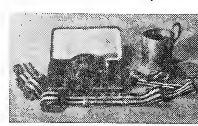
Находка в сарае

В Центральный военно-морской музей пришла группа красных следопытов. Ребята принесли вещи, найденные во время сноса старого сарая. Это были медная кружка, георгиевская лента с надписью «Карс» и медаль с изображением величественного монумента.

Справка, которую получили ребята, рассказала вот о чем.

Лента с надписью «Карс» и медная кружка принадлежали военному кораблю. Свое название корабль получил от города-крепости Карс. В 1921 году Советское правительство, возглавляемое В. И. Лениным, возвратило Турции этот город.

В мае 1920 года корабль, на борту которого уже было написано «Ленин», принудил к капитуляции в иранском порту Энзели английских интервентов и белогвардейцев. Наш торговый флот, который враги пытались угнать, был возвращен Советскому Союзу. Прославился этот корабль с именем В. И. Ленина и в годы Великой Отечественной войны. Тогда он находился в составе Волжско-Каспийской военной флотилии.

А медаль с изображением монумента была выпущена в честь открытия в Новгороде памятника «Тысячелетие России».

В. КРИВОШЕИН

Грядки за Полярным кругом

В середине сентября мы ехали на автобусе из Норильска в Талнах. Стоял прохладный, но солнечный день. За окнами тянулась бесконечная тундра с пожелтевшими карликовыми березками и кустами полярной ивы. И вдруг:

— Смотрите, лук на грядках! — крикнул кто-то.

И действительно, вдоль дороги за невысоким проволочным ограждением тянулись гряды с зеленью.

— Огороды на вечной мерзлоте!

— Да, да,— не без гордости подтвердила экскурсовод,— многие жители Норильска выращивают здесь овощи.

Мы высыпали из автобуса. На счастье поблизости оказался один из огородников.

— Пробуйте! — предложил.

— Как вам все это удается, если под ногами на глубине штыковой лопаты вечная мерзлота?

— Смотрите сюда!..

Мы увидели прямоугольную яму глубиной в полметра.

— На дно укладываем какой-нибудь изолирующий материал: руберонд, пенопласт — кто что раздобудет. Затем привозим хороший чернозем, засыпаем, наращиваем грядку на полуметровую высоту.

— Хорошо, снизу холод не подберется к вашим растениям. А как быть с температурой воздуха? Ведь весна у вас поздняя, а в начале октября землю плотно укрывает снег?

— Это так. Однако летом у нас шестьдесят пять дней солнце не прячется ни днем, ни ночью. Вполне вызревают не только лук, но редис и петрушка...

А в Игарке жители выращивают зелень прямо под окнами своих домов: сколачивают из досок ящики, устанавливают на подставки, насыпают чернозем, высевают семена. Условия для вызревания зелени те же, что и в Норильске.

Северяне — находчивые люди!

М. ПЕТРОВ

В глубины океана

Если помнить о том, какую огромную роль играет океан в жизни Земли (это — главное водохранилище планеты, основной приемник солнечной энергии и регулятор температуры, климата, мощнейшая машина круговорота вещества и т. д.), то будет вполне понятен особый интерес человечества ко все новым и новым попыткам постижения его тайн. А их множество...

В этом смысле героями дня стали недавно советские подводные аппараты «Мир-1» и «Мир-2». Они построены под руководством Академии наук СССР в Финляндии, а затем успешно испытаны в Атлантике. Эти маленькие автономные подводные лодки способны опускаться на глубину более 6000 метров — то есть «охватывать» девять десятых всей толщи водной оболочки планеты. В испытательных погружениях на 6170 и 6120 метров экипаж аппаратов (три человека) затрачивал на спуск и подъем 12 часов. Но в рабочих погружениях это можно будет делать вдвое быстрее. Вообще же каждый из аппаратов способен путешествовать под водой без подъема на поверхность океана больше недели. Внутри поддерживаются обычное атмосферное давление и состав воздуха.

В истории познания океана уже были случаи сверхпогружений, превосходящих результаты «ходок» аппаратов «Мир». Но, очевидно, стоит напомнить любопытным, что средняя глубина Мирового океана — 3795 метров.

С. ТАТЬЯНИН

ВОСЬМЫЕ БИРЮКОВСКИЕ

Восьмой раз прошли в Челябинске Бирюковские чтения. Этот традиционный весенний слет краеведов, историков, фольклористов практически стал всесоюзной трибуной, ибо и на этот раз объединил краеведов не только всего большого Урала, но и привлек к себе энтузиастов краеведения из Москвы и Ленинграда, Воронежа и Иванова, Калинина и Рудного (Казахстан).

Особенность нынешних Чтений в том, что прошли они накануне 100-летия со дня рождения уральского краеведа и фольклориста В. П. Бирюкова, которому было посвящено несколько докладов и сообщений.

На пяти секциях — история Урала, культура Урала, история уральской литературы, фольклор Урала, лингвистическое краеведение — с сообщениями выступили около 150 краеведов, историков, фольклористов и лингвистов.

Новыми лауреатами Бирюковских чтений стали Г. Д. Дмитрин, А. П. Моисеев, Б. П. Маршалов (Челябинск), С. Г. Сафуанов (Уфа), П. В. Куприяновский (Иваново).

19 · КРАЕВЕДЕНИЕ · 89

Краеведение журнала в будущем году будет стремиться к продолжению активного диалога с читателем. Кроме «КРАЕВЕДЧЕСКОЙ КОПИЛКИ», которая по-прежнему будет в основном читательской, «Уральский СЛЕДОПЫТ» напечатает несколько подборок «КРАЕВЕДЧЕСКОГО БУМЕРАНГА» с разделами: «ЧИТАТЕЛЬ СОВЕТУЕТ... ДОПОЛНЯЕТ... СПРАШИВАЕТ... ОТВЕЧАЕТ».

К уже существующей публицистической рубрике «ПАМЯТЬ» мы намерены добавить еще одну — «ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО УРАЛА». Это будут рассказы о городах и заводах — памятниках горнозаводского Урала, их прошлом, настоящем и будущем. Надеемся на активную помощь читателей, чтобы никто и ничто из достойного нашей сыновней памяти не было забыто.

И еще одна рубрика получит прописку на краеведческих страницах. Называется она «МАЛЫЕ ГОРОДА РОССИИ». С помощью краеведов, историков и читателей будем рассказывать о городах, которые «на карте генеральной кружком означены не всегда», но имеют богатую историю и неповторимое лицо.

Будут продолжаться привычные читателю рубрики: «ЮНОСТЬ ОТЦОВ», «ТОВАРИЩ ВРЕМЯ», «ДАВНЫМ-ДАВНО», «ПО БЕЛУ СВЕТУ», «СТРАНА ТОПОНИМИЯ», «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА». Одна из публикаций последней рубрики расскажет, например, «всё о грибах». Серия очерков — об экзотических растениях, живущих на подоконниках городских квартир.

Страницы «ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО И ЗАБЫТОГО» представят читателю «Уральского СЛЕДОПЫТА» творчество двух интересных авторов: писателя Варлама Шаламова и нашего земляка прозаика Михаила Осоргина.

Письмами Льва Кассиля на Урал мы продолжим публикацию эпистолярного наследия замечательных людей отечественной культуры.

Фото Игоря Миляева

Научная фантастика «Уральского СЛЕДОПЫТА» в 1989 году

...Внизу, в долине, среди прыгающих огоньков стал медленно проявляться темный контур, и Грант понял, что это такое. Корабль! Спасение пришло раньше, чем они рассчитывали! Трем голодным, измотанным людям невероятно повезло, еще немного — и все кончится, им помогут, не могут не помочь, хотя корабль этот явно не земной — земные корабли садятся на планеты иначе... Надо только дать сигнал, показать, что здесь, в скалах, нависших над долиной, ждут помощи потерпевшие бедствие...

Героям повести Владимира Малова «Под Солнцем Матроса Селкирка», открывающей «Аэлиту-89» (нашу НФ тетрадь), действительно повезло — дважды или даже трижды. Однако заметим, вовсе не простым делом оказалось привлечь к себе внимание инопланетных братьев по разуму...

Контакт — и впрямь дело не простое. Не случайно столь озабочены реальной его возможностью персонажи другого произведения, планируемого нами на весенние номера будущего года.

...На безымянной планетке отряд следопытов обнаружил необычайно сложный эмбриональный сейф. 55 тысяч лет назад некая сверхцивилизация заложила этот инкубатор с неизвестными и абсолютно непонятными целями. Как поступить? Что несут Земле 13 человек — совершенно неотличимые от ее обитателей, до поры до времени не знающие своего происхождения? Какая генетическая программа заложена в них?

Разумеется, кое-кто тут же воскликнет: да это же «Жук в муравейнике»! Повесть, принесшая братьям Стругацким «Аэлиту»-81, только-только появившуюся тогда первую в нашей стране премию за лучшее НФ произведение...

Да, «Жук в муравейнике». Аркадий и Борис Стругацкие написали по мотивам своей книги динамичную и емкую киноповесть, которая, мы надеемся, придется по душе всем нашим читателям.

Среди других произведений, планируемых нами на будущий год,— новая повесть Сергея Другаля «Язычники». В невероятной ситуации оказываются ее герои — лучший программист планеты и воспитатель дошколят Нури Метти, последний на Земле охотник Олле с его великолепным псом-мутантом Громом...

В редакционном портфеле — ряд произведений молодых авторов. Обещали нам также новые свои повести Север Гансовский, Владимир Михайлов, Игорь Росоховатский...

Объем нашей НФ тетради, к сожалению, не беспределен, но мы не намерены отказываться в ней и от рассказов. Солидную их подборку мы даем в следующем, сентябрьском, номере — с помощью более убористого шрифта и минимума иллюстраций. Если наш эксперимент не вызовет у читателей негативных эмоций, мы воспользуемся этим опытом и в будущем году.

«Хотелось бы на страницах «Аэлиты» встретить давно написанные, но забытые произведения. Конечно, они должны быть небольшими по объему и появляться не чаще одного раза в год...»— пишет нам Кирилл Киреев, 27-летний аспирант из Куйбышева. Подобные пожелания встречаются и в других письмах. Откликаясь на них, мы рассчитываем дать в одном из номеров подборку рассказов из «Мира приключений»— журнала, не менее популярного в 20-е годы, чем, скажем, «Всемирный следопыт» или тогдашний «Вокруг света».

Среди новшеств нашего Заочного КЛФ (с его викториной, вестями из клубов, отзывами о книгах, коллективной беседой с писателем-фантастом, строками из писем...) — краткая энциклопедия НФ, к подготовке которой мы непременно привлечем самих читателей.

ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРИНИМАЕТСЯ АГЕНТСТВАМИ «СОЮЗПЕЧАТЬ» ПОВСЕМЕСТНО И БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.

ИНДЕКС ЖУРНАЛА 73413, ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД 4 руб. 80 коп.

Уральский СЛЕДОПЫТ, № 8, 1—364.
Цена 40 коп. Индекс 73413

Научная фантастика